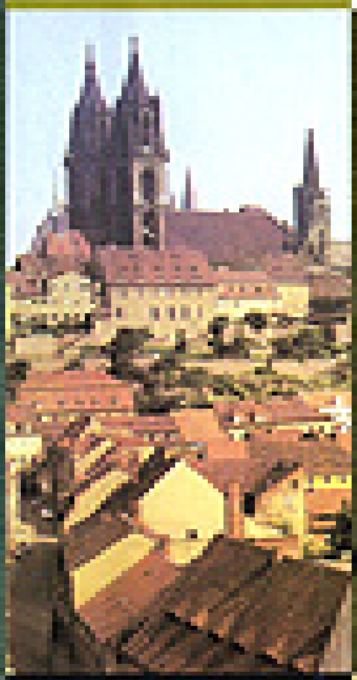
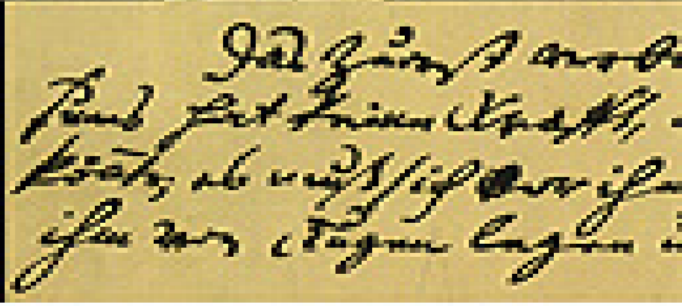
ГЕГЕЛЬ





Арсений Гулыга

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

SHOUT
SHARE
IT

- Арсений Гулыга. Гегель
  - ГЛАВА ПЕРВАЯ. ДЕРЕВО СВОБОДЫ
  - ГЛАВА ВТОРАЯ. НАУКА НАУК
  - ГЛАВА ТРЕТЬЯ. МИРОВОЙ ДУХ ВЕРХОМ НА КОНЕ
  - ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. ГАЗЕТНАЯ КАТОРГА
  - ГЛАВА ПЯТАЯ. БОЛЬШАЯ ЛОГИКА
  - ГЛАВА ШЕСТАЯ. ОТ ВЕЛИКОГО ДО СМЕШНОГО
  - ГЛАВА СЕДЬМАЯ. СОВА МИНЕРВЫ ВЫЛЕТАЕТ В СУМЕРКИ
  - ГЛАВА ВОСЬМАЯ. РАЗУМ И ИСТОРИЯ
  - ГЛАВА ДЕВЯТАЯ. В ЦАРСТВЕ ПРЕКРАСНОГО
  - ГЛАВА ДЕСЯТАЯ. БОГ УМЕР
  - ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ. ПУТЬ К ИСТИНЕ
  - ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ. БРЮССЕЛЬ. ВЕНА. ПАРИЖ
  - ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ. НЕСТЬ ЕМУ КОНЦА
  - ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
  - КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21
  - 22
  - 23
  - 24
  - 25

- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33

Арсений Гулыга. Гегель

Жизнь замечательных людей

Никогда еще, с тех пор как люди мыслят, не было такой всеобъемлющей системы философии, как система Гегеля.

Ф. Энгельс

ГЛАВА ПЕРВАЯ. ДЕРЕВО СВОБОДЫ

Вначале было дело.
Гёте

Город Штутгарт взбудоражен. В воскресную ночь 3 июля случилось нечто необычное. Впрочем, никто толком не знает, что именно. Говорят, что видели, как проехал по улицам объятый пламенем экипаж, в котором сидели люди и смеялись. А среди них, говорят, сам господин черт. Перепуганные обыватели обратились за помощью к армии. Офицер, дежурный по гарнизону, поднял тревогу. Солдатам отдан приказ: при повторном появлении нечистую силу задержать и доставить на гауптвахту. Так, по крайней мере, говорят...

К этим разговорам прислушивается мальчик. Он улыбается: ему скоро исполнится пятнадцать лет, и он давно уже не верит в черта. Кроме того, ему дополнительно известно, что произошло на самом деле. Об этом написано в его дневнике: «Господин Тюркгейм устроил концерт, который собрал много посетителей. Продолжался он до двух ночи; чтобы гости не блуждали в темноте, их развезли по домам на лошадях при свете факелов. Вот так нечистая сила. Ха! Ха! Ха! О. времена! О нравы! И это происходит в 1785 году».

Мальчик вспоминает другой случай, когда пассажиры почтовой кареты, пять или шесть человек, утверждали, что во время поездки их сопровождал почтальон без головы. До самых городских ворот ехал верхом на лошади, а головы как не бывало. И это говорят люди, получившие образование, занимающие административные посты. Впрочем, чему он удивляется? Ведь всего лишь девять лет назад в Нюрнберге увидела свет книга с красноречивым названием: «Основательное и подробное доказательство бытия и действия черта». А за год до этого в Кемптене сожгли ведьму. Правда, с тех пор ничего подобного не случалось, но где гарантия, что с этим навсегда покончено? У всех на устах слово «просвещение», однако не далее как три года назад здесь, в Штутгарте, герцог Карл Евгений Вюртембергский запретил под угрозой ареста заниматься литературой полковому медику Фридриху Шиллеру. А в тюрьме Асберг до сих пор томится поэт Шубарт, брошенный туда без суда и следствия. И подобное творится не только в Вюртемберге; в каждом немецком карликовом государстве (их насчитывается свыше трех с половиной сотен) — свой деспот, свой произвол, свое мракобесие. Обо всем этом мальчик, правда, пока еще не задумывается. Он

благонамеренный гимназист и твердо убежден в разумности существующего порядка.

Зовут его Вильгельм. Георг Вильгельм Фридрих Гегель. Он сын Георга Людвига Гегеля, секретаря казначейства, уважаемого в Штутгарте бюргера. Отец считает, что школьных знаний недостаточно, и хотя Вильгельм успевает по всем предметам и при переходе из класса в класс неизменно получает награды, к нему на дом ходят учителя.

Вильгельм много читает. Карманные деньги он тратит на книги. Большое удовольствие доставляет ему посещение герцогской библиотеки. Она открыта для посторонних в среду и субботу с двух до пяти. В просторной комнате стоит длинный стол, для каждого читателя приготовлены чернила, перо, бумага. На листке надо написать название книги, и служитель тотчас принесет ее вам. Когда Вильгельм впервые попал сюда, он выписал немецкий перевод сочинения Ватте «Введение в прекрасные науки» и прочитал раздел об эпической поэзии.

Он любит серьезные книги. У него уже есть своя манера работы с ними. Из прочитанного он делает обширные выписки на отдельных листах, которые раскладывает по рубрикам: филология, эстетика, физиогномика. арифметика, геометрия, психология, история, богословие, философия. Внутри каждого раздела соблюдается алфавитный порядок. Все уложено в папки, снабженные этикетками; таким образом, нужную выписку можно легко найти. Эти папки будут сопровождать его всю жизнь.

Из книг можно почерпнуть глубокие мысли. Вот, например, достойное внимания рассуждение о ходе развития: «Как в делах, так и во взглядах человеческого рода великие революции никогда не проходят без подготовки, их бы так даже никогда не называли, если бы пригляделись к непрерывному ряду изменений. Людям, которых величают изобретателями, нельзя отказать в таланте и гениальности, но вместе с тем ясно, что человек, знакомый с состоянием науки в момент изобретения, гораздо меньше удивляется последнему, чем тот, кто рассматривает изобретение как нечто неподготовленное. Светлые умы один за другим делают каждый какое-нибудь небольшое открытие, небольшое достижение в науке, дают ей новый поворот. Об этом обычно мало знают, особенно пока все это остается в пределах Данной науки. Но вот приходит мыслитель, перед глазами которого лежат все эти открытия, и он как бы подводит им итог, он появляется в тот момент, когда движение мысли заканчивается в определенной точке, открывающей новые пути в новые сферы. Он делает, следовательно, только один шаг, как и его предшественники, но он делает его последним, и поскольку

именно он достигает цели, то видят только его одного, не задумываясь над тем, как близко перед целью он уже был, когда начинал. В человеке, в природе, в душе происходит непрерывный рост, развитие». В дальнейшем эти мысли выльются в стройную теорию о переходе количества в качество. Но пока перед нами только выписка из анонимного автора, к тому же лишь перелагающего лекции некоего Абрагама Кестнера.

В домашней библиотеке юного Гегеля хранится томик Шекспира в немецком переводе, подаренный учителем в первые школьные годы. На книге надпись: «Теперь ты еще не понимаешь его, но скоро научишься». С тех пор прошло уже десять лет. Исполнилось ли предсказание Леффлера? Трудно сказать. Во всяком случае, молодой человек в области художественной литературы не может похвастаться ни вкусом, ни эрудицией. Детство и отрочество Гегеля проходят на фоне бурного расцвета немецкой поэзии и прозы. Один за другим на свет появляются шедевры: «Эмилия Галлоти», Гец фон Берлихиген», «Страдания молодого Вертера», «Натан Мудрый», «Разбойники». К окончанию школы будущий философ еще не знаком с этими произведениями. Книга, от которой он не может оторваться — «Путешествие Софии из Мемеля в Саксонию» Иоганна Гермеса, — одно из самых жалких и скучных изделий тогдашней литературы, роман в шести пухлых томах, подробно описывающий однообразные картины будничной филистерской жизни. Чем могла привлечь Гегеля эта книга? Видимо, в нем самом есть что-то будничное и филистерское.

Действительно, откроем снова его дневник: «Четверг, 14 июля. Господин профессор Абель и господин профессор Хопф почтили нашу компанию своим посещением. Мы гуляли вместе с ними (!) и слушали их рассказы о Вене. Пятница, 15 июля. Я гулял с господином профессором Клее. Мы читали «Федон» Мендельсона... Суббота, 16 июля. Сегодня умер господин городской писарь Клепфель, хотя все думали, что он выздоравливает. После него осталось девять детей, из которых один сын восемь дней назад был назначен на его должность, а другой прошлой осенью ушел в монастырь. Вторник, 18 июля. Сегодня также умер господин правительственный советник и тайный секретарь Шмидлин, за едой от удара, когда хотел взять ложку».

Перевернем несколько страниц. Гегеля в числе других образцовых учеников вызвали на педагогический совет. «К нам обратились с серьезным призывом предостеречь наших товарищей от дурных игр и дурного общества. Тут возникла компания молодых людей мужского пола 16—17 лет и женского

11—12... Мужчины (!) гуляют с девушками, разлагаются и убивают время самым бессмысленным образом».

«Никто не предчувствовал тогда, — пишет биограф Гегеля Куно Фишер, — что в этом невзрачном юноше, зачитывающемся таким жалким романом, таится глубокий мыслитель, которому суждено стать Первым философом века».

Впрочем, это не совсем так. На одном из сочинений Гегеля, написанном в выпускном классе, стоят в качестве оценки латинские слова: «Felix futurorum omen». Это означает: «Счастливое предзнаменование будущего». Сочинение называется «О некоторых характерных отличиях древних поэтов». Надо сказать, что насколько Гегель не в курсе современной литературы, настолько хорошо он знает античную. Он увлекается трагедиями Со-фокла и Еврипида, переводит Эпиктета и Лонгина, и ему нетрудно создать панегирик древним авторам. За год до этого в школьном сочинении «О религии греков и римлян» он излагал сугубо рационалистическую точку зрения на античность. Он писал о суеверии греков, которое коренилось в недостатке просвещения. Вместе с тем в конце работы прозвучали и некоторые критические нотки по отношению к современности. Из древней истории можно извлечь важный урок, увидеть, как привычно для человека по сложившейся традиции выдавать величайшую бессмыслицу за разум, а позорные глупости за мудрость. «Это должно насторожить нас в отношении полученных по наследству и развиваемых дальше взглядов, проверить даже те, в отношении которых у нас не возникает и тени подозрения, что они могут быть ложными или лишь наполовину истинными».

В сочинении о древних поэтах Гегель, как бы развивая эту идею, подвергает критике новейшую литературу. Теперь, по его мнению, поэт не имеет такого широкого поля деятельности, как в былые времена. Отличительным качеством и несомненным преимуществом античных авторов является простота. Их мысли почерпнуты не из книг, а непосредственно из жизни, из природы. Их забота — соответствовать истине, а не угождать вкусам публики.

Здесь, правда, нет ничего оригинального. После Винкельмана, Лессинга и Гердера увлечение античностью все более становилось достоянием немецкого образованного общества. Школьник лишь воспроизводил прочитанное. Но сделано это было убедительно и логично. Любовь к древним языкам и древним авторам Гегель сохранит и впоследствии.

Учитель доволен сочинениями и лишь отмечает ораторские промахи автора. Дело в том, что гимназисты обязаны не только написать сочинение, но и произнести его в классе, Гегель же не

блещет красноречием.

При окончании гимназии также надлежало произнести речь. Гегель выбирает тему «О жалком состоянии искусств и наук у турок». Он никогда ранее не интересовался Востоком, и на этот раз турки понадобились ему лишь в качестве риторического приема. Обрисовав жалкие дела Османской империи, оратор предлагает бросить взгляд на родной Вюртемберг. Контраст разительный. «Теперь мы поймем выпавшее на нашу долю счастье и будем достойным образом ценить то, что родились в государстве, монарх которого, убежденный в значении образования и всеобщей пользе науки, превратил их в главный предмет своих забот и воздвиг себе тем самым также и здесь непреходящий памятник, которому не устанут удивляться благодарные потомки». Это сказано о Карле-Евгении, гонителе Шиллера и Шубарта, деспоте и солдафоне! В качестве примера процветания местной культуры оратор приводит воспитавшую его гимназию, он воздает хвалу ее руководству, благодарит учителей. Затем он обращается к друзьям и товарищам, призывая их понять, какие печальные последствия влечет за собой любое пренебрежение к наставлениям учителей и начальников.

Если бы эту речь произносил кто-нибудь другой, можно было бы заподозрить издёвку. Но Гегель на хорошем счету. Мы не знаем, достигли ли его льстивые слова августейших ушей, во всяком случаем, герцогская стипендия в университете ему была обеспечена. В октябре 1788 года он поступает на теологический факультет в Тюбингене.

В герцогстве Вюртемберг два высших учебных заведения: академия имени Карла в Штутгарте, созданная Карпом-Евгением для подготовки офицеров, медиков и юристов (эту академию окончил в 1780 году Шиллер), и старинный, основанный еще в XV веке Тюбингенский университет, где учатся преимущественно будущие пасторы и учителя. Число студентов колеблется от 200 до 300. Богословское отделение, на которое осенью 1788 года был зачислен Гегель, помещается в бывшем монастыре. И порядки здесь монастырские: по команде подъем, молитва, завтрак. Лекции, самостоятельные занятия, прогулки — все строго регламентировано. За нарушение распорядка — взыскания. Если проступок не столь велик, лишают порции вина к обеду, за серьезную провинность сажают в карцер. В городе богословов зовут «черными» — таков цвет их форменной одежды.

Будущих пасторов обучают верховой езде и фехтованию. Гегеля физические упражнения увлекают мало, он, как и в школе, с большим удовольствием проводит время за книгой. Над ним смеются, называют «стариком». В альбоме одного из

однокашников появляется карикатура: сгорбленный Гегель ковыляет на костылях, под ней подпись: «Боже, помоги старику». Гегель не обижается, у него со всеми хорошие отношения, его любят, считают надежным товарищем.

Там, где можно, он пытается не отставать от других: нюхает табак, любит выпить, играет в карты и в фанты. За опоздание из отпуска попадает в карцер. Другой раз, явившись в интернат навеселе, он чудом избегает наказания: друзья прячут его от наставников. Староста комнаты предупреждает: «Смотри, Гегель, пропьешь свои мозги».

В альбом своему товарищу Гегель пишет:

Счастлив тот, кому в пути
Друга удалось найти.
Но втройне лишь тот счастливый,
Кто целует губы милой.

А на обороте: «Хорошо закончилось прошлое лето, а нынешнее еще лучше. Девизом первого было: вино; последнего: любовь! В. А.I» В. А. означает «Виват Августа!», Августа Гегельмейер, дочь профессора теологии, — первая любовь.

Она живет с матерью; в доме, где помещается студенческий кабачок. Каждый вечер девушка спускается в погреб, и ей приходится проходить мимо столиков. Студенты поджидают хорошенькую девушку. Однажды в ее честь устраивают бал. Гегель в числе участников. Но, увы, юноша не встречает взаимности. Неловкий, старообразный, неряшливо одетый, у женщин он успехом используется.

Занимается Гегель с усердием. Его первое студенческое сочинение, написанное в декабре 1788 года, в значительной степени воспроизводит то, что он писал в гимназии за несколько месяцев до этого. Тема сочинения: «О некоторых преимуществах, которые дает нам чтение древних классических греческих и римских писателей». Здесь Гегель снова говорит о том, что древние поэты черпают свое вдохновение непосредственно из природы, и осуждает книжную премудрость нового времени. Древних авторов отличает изумительное богатство языка. Античная литература — школа вкуса и красоты. Особенно полезно читать древних историков, труды которых служат образцом исторического повествования и весьма важны для понимания пути, пройденного человечеством. Человеческий дух един во все времена и отличается лишь своеобразием условий своего развития. Гегель все больше усваивает идеи историзма, которыми пронизана духовная атмосфера его времени.

Первый год Гегель заканчивает с блестящей аттестацией: «Ingenium bonum, diligens, mores boni» («Способности отличные, старательный, поведение отличное»). Все последующие десять семестров в графе «Способности» будет стоять «bonum» — «отлично». Что касается поведения, то вместо «отлично» появится «recti» («хорошо»), затем «pobi» («удовлетворительно») и, наконец, «languidi» («слабо»). Теперь перед нами уже не благонравный гимназист. Впрочем, и не бесшабашный кутила, каких много в Тюбингене, каким он мог бы стать, но не стал. Дело здесь обстоит серьезнее. В жизнь Гегеля врываются новые интересы: политика.

* * *

Весной 1789 года из Франции начинают поступать тревожные известия: в стране голод и брожение, король вынужден созвать Генеральные штаты, третье сословие выходит из подчинения, депутаты народа объявляют себя Национальным собранием. 14 июля парижане захватывают Бастилию, революция распространяется по всей стране. 26 августа Национальное собрание принимает Декларацию прав человека и гражданина — документ, сыгравший определяющую роль в духовной жизни эпохи.

Незнание, забвение или презрение прав человека, говорилось в Декларации, являются единственной причиной общественных бедствий. Поэтому депутаты народа провозглашают священные права личности — свободу и равенство перед законом. Закон может запрещать лишь действия, вредные для общества. Все, что не запрещено законом, дозволено. Никто не должен быть тревожим за свои убеждения; свободный обмен мыслями и убеждениями есть одно из самых драгоценных прав человека. Общество, в котором не обеспечена гарантия прав и не установлено разделение властей, не имеет конституции.

В Германии французская революция вызывала энтузиазм передовой части общества. В Тюбингене, как и в других городах, возникает политический клуб. Здесь обмениваются новостями о событиях во Франции, зачитывают до дыр французские газеты, спорят о судьбах родной страны. По французскому образцу тюбингенские вольнодумцы торжественно сажают символическое дерево свободы. Гегель вместе со своими друзьями Шеллингом и Гелддерлином принимает в этом участие.

Гегель — активный член клуба, на заседаниях он выступает с политическими речами. Друзья Гегеля разделяют его настроения. Студенческий альбом философа испещрен революционными

лозунгами: «Против тиранов!», «Смерть мерзавцам!», «Смерть политическим чудовищам, которые претендуют на абсолютную власть!, «Да здравствует свобода!», «Да здравствует Жан-Жак!» И затем цитата из «Общественного договора»: «Если бы существовал народ богов, он управлялся бы демократически».

Гегель увлекается революционными идеями Руссо — страстного обличителя социальной несправедливости и феодального угнетения. Руссо одним из первых разглядел изъяны буржуазного прогресса. Рост экономики, развитие науки, писал он, не приносит людям счастья, за свои приобретения человечество платит утратой свободы и нравственности. Руссо верил, что бесправное большинство народа сбросит в конце концов тиранию и обретет равенство. Идеалом государственного устройства для него были античные города-республики. События во Франции казались Гегелю осуществлением идей женевского вольнодумца.

Революция развивается. Король пытался бежать из мятежного Парижа, но был задержан и возвращен. Монтаньяры агитируют за свержение монархии. А за пределами Франции собираются контрреволюционные войска, чтобы силой восстановить старый порядок.

Неподалеку от Тюбингене, в Роттенбурге, стоит отряд французских эмигрантов. Здесь нашли пристанище бывшие офицеры королевской армии, дворяне, беглые попы, откупщики, авантюристы. В Тюбингене им лучше не появляться: студенты не дадут прохода, оскорбят, вызовут на дуэль или просто изобьют.

...По улицам Тюбингена бредет человек в изодранной одежде, лицо в кровоподтеках, он еле передвигает ноги. Выясняется, что это француз-якобинец, захваченный в плен роялистами. Чудом ему удалось вырваться из рук врагов. Он ждет погони из Роттенбурга, но двигаться дальше нет ни сил, ни средств. Клубисты приходят ему на помощь. Беглеца укрывают в надежном месте. Руководитель клуба музыкант Ветцель устраивает концерт. Собранные деньги идут -на то, чтобы переправить француза за Рейно.

В клубе находится доносчик. Начинается расследование, которое ведет лично герцог Карл, специально для этого прибывший в Тюбинген Ветцелю удалось своевременно скрыться. Остальные отделались испугом; репрессий не последовало. Не наказали даже Шеллинга, э котором известно, что он перевел на немецкий «Марсельезу». Юноша не скрывал содеянного, не каялся и на прямой вопрос герцога, он ли автор перевода «бандитской» песни, дерзко ответил: «Мы все ошибаемся по-разному».

Юный Шеллинг обладает удивительными способностями.

Пятнадцати лет (на три года раньше положенного) поступает он в университет. Гегель к этому времени начинает свой пятый семестр. Они встречаются на заседаниях клуба, их сближение происходит на политической почве. Не философия, а именно политика связала Гегеля и Шеллинга узами дружбы. Общность теоретических интересов возникнет позднее.

Философией Гегель интересуется сравниетльно мало. Канта он начал читать в тот год, когда вспыхнула революция во Франции, но революционного, духа в критической философии пока не почуял. Среди студентов-богословов образуется кружок по изучению «Критики чистого разума». Шеллинг — активный участник этого кружка, Гегель там не показывается.

Это не мешает Гегелю в двадцать лет стать магистром философии. По заведенному на геологическом факультете порядку первые два года студенты занимались преимущественно философией и затем защищали магистерскую диссертацию. Для этого нужно было написать две небольшие философские работы, сдать экзамен и принять участие в диспуте. Защите подлежала не самостоятельная работа, а диссертация, написанная профессором. Оба сочинения Гегеля, «О суждении обыденного человеческого рассудка по поводу объективности и субъективности представлений» и «Об изучении истории философии», не сохранились. Диссертацию «О границе человеческих обязанностей» представил к защите профессор Август Бэк. В диссертации отстаивалась вольфианская точка зрения на мораль: основы нравственности, по мнению автора, лежат в разуме и чувствах человека. Представления о моральных обязанностях не порождены идеей бессмертия души и бога, однако вера в высшее существо укрепляет и совершенствует эти представления. Диссертацию защищали четыре студента, в том числе Гегель и Гельдерлин. Подобно своему «брату» (так он называет Гегеля), Гельдерлин бредит революцией. Он увлечен Древней Грецией и пантеизмом Спинозы, пишет замечательные стихи. О настроениях Гельдерлина говорят выразительные строки из письма: «Я больше не привязываюсь к отдельному человеку. Моя любовь принадлежит человечеству, правда, не тому развращенному, рабски покорному, косному, с которым мы слишком часто сталкиваемся даже в пределах повседневного опыта. Но я люблю все великое и прекрасное, что заложено даже в развращенном человеке. Я люблю человечество грядущих столетий». А вот стихи, навеянные французской революцией,— последняя строфа из «Гимна к человечеству»:

Так возликуйте, гимны Славы!

Не пел таких пеанов даже Грек!
Мы верили- и вот — мы были правы:
Ты празднуешь Свободу, Человек!
К живым выходят деды-побратимы
Почтить потомков многославный род.
И к Совершенству - прах, борами чтимый,—
Громада Человечества идет! (1)

Три последних года Пребывания в университете посвящены исключительно богословию. Завершаются они защитой диссертации по церковной истории Вюртемберга. Помимо Гегеля, эту работу защищают еще восемь человек. Консисториальный экзамен осенью 4793 года — последняя дань пребыванию на студенческой скамье.

Выпускное свидетельство Гегеля гласит:

Здоровье слабое.

Рост средний.

Красноречием не отличается.

Жестикуляция сдержанная.

Способности отличные.

Суждения здравые.

Память твердая.

В письме и чтении затруднений нет.

Поведение хорошее.

Трудолюбие нерегулярное.

Физическое развитие достаточное.

По теологии успевал.

Церковным красноречием занимался не без усердия, однако большим оратором себя не проявил.

В филологии сведущ.

В философии никаких стараний не проявил [1].

Экзамен сдан, но Гегель не стремится к духовной карьере. Что-то удерживает его от того, чтобы стать священником. Что именно? Однокашник Гегеля Лойтвайн объясняет перемену в его намерениях уязвленным самолюбием: он пришел из гимназии в университет первым учеником, его товарищ по школе Мерклин был вторым. В университете они поменялись местами: Мерклин окончил университет третьим, а Гегель четвертым. Это будто бы оставило неизгладимую рану в его сердце. Если бы Гегель, уверяет Лойтвайн, кончил бы третьим, а не четвертым, он наверняка стал бы священником, и философия не обрела бы в нем своего корифея. Но дело в том, что Гегель не отличался ни самолюбием, ни честолюбием в той степени, какую приписывал

ему Лойтвайн, выдававший себя за лучшего друга Гегеля в студенческие годы. Последнее, кстати, также не соответствует действительности.

Нельзя согласиться и с теми, кто считает, что от духовного поприща Гегеля удержали плохие ораторские способности: на университетской кафедре красноречие не менее необходимо, чем на церковном амвоне. Причины лежали в ином: в антипатии к церкви, возникшей как следствие монастырско-казарменных нравов, царивших в университете, в радикальных убеждениях, сложившихся под влиянием французской революции и чтения Руссо.

В октябре 1793 года Гегель отправляется на родину Руссо — в Швейцарию, правда, не в Женеву, а в Берн. Он становится воспитателем детей тамошнего патриция Карла Фридриха Штейгера. Детей трое: две девочки и мальчик, занятия с ними отнимают не так уж много сил и времени, у Гегеля есть возможность и для продолжения образования, и для литературных занятий. В его распоряжении богатая библиотека хозяина.

Он делает выписки из работ Георга Форстера — знаменитого немецкого якобинца. В 1792 году, когда войска санкюлотов, преследуя разбитых интервентов, вступили на немецкую землю, в Майнце возникла республика, провозгласившая свое присоединение к революционной Франции. Георг Формтер был в числе ее руководителей; его жизнь оборвалась в 1794 году в Париже, где он до конца своих дней верно служил революции.

Гегель по-прежнему внимательно следит за французскими делами. Он не принял якобинского террора, как и большинство сочувствовавших революции немцев. Террор был свидетельством тупика, в который завела революцию мелкая буржуазия. Напомним читателю характеристику Ф. Энгельса: «Я убежден, что вина за господство террора в 1793 г. падает почти исключительно на перепуганных, выставлявших себя патриотами буржуа, на мелких мещан, напускавших в штаны от страха, и на шайку прохвостов, обделывавших свои делишки при терроре» [2]

Антипатия к крайностям якобинской политики не изменила, однако, в целом положительного отношения Гегеля к французской революции. «Это был великолепный восход солнца», — вспоминал он на склоне своих лет. Французская революция вошла в плоть и кровь гегелевского учения; даже став консерватором, Гегель не мог представить себе историю Европы без этого катаклизма. Маркс назвал философию Канта «немецкой теорией французской революции»; с неменьшим основанием слова Маркса можно отнести и к Гегелю. Категории диалектики

— это формы, в которых застывала лава революционных событий, как удачно выразился один автор.

Но пока еще лава кипит, а Гегель всего лишь свидетель происходящего, к тому же не переоценивающий своих возможностей. В тихом Берне он погружен в книги и рукописи. Он собирается написать работу по теории познания, и в его тетрадях накапливаются «Материалы к философии субъективного духа». Здесь чувствуются новые веяния; молодого философа волнуют каверзные вопросы: каким образом созерцание становится актом сознания? Как нервы выполняют свою роль инструментов ощущения, где размещается душа? Ответы на эти вопросы пытаются дать англичане Пристли и Гартли, француз Бонне. Гегель знаком с их работами если не в оригинале, то, уж во всяком случае, в переложении Якоба Фридриха Абеля, профессора штутгартской Карлсшуле, а затем Тюбингенского университета. Его работу «Об источниках человеческих представлений» Гегель в своих записях иногда воспроизводит дословно.

Одновременно Гегель серьезно штудирует Канта, значение которого постепенно начинает осознавать. «От Кантовой философии и ее высшего завершения я ожидаю в Германии революцию», — пишет он Шеллингу. Внимание Гегеля, правда, привлекает не «Критика чистого разума» (это придет потом), а работы по практической философии и их истолкование в учении Фихте. «У иных голова закружится от той огромной высоты, на которую философия вознесла человека; однако почему столь поздно встал вопрос о достоинстве человека, о признании его способности быть свободным, способности, которая ставит его в один ряд со всеми духами. Мне кажется, нет лучшего знамения времени, чем то, что человечество изображается как нечто достойное такого уважения. Это залог того, что исчезнет ореол, окружающийземных угнетателей и богов. Философы докажут это достоинство, народы научатся его ощущать, и тогда они уже не станут требовать свое растоптанное в грязи право, а просто возьмут его назад, освоят его». С неподдельным пафосом Гегель провозглашает: «Стремитесь к солнцу, друзья, чтобы скорее созрело спасенье человеческого рода! Что из того, что нам мешают ветви и листья, пробивайтесь к солнцу!»С высоких философских материй Гегель неизменно сбивается на политику, которая по-прежнему в центре его духовных интересов. «Не отставать!» — повторяет он студенческий девиз Шеллинга, но ему не угнаться за своим юным другом. Тот уже публикует в печати свои теоретические работы, а Гегель не решается даже высказать о них критическое мнение: «В этом вопросе я только ученик». А в

ответ на просьбу Шеллинга сообщить о своих литературных занятиях замечает: «О моих работах не стоит даже говорить».

А между тем он много пишет. В Берне Гегель работает над произведением, начатым еще в Тюбингене. Оно осталось незавершенным, и было издано много лет спустя после смерти философа под названием «Народная религия и христианство». Гегель убежден в том, что религия является «одним из самых важных дел нашей жизни», в религии прежде всего заинтересовано «сердце». Подлинная, живая, «субъективная» религия выражается в чувствах и поступках. Ей противостоит, или, точнее, в нее включена «объективная» религия, существующая в виде мертвого знания о боге. Если первую можно сравнить с живой книгой природы, то вторая — кабинет натуралиста, который умерщвляет насекомых, засушивает растения, заспиртовывает животных, укладывает в единую рубрику все то, что природа разъединяет, устанавливает единую цель там, где природа связывает узами дружбы бесконечное многообразие целей. Иными словами, «субъективная» религия — это синоним морального поведения, она присуща «хорошим людям», объективная религия — это богословие; относительно его моральных потенций Гегель выражается сдержанно, полагая, что оно способно «принимать любую окраску, почти безразлично какую».

«Объективная» религия опирается на рассудок, однако рассудок никогда не диктует принципы, это всего лишь слуга, который угодливо следует за настроением своего господина; рассудок делает умнее, но не лучше и даже не мудрее: «мудрость — это не наука». Говорят, рассудок раскрывает истину; но какой смертный отважится вообще решать, что такое истина? Как не похожи все эти рассуждения на взгляды зрелого Гегеля, как близки они руссоистским принципам, движению «Бури и натиска» с его бунтом чувств против рассудка.

У богословов Просвещения заимствует Гегель термин «позитивная» религия, которым он обозначает религию, опирающуюся на авторитет и традицию. Антипод позитивной религии — религия народная; ее догматы хотя и покоятся на разумных началах, но обращены прежде всего к чувствам, ее ритуал включает в себя «публичные государственные действия».

За богословской терминологией явно просвечивает проблема разумного социального устройства, идеалом которого для молодого Гегеля (как и для Руссо) является античная демократия. «Народная религия рождает и питает высокий образ мыслей — она идет рука об руку со свободой. Наша религия хочет воспитать людей гражданами неба, взор которых всегда устремлен ввысь и

которым чужды человеческие чувства. Во время нашего наиболее значительного публичного праздника люди приближаются к вкушению святого дара в краске траура с опущенным взором… тогда как греки приближаются к алтарям своих богов увенчанные милостивыми дарами природы, цветами, облаченные в краски радости, выражая удовлетворение на своих открытых лицах, приглашающих к веселью и любви. Дух народа, его истории, степень политической свободы не могут рассматриваться отдельно, они тесно взаимосвязаны».

Пока Гегель критикует не само христианство, а его современное состояние. Он недоволен церковью, но верит в бога. Когда Шеллинг в одном из писем иронизирует по поводу кантианцев, которые так ловко манипулируют моральными доводами, что «прежде чем ты успеешь опомниться, перед тобой уже появляется deus ex machina [3], личное, индивидуальное существо, восседающее высоко на небе», Гегель просто не понимает, о чем идет речь. «Разве ты думаешь, что мы не способны на это?» — спрашивает он друга и просит дать разъяснения. В ответ он получает возмущенную отповедь: «Признаюсь, вопрос твой меня поразил: я не ожидал его от поклонника Лессинга. Однако ты правильно решил узнать, решен ли этот вопрос у меня окончательно. Для себя ты его, конечно, уже давно решил. У нас также нет ортодоксальных понятий бога. Мой ответ таков: мы пойдем дальше понятия персонального существа. За это время я стал спинозистом».

О себе Гегель этого сказать не может. Его привлекает фигура Христа. Летом 1795 года в живописном уголке Швейцарии — имении Штейгеров Чугг — Гегель создает жизнеописание основателя христианской религии. Внешне это переложение евангельских текстов, но какова интерпретация! Ни слова о благовещении, непорочном зачатии, чудесах, воскресении из мертвых. Христос Гегеля — моралист, апеллирующий к разуму человека. Это тоже характерный момент: взгляды молодого богослова не устоялись, еще год назад он превозносил чувство, теперь на первом месте разум. «Чистый разум, которому нет предела, есть само божество. В соответствии с разумом упорядочен план мироздания. Именно разум аскрывает перед человеком его назначение, безусловную цель жизни; иногда мгла обволакивает его, но никогда не тушит полностью, даже во тьме кромешной сохраняется хотя бы слабое его мерцание». Так начинается рассказ Гегеля о жизни Иисуса, написанный удивительно ясной и проникновенной прозой. Никогда в будущем в стилистическом отношении он не создаст ничего более совершенного.

В уста Христа Гегель вкладывает нечто вроде кантовского категорического императива [4]: если вы хотите, чтобы что-то стало всеобщим законом и касалось бы вас, поступайте соответствующим образом. Такова формула нравственности (Гегель пока не отличает ее от морали), а нравственность — единственный масштаб богоугодности. С каждого спросится по его делам. Превыше всего человек, индивид.

Проходит несколько месяцев, и молодого мыслителя обуревают иные думы. Христианская проповедь, обращенная к личности, его уже не устраивает. Он садится за новую рукопись, которая впоследствии получит название «Позитивность христианской религии». Позитивность, мы уже знаем, — это своего рода окостенелость.

Первоначальное учение Христа Гегель отличает от возникшего затем христианства. И тем более от христианства позднейшего, ставшего государственной религией. Эти три разновидности христианской религии — три этапа ее омертвления, усиления черт «позитивности», которые, впрочем, характерны уже и для проповеди ее основателя. Христос стремился преодолеть «позитивность» выродившейся иудейской религии верой в собственный авторитет. «Кто будет веровать и креститься, спасен будет, а кто не будет веровать, будет осужден». Эти слова Иисуса, замечает Гегель возможны в устах создателя позитивной религии, а не учителя добродетели.

А окружение Христа? Гегель сопоставляет Иисуса с Сократом, учеником которого мог быть каждый; среди его друзей находились торговцы, солдаты, государственные мужи, каждый из которых был занят своим делом. Христа окружают двенадцать апостолов, проповедников его учения, интересующихся только им самим, только его делами, его словами. Это создает условия для духовного догматизма, авторитарности.

Догматы Иисуса обращены к индивиду, а не к роду. Если хочешь быть совершенным, продай свое имущество и подели деньги среди бедных; это поучение Христа, даже если его представить в качестве принципа поведения только небольшой общины, ведет к слишком абсурдным следствиям, чтобы его можно было распространить на общество в целом. Общество может процветать только в том случае, если все его члены руководствуются едиными, обязательными для всех принципами поведения. Таков Рим в период его могущества. Здесь не раздумывали над тем, что делать, ибо это было ясно каждому. В Риме были только римляне, но не было человека. Здесь никогда не появился бы Христос.

Однако каким образом утвердилось христианство? Почему

исчезла «народная религия» древнего мира? Гегеля не удовлетворяет обычный для его времени ответ: вера Христа соответствовала возросшим потребностям человеческого духа, который не мог более поклоняться толпе богов, озорничающих, дерущихся, прелюбодействующих. Из сердца народа религию не вырвешь кабинетными умозаключениями, не просвещение распространяло христианство. Ответ Гегеля гласит: религия римская и греческая — религия свободных народов, а когда свобода была утрачена, то неизбежно суждено было исчезнуть и ее смыслу, ее силе, ее сообразности людям. Зачем сети рыбаку, если русло реки пересохло? Ранние работы Гегеля далеки от канонического богословия, скорее это обвинение против церкви. Речь идет в первую очередь о христианстве, но не только о нем. «Основной порок, лежащий в основе всей церковной системы, — это непризнание прав любой способности человеческого духа, особенно же первейшей среди них — разума; и поскольку разум не призван и не понят церковной системой, то она не может быть не чем иным, как системой презрения к людям».

Это уже нечто большее, чем критика христианства. В лице церкви Гегель обличает систему подавления духовной свободы. Официальная религия служит лишь мантией для прикрытия деспотического режима, и деспотизм стоит на страже существующих верований. «Возможность, чтобы вера изменилась, предотвращается запретом чтения тех или иных книг, обсуждения в разговорах на церковных и учебных кафедрах чужих мнений... Всякая церковь выдает свою веру за поп plus ultra [5] всей истины... любая церковь утверждает, что на целом свете нет ничего более простого, чем обретение истины: стоит только на память заучить соответствующий катехизис».

Для того чтобы вернуть утраченную духовную и политическую свободу, необходимо коренное переустройство общества. Молодой Гегель видит выход в устранении государства. В этом отношении весьма характерен фрагмент «Первая программа системы немецкого идеализма», написанный ранним летом 1796 года. Государство здесь оценивается в духе Гердера — как нечто механическое, антигуманное, рожденное насилием и обреченное на исчезновение, как машина. «Мы должны, следовательно, выйти за пределы государства! Ибо любое государство обязано рассматривать свободных людей как механические шестеренки, а именно этого делать нельзя, следовательно, оно должно исчезнуть». Философ намеревается разоблачить «до конца всю жалкую человеческую возню с государством, конституцией, правительством, законодательством». Гегель верит в наступление «вечного мира»,

ставит выше всего идею красоты и даже призывает создать «новую мифологию». «Я убежден, что высший акт разума, охватывающий все идеи, есть акт эстетический, и что истина и благо соединяются тесными узами лить в красоте. Философ, подобно поэту, должен обладать эстетическим даром. Люди, лишенные эстетического чувства, — таковы наши философы-буквоеды. Философия духа — это эстетическая философия. Ни в одной области нельзя быть духовно развитым, даже в истории нельзя рассуждать серьезно, не обладая эстетическим чувством».

Трудно поверить, что эти строки принадлежат Гегелю. Они настолько отличаются от всего потом написанного, что возникли даже сомнения в его авторстве. Действительно, мыслитель, который в будущем поставит превыше всего разум человека, пока что подчиняет его эстетическому чувству. Будущий безусловный апологет государства разносит его в пух и в прах. В свою гуманистическую программу Гегель принимает как само собой разумеющееся пункт о вечном мире, и осуществление его, связывает с реализацией идеи истины, блага и красоты.

Поэтическое умонастроение философа (иногда он даже пишет стихи) питается красотами духа. Красота швейцарского ландшафта не радует его. Гегель, правда, охотно гуляет в окрестностях Берна и Чугга, а однажды в июле 1796 года в компании трех таких же, как он, гувернеров совершает даже многодневную пешеходную экскурсию по Альпам. Их путь лежит к Гриндельвальдскому глетчеру, затем к Райхенбахскому водопаду, далее на Сен-Готард, через Чертов мост, по Фирвальдштетскому озеру в Люцерн и оттуда домой в Берн. Такой маршрут. А каковы впечатления?Покрытые вечными снегами исполинские горы оставляют Гегеля равнодушным. В путевом дневнике он записывает: «Среди этих бесформенных масс нельзя найти чего-либо такого, что порадовало бы глаз и дало бы занятие игре воображения. Размышляя о возрасте этих гор и о тех особенностях возвышенного, которые им приписывают, разум не обнаруживает ничего, что бы ему импонировало, порождало бы удивление и восторг. Вид этих вечно мертвых масс вызвал у меня только однообразное и бесконечно скудное представление: так всегда». Философа, мысли которого целиком погружены в кипучую политическую и духовную жизнь века, удручает мрачное и неподвижное величие альпийского ландшафта. Он не ищет ни тишины, ни покоя и от души радуется, обнаружив в природе нечто такое, что соответствует его бурному течению мыслей. Это водопад Райхенбаха. Здесь все в движении, и, хотя кажется, будто перед глазами постоянно стоит одна и та же картина, на самом деле она непрерывно меняется.

Очутившись в безлюдной скалистой местности, непригодной для жилья, философ размышляет о бессмысленности телеологии, веры в то, что природа создана для удовлетворения потребностей человека. Свое скудное пропитание человек здесь буквально должен отвоевывать у гор, не будучи уверен, что завтра его не раздавит лавина. Среди этой пустыни могут возникнуть любые теории, только не та часть физико-теологии, которая уверяет, будто в природе все устроено для людского блага. Как жалок и самоуверен человек, убежденный в том, что посторонние силы заботятся о его счастье! Философу по душе пейзаж иного рода; он любит (и будет любить всю жизнь) природу, освоенную и упорядоченную человеком. В зрелые годы его глаз радуют тучные пастбища Нидерландов, сады Монмартра, долина Дуная, окрестности Гейдельберга. Среди дикой природы ему неуютно. К тому же Гегель тяготится своим пребыванием в чужой стране, в чопорной патрицианской семье, вдали от друзей и близких. Он просит Шеллинга и Гельдерлина помочь ему выбраться на родину. Проходит некоторое время, и в октябре 1796 года Гельдерлин, учительствующий во Франкфурте, сообщает радостную весть: коммерсант Гегель готов его принять в свой дом на весьма выгодных условиях.

В начале 1797 года происходит переезд. Побыв недолго в родительском доме, Гегель отправляется во Франкфурт. Друзья встречаются, но долго быть вместе им не суждено. Гельдерлин вынужден покинуть город. Юный поэт влюблен в жену хозяина дома, где он служит, — Сюзетту Гонтар. Ему отвечают пылкой взаимностью. Он называет ее Диотимой (это имя жрицы или платоновского диалога «Пир»). Диотиме он посвящает свои стихи, называет Диотимой героиню своего романа «Гиперион». «Это было какое-то любовное безумие», — вспоминает очевидец. Таиться более невозможно. Гельдерлин уезжает.

Дальнейшая его судьба трагична. Поэт попадает во Францию. Но там уже отгремели революционные бури, всюду коррупция, культ военщины, мещанство и карьеризм. Гельдерлин тайком переписывается с Диотимой, которую по-прежнему страстно любит. Вдруг из Франкфурта приходит печальное известие: его возлюбленная умерла. Этого удара он уже не может выдержать. Душевное расстройство быстро прогрессирует. Летом 1803 года Шеллинг встречает Гельдерлина в Швабин и сообщает о своих впечатлениях Гегелю (который к тому времени обосновался в Иене): «Его вид потряс меня, внешность вызывает отвращение неопрятностью, у него манеры людей, которые находятся в подобном состоянии, хотя речь его меньше всего свидетельствует о сумасшествии. Здесь ему не вылечиться. Я хотел тебя спросить,

не примешь ли ты его в Иене, если он туда приедет, а такое намерение у него есть. Ему нужно спокойное окружение; заботливый уход, может быть, поставит его снова на ноги. Тот, кто примет его, должен, конечно, стать его наставником и заново создавать его. Если удастся совладать с его внешностью, то он будет не в обузу — ведет он себя тихо и весь погружен в себя».

Ответ Гегеля: «Благодарю тебя за разнообразных воспоминания о Швабин, которые ты мне сообщил. Для меня были неожиданностью разнообразные художественные достопримечательности, которые ты открыл в Штутгарте. Но все же этого мало для того, чтобы создать противовес для всех прочих плоских и неинтересных вещей, что гнездятся там. Еще большей неожиданностью для меня было появление в Швабии Гельдерлина, да еще в таком виде. Ты, конечно, прав: там он вряд ли излечится. Но теперь уже не поможет и Иена. Весь вопрос в том, достаточно ли в его состоянии одного покоя, чтобы поправиться. Я надеюсь, что он все еще питает ко мне некоторое доверие, которое он когда-то ко мне имел, и это даст мне возможность что-нибудь для него сделать здесь, - если он тут появится».

Некоторые биографы Гегеля утверждают, что философ и поэт никогда не были друзьями. Это неверно. «Дорогой брат, — пишет Гельдерлин Гегелю вскоре после окончания университета, — ...мы верим, что наша дружба будет вечной». Гегель отвечает ему не менее восторженно: «Ко мне вновь пришла радость — весть о тебе. Каждая строка твоего письма говорит о неизменной любви ко мне. Я не могу выразить, как много радости оно мне принесло я еще больше — надежды. Надежды увидеть тебя». Не верить искренности этих слов нельзя. Два столь несхожих характера тянулись друг к другу, как бы стараясь компенсировать у себя отсутствие тех или иных духовных качеств. Подражая поэту, философ писал стихи. «Общение с Гегелем, — признавался Гельдерлин, — для меня крайне благотворно. Я люблю таких спокойных, рассудочных людей; они могут служить ориентиром в тех случаях, когда не знаешь, как определить свое отношение к миру и самому себе». Других свидетельств об их встречах во Франкфурте не сохранилось. Может быть, там наступило охлаждение, может быть, позднее.

Гельдерлин умер в 1843 году. С 1806 года он находился в состоянии полного помешательства, сначала в клинике, затем в приютившей его чужой семье. Гегель ни разу не навестил его. Первое время в письмах к однокашнику Синклеру он справлялся о здоровье поэта, но Синклер тоже не был в курсе дела, и скоро имя Гельдерлина исчезло из их переписки. Гегель слишком ценил

разум; человек, потерявший способность мыслить, был для него мертв.

Вернемся, однако, во Франкфурт. У Гегеля здесь свои переживания, своя любовь. Разумеется, без тех крайностей, которые погубили его друга. О женитьбе философ пока не помышляет, хотя бы потому, что еще не обеспечен («Никакая любовь не бывает столь сильна, чтобы заставить удалиться в пустыню, отказаться от удобств и жить одной только любовью», — так выскажется он позднее), и чувство увядает, как тот венок, который сплела ему Нанетта Эндель, штутгартская модистка. «Венок, который соединяет друзей в разлуке, — пишет он ей, — я сделаю спутником своей жизни. Цветы засохли, жизнь покинула их, но разве есть на свете такое, что бы не мог оживить дух человека, что бы он не заставил говорить? Этот веночек будет мне всегда нашептывать: где-то живет маленькая черноокая голубка, твоя подруга». Своей милой Гегель рассказывает о театральной жизни Франкфурта: «Среди актрис есть прелестные девицы, которые столь естественно изображают женское благородство, насколько оно им чуждо за пределами сцены. Я пишу «по-видимому», потому что знаю это не по своему опыту». Магистр философии не хотел, чтобы его заподозрили в легкомысленном поведении, а тем более неверности. Но все обошлось без эксцессов. Нанетта умерла старой девой, сохранив как святыню те несколько писем, которые Гегель прислал ей из Франкфурта.

Во Франкфурте в 1798 году появилась первая печатная работа Гегеля. Это была вышедшая анонимно небольшая книжица, носившая название. «Доверительные письма о прежних государственно-правовых отношениях Вадтланда к городу Берну. Полное разоблачение бывшей олигархии бернского сословия. Снабженный примечаниями перевод с французского писем покойного ныне швейцарца». Гегелю действительно принадлежал перевод и комментарии. Автор писем швейцарский адвокат И. Карт (находившийся, правда, в то время еще в полном здравии) обличал деспотические порядки, господствовавшие в Берне до прихода туда французов. Некоторые мысли автора привлекли внимание Гегеля, и он снабдил их своими соображениями. Отсутствие гражданских свобод в Бернском кантоне проявляется прежде всего в судебном произволе властей. Судопроизводство находится целиком в руках правительства и администрации, поэтому нормы орава практически не соблюдаются. Нигде на свете не казнят людей в таком количестве — вешают, колесуют, сжигают, — как в этом кантоне. Защиту на суде никто не слушает, высшая инстанция, не вникая в суть дела, автоматически утверждает приговор низшей. Гегель сообщает анекдотический

случай, который чуть было но закончился трагически. Молодая женщина была обвинена в убийстве новорожденного и приговорена к смерти. Во время исповеди перед казнью она сказала священнику, что ей больше всего жалко ребенка, которого она носит под сердцем. Дальнейшее освидетельствование выяснило, что обвиняемая, действительно, беременна и еще не родила того ребенка, в убийстве которого обвинялась. На вопрос, почему она не сказала этого раньше, она ответила, что не осмелилась противоречить тем строгим господам, которые ее допрашивали.

Внимание Гегеля по-прежнему приковано преимущественно к сфере политики, социального устройства, религии. Новым является интерес Гегеля к политической экономии. В начале 1799 года Гегель читает и подробно конспектирует немецкое издание книги английского экономиста Стюарта «Исследование основ государственной науки». Гегель задумывается над имущественными проблемами и угадывает в них корень социальных конфликтов. «В государствах нового времени, — читаем мы в одном из франкфуртских фрагментов, — обеспечение собственности — это ось, вокруг которой вращается все законодательство и с которой так или иначе соотносятся большей частью права граждан. В некоторых свободных республиках древности самой конституцией нарушалось то право собственности, которое составляет заботу всех наших властей и гордость наших государств... Было бы важно установить, в какой мере правом собственности следует жертвовать для установления стабильной формы республики. Может быть, совершалась несправедливость по отношению к системе санкюлотизма во Франции, когда приписывали хищным инстинктам те меры по установлению имущественного равенства, которые там намеревались осуществить».

Собственно философские проблемы, казалось бы, не волнуют молодого мыслителя, но это не совсем так: хотя они и оттеснены на второй план, но при внимательном рассмотрении можно увидеть их подспудное, подчас даже доминирующее воздействие на духовный мир Гегеля. Главная работа, возникшая во Франкфурте — неоконченная рукопись, получившая впоследствии название «Дух христианства и его судьба». Главный персонаж по-прежнему Иисус. Но здесь он уже не глашатай кантовской этики, а ее оппонент. Внешне это выглядит как полемика с Моисеем, отцом законодательства древних иудеев. Законы Моисея несли слова бога, пишет Гегель, не как истину, а как приказ. Евреи зависели от своего бога, а то, от чего человек зависит, не может иметь форму истины. Господство и подчинение

несовместимы с истиной, красотой, свободой. Судьба иудейского народа — судьба Макбета, связавшего себя с нечистой силой; трагическое в этой судьбе пробуждает не сострадание, а отвращение.

Христос хотел преодолеть внешний характер норм, господствовавших в древней Иудее, восстановить человека как нечто целое, в котором органически слиты личные склонности и общественные обязанности. И далее уже не Христос спорит с Моисеем, а Гегель с Кантом. Моральность, по Канту, есть подчинение единичного всеобщему, победа всеобщего над противостоящим ему единичным; для Гегеля задача заключается в возвышении единичного до всеобщего, в снятии двух этих противоположностей через их слияние. Это чрезвычайно важный момент; фактически именно здесь зарождается будущая гегелевская диалектика. Проблема уже поставлена: как найти такое неформальное всеобщее, которое органически сочеталось бы с единичным и особенным? Корни диалектической логики — в этике.

Проблема поставлена, задача сформулирована — объединить личную склонность и моральный закон, единичное и всеобщее, но решение, которое пока дает Гегель, потом его никак не сможет удовлетворить. Сейчас ему панацеей представляется сама жизнь и ее высшее проявление — чувство любви, объединяющее противоположности. Так Иисус противопоставлял сухой ветхозаветной заповеди «не убий» призыв к всеобщему примирению, который «не просто направлен против этого закона, но делает его излишним; он содержит в себе такую жизненную полноту, что столь бедный по содержанию закон для него просто не существует».

Нельзя исчерпать факторы, определявшие духовное развитие Гегеля, не упомянув немецкой мистики. В зрелые годы великий рационалист будет симпатизировать Баадеру. Пока что он конспектирует Мейстера Экхартаи Таулера. В какой-то мере к мистикам восходит и идея совпадения противоположностей, которая все больше овладевает мыслями молодого Гегеля.

Ортодоксия отталкивает мыслителя, ереси привлекают. Он считает, что ереси и секты будут существовать до тех пор, пока церковь не перестанет душить мысль, выступая от имени государства. И когда Гегель ставит выше философии религию, он имеет в виду не-официальное вероучение. «Философия должна потому исчезнуть в религии, что первая представляет собой мышление и, следовательно, имеет в качестве противоположности, с одной стороны, немышление, а с другой — мыслимое». Религия же снимает все противоречия частичного

бытия, жизнь предстает б ней как нечто бесконечное, где все противопоставления погасли. Цитата заимствована из наброска, получившего название «Фрагмент системы». Время написания — осень 1800 года. Это своего рода последнее - слове молодого Гегеля. Дальше начинается новый этап.

Философу уже тридцать лет. Год назад умер его оец; доля наследства, доставшаяся Гегелю, невелика— немногим более 3000 гульденов, но этих денег достаточно, чтобы вступить на академическое поприще. В январе 1801 года Гегель перебирается в Иену.

ГЛАВА ВТОРАЯ. НАУКА НАУК

Ответ на вопросы, которые оставляет без ответа философия, заключается в том, что они должны быть иначе поставлены.
Гегель

Иена была выбрана не случайно. Среди университетских городов тогдашней Германии не было другого места со столь интенсивной интеллектуальной и художественной жизнью. Славу Иенского университета приумножил Фридрих Шиллер, занявший в 1789 году должность профессора истории. На его вступительную лекцию собралось больше половины всех здешних студентов. В Иене Шиллер написал «Историю Тридцатилетней войны», «Письма об эстетическом воспитании», трилогию о Валленштейне.

С 1794 по 1799 год здесь преподавал Фихте. Немецкая реакция не могла простить Фихте революционных взглядов и ждала лишь повода, чтобы расправиться с профессором-вольнодумцем. Такой повод представился, когда в издававшемся Фихте совместно с Нитхаммером «Философском журнале» появилась атеистическая статья Карла Форберга «Развитие понятия религии». Сам Фихте не был атеистом, он не разделял взглядов Форберга на религию, однако счел возможным опубликовать его статью, снабдив ее своим предисловием. Так возник знаменитый «Спор об атеизме», в ходе которого против Фихте было выдвинуто обвинение в безбожии. Дело кончилось тем, что после официального выговора Фихте вынужден был покинуть Иену.

Фихте был возмущен до глубины души: его наказали за мнимый подрыв веры, да еще в государстве, где глава церкви Иоганн Готфрид Гердер безнаказанно излагает в печати философскую систему, которая так же похожа на атеизм, как «одно яйцо на другое». Речь шла о спинозизме, приверженцами которого был не- только Гердер, но и его друг, министр Веймарского герцогства Гёте. Последний к тому же не скрывал своей антипатии к христианству. Евангелие он называл нелепицей. Добившись назначения Гердера на высокий церковный пост, он тут же разразился эпиграммой, в которой сравнил своего друга с Христом: сын божий разъезжал на одном осле, а Гердер будет иметь в своем распоряжении сто пятьдесят — это подчиненные суперинтенданту духовные лица. Гердер —

священник; положение обязывает, и он пытается совместить пантеизм Спинозы с протестантским вероучением, правда, весьма далеким от ортодоксии. Бессмертие души, например, он понимает всего лишь как неунмчтожимость и преемственность культуры.

Вокруг Гёте и Гердера сложился кружок единомышленников-вольнодумцев, наиболее радикальные из которых уже последовательно отстаивают материалистические идеи. Таков Август Айнзидель, который, впрочем, современникам был известен не своей литературной деятельностью, а нашумевшим любовным приключением. Он полюбил замужнюю женщинуЭмилию Вертерн. Встретив взаимность, Айнзидель решился на рискованный шаг. Была инсценирована смерть Эмилии, уехавшей из Веймара, и ее похороны, а влюбленные отправились в Африку. Вскоре, однако, все выяснилось, и, когда через два года Айнзидель снова вернулся в Веймар, перед ним закрылись двери домов «высшего общества». Своих произведений Айнзидель никогда не публиковал, лишь давал переписывать Гердеру, в записях которого они и дошли до наших дней, впервые увидев свет в ГДР в 1957 году. В более законченные формы выливалось творчество Карла Людвига Кнебеля. Это был поэт и философ, поклонник Эпикура, переводчик Лукреция, он входил в веймарский кружок, с которым не порвал, даже переселившись в Иену. Вообще Веймар и Иена — одно целое. Веймар — столица, Иена — университетский центр, езды из города в город несколько часов. На рубеже столетий в Иене как бы в противовес веймарскому кружку гётеанцев возникает кружок романтиков. Его основатель и идейный вождь Фридрих Шлегель начал с увлечения революционными идеями. Разочарование наступило довольно скоро. Шлегель не мог, однако, примириться с деспотизмом, полицейским произволом, буржуазной прозой жизни. Это неприятие современности пробуждает у него интерес к прошлому, к немецкой национальной культуре, к средним векам, а затем и к католической религии. Его интерес разделяют друзья — родной брат Август Шлегель, поэты Новалис, Вакенродер, Тик. Их объединяет забота о судьбах личности («Только индивидум интересен», — говорит Новалис), ненависть к унылому миру капиталистического стяжательства, вера в спасительную роль искусства. В сфере художественного творчества человек достигает подлинной свободы, и наиболее верное средство здесь ирония, по словам Ф. Шлегеля, «самая свободная из всех вольностей, которая дозволяет человеку возвыситься даже над самим собой».

Другая сфера свободы — любовь. Требование эмансипации чувств занимало существенное место в программе романтиков.

Фридрих Шлегель скандализировал обывателей историей своих отношений с женой банкира Фейт Доротеей. В конце концов их «свободная» любовь, описанная в повести Шпегеля «Люцинда», завершилась законным браком и совместным переходом в католичество. Еще более знаменательна судьба Каролины Михаэлис. Рано овдовев, она стала соратницей и другом Форстера в Майнце, после подавления республики попала в тюрьму, откуда ее вызволил Август Шлегель, ставший ее новым мужем. Третий ее муж — Шеллинг — закончил, как и Ф. Шлегель, религиозными исканиями.

Первоначально романтики ориентировались на философию Фихте, но затем их больше стало устраивать учение Шеллинга с его культом природы, искусства и религии.

На философском горизонте звезда Шеллинга взошла довольно рано. В 1798 году, двадцати трех лет от роду он становится экстраординарным профессором Иенского университета. Рано созревший как ученый, овеянный славой революционера в философии, блестящий оратор, автор толстых книг, он был кумиром студенчества. Набитая до отказа аудитория рукоплескала ему, и он держался как вождь направления.

Гегель радовался успехам друга и однокашника, которого со студенческой скамьи привык считать своим духовным руководителем, хотя Шеллинг был на пять лет моложе его. Приехав в Иену, Гегель поселился у Шея-линга. Не только личная симпатия, но И общность воззрений укрепляют узы дружбы. В первой опубликованной под своим именем работе Гегель выступает на стороне Шеллинга. Работа называется «Различие между системами философии Фихте и Шеллинга». Поводом для ее создания послужили заявления Рейнгольда о том, что Шеллинг лишь повторяет фихте и что вообще в немецкой философии «революция окончена». Сколько раз, пишет Гегель, подобную фразу произносили во Франции как раз тогда, когда революция шла вперед. Что касается немецкой философии, то здесь еще все впереди. Начало положил Кант.

Для того чтобы схватить логику рассуждений Гегеля, нам придется вспомнить некоторые идеи «Критики чистого разума». В этом главном своем труде Кант взорвал господствовавшие на протяжении всей истории философии представление о пассивной, созерцательной природе познания. Именно он первым обратил внимание на «деятельную» сторону сознания, исследование которой Маркс считал основной заслугой немецкого классического идеализма. Человек смотрит на вещи через призму своей деятельности, сознание не только отражает мир, но и творит его — такова точка зрения материалиста-диалектика.

Истоки этого взгляда у Канта. Человек, по Канту, имеет дело не с миром вещей самих по себе, а с миром явлений, в формировании которых важнейшая роль принадлежит самой познавательной способности.

Канта сравнивают с Коперником. Раньше, поясняет эту мысль Гейне, интеллект, подобно солнцу, вращался вокруг мира явлений и старался освещать их. Кант остановил интеллект и заставил явления вращаться вокруг него; они освещаются по мере вхождения в сферу этого солнца.

Другое не менее важное открытие Канта — вывод о неизбежности противоречий в познании. Разум человека пытается проникнуть в мир вещей самих по себе, но он с необходимостью при этом наталкивается на противоречия. Противоречие — признак заблуждения, таков традиционный взгляд, с которым Кант порвать не смог. Следовательно, делал вывод Кант, разум не в состоянии выполнить свою задачу.

Рассудок и разум — две различные сферы интеллекта, познания. Рассудок обрабатывает чувственные данные, сортирует их, раскладывает по полочкам научного мышления, придает им форму всеобщности. Это сфера естествознания. Разум — сфера философии, метафизики (в широком смысле этого слова), он призван установить внутреннюю связь между явлениями, их сущность, а это, по Канту, невозможно. Кант превознес рассудок, но принизил разум. «Если рассудок был рассмотрен разумно, то разум рассматривается рассудочно», — пишет о Канте Гегель, начиная свое первое философское исследование.

Фихте подхватил идею Канта об активности сознания. По словам Гегеля, он освободил кантовское учение от «досадной непоследовательности» — вещи самой по себе. Перед человеком всегда только процесс и результаты его деятельности. Следовательно, рассуждает Фихте, основа сущего — субъект, «Я». Фихте по-новому подошел и к кантовской проблеме противоречия. Для Канта противоречие — это препона, через которую не может пробиться разум, стремящийся к истине. Для Фихте противоречие — творческое начало, источник действия и развития. «Я» с неизбежностью переходит в свою противоположность — «не-я», затем они сливаются воедино. Здесь уже вырисовываются более четкие контуры диалектического мышления, чем у Канта. Они видны, несмотря на плотную завесу субъективного идеализма.

Некоторые термины Фихте нуждаются в уточнении. «Толпа полагала, — пишет Гейне, — что фихтевское «Я» есть «Я» Иоганна Готлиба Фихте и что „это индивидуальное «Я» отрицает все прочие существования. «Какое бесстыдство! — восклицали

добрые люди. — Этот человек не верит, что мы существуем, мы, которые гораздо толще его и в качестве бургомистров и судейских делопроизводителей даже приходимся ему начальством» Дамы спрашивали: «Верит ли он хотя бы в существование своей жены? Нет? И это спокойно терпит мадам Фихте!»Но фихтевское «Я» совсем не есть индивидуальное «Я», а возвысившееся до сознания всеобщее, мировое «Я». Фихтевское мышление не есть мышление какого-то индивида, какого-то определенного человека, носящего имя Иоганн Готлиб Фихте; это, напротив, всеобщее мышление, проявляющееся в отдельной личности. Как говорят: «темнеет», «рассветает» и т. д., так и Фихте должен был говорить не «я мыслю», но «мыслится», и «всеобщее мировое мышление мыслит во мне» [6].

Итак, исходное начало не единичный человек, строго говоря, не «Я», а «Мы». Фихте недвусмысленно обращает внимание на это обстоятельство: «Речь идет не обо мне, если бы вообще дело было в моей личности, я мог бы заняться ею, не говоря об этом ни одному человеку. И вообще для мира не имеет значения и не составляет события вопрос о том, что мыслит и чего не мыслит отдельная личность. «Мы» как всецело ушедшая в понятие и в абсолютном забвении наших индивидуальностей слившаяся в единое мышление община... вот кто желал мыслить и исследовать, и именно об этом «Мы», а отнюдь не о своем «Я» думаю я».

Но это не мешает философии Фихте быть субъективным идеализмом. Последний проявляется в том, что исходный момент для Фихте — беспредпосылочная деятельность субъекта. Фихте говорит о тождестве мышления и бытия, но носителем тождества выступает мышление, субъект.

В глазах Шеллинга тождество бытия и мышления предстает в ином виде, носителем тождества становится для него объективное начало. Шеллинг сохраняет принцип деятельности, развития, но переносит его в область природы. Это придает течению немецкой философской мысли новый, неожиданный поворот. Она вдруг обращает

«Этой работой, — рассказывает Гейне, — я занимался в течение двух лет, и мне с величайшим напряжением удалось овладеть трудным материалом, изложить популярно самые абстрактные проблемы. Когда работа была, наконец, написана, при виде ее меня охватило неприятное чувство, мне казалось, что рукопись смотрит на меня чужим, ироническим и даже злобным взглядом. Меня охватило странное смущение: автор и сочинение явно не соответствовали друг другу». И Гейне сжег рукопись, объяснив свой поступок следующим образом; «Жидкая похлебка

христианского сострадания для страдающего человечества все же полезнее, чем густо заправленные хитросплетения гегелевской диалектики». Так или иначе, но написанный с блеском, изяществом и остроумием очерк Гейне «К истории религии и философии в Германии», откуда мы заимствовали характеристику Фихте, остался незавершенным, там нет разбора учения Гегеля.

В Германии есть своя давняя материалистическая традиция. Она уходит корнями в средневековые пантеистические учения, она питается идеями спинозизма, народного вольнодумства и эмпирических наук. Молодой Шеллинг впитывает в себя эти влияния и однажды пишет стихотворение, начало которого звучит совершенно материалистически:

..Я уяснил себе навсегда,
Что материя истинна одна.
Она — наш друг и хранитель,
Всех вещей прародитель,
Всякого мышления отец,
Любого знания начало и конец.

Но это только исключение. В целом Шеллинг воздвигает свое учение на идеалистическом фундаменте, более того, он не отрицает правоты Фихте. Подобная непоследовательность мешает не только другим, но и ему самому увидеть собственную оригинальность. По мнению Энгельса, «именно Гегель довел до сознания Шеллинга, в какой мере он, сам того не зная, вышел за пределы Фихте» [7]. Энгельс имел в виду работу Гегеля «Различие между системами философии Фихте и Шеллинга».

В этой работе Гегель целиком на стороне объективного идеализма Шеллинга. Субъективный идеализм он подвергает критике, сопоставляя его с метафизическим, догматическим материализмом. И тот и другой страдают односторонностью: первый отрицает самостоятельное бытие объекта, второй — активность субъекта. Подлинная реальность — это единство субъекта и объекта, субъект — объект. У Фихте встречается подобный термин, но мы уже знаем: ведущую роль в его учении играет субъект. Поэтому Гегель подчеркивает, что Фихте конструирует «субъективный субъект — объект». Последний необходимо дополнить «объективным субъект — объектом». Сущее включает в себя оба начала, их порождает и порождается ими.

«Различие между системами...» было закончено в июле 1801 года. Теперь Гегель мог заняться устройством своих академических дел. Для того чтобы получить право на чтение

лекций в университете, ему предстояло пройти две процедуры — нострификацию и габилитацию. Первая означала признание философским факультетом Иены магистерской степени, присужденной Гегелю в Тюбингене. Это было несложно: предъявить диплом и уплатить 22 талера 20 грошей, которые должны были поделить члены ученого совета (по тогдашней терминологии — «члены факультета», их было семь человек). Габилитация состояла в проверке способностей соискателя как ученого и как лектора. Для этого нужно было защитить диссертацию и прочитать пробную лекцию. Расходы — 2 талера 20 грошей («за цензуру диссертации и присутствие декана на диспуте»).

13 августа Гегель подал прошение о нострификации. Он хотел приступить к чтению лекций еще в зимнем семестре. Надо было спешить: в начале сентября каталог лекционных курсов уходил в типографию. Декан в циркулярном письме к членам факультета предлагал выдать соискателю разрешение на преподавание, ограничившись пробной лекцией и обязав его весной защитить диссертацию. Возражений против нострификации у членов факультета не было. Профессор Ульрих, который, видимо в качестве цензора, прочитал «Различие между системами философии Фихте и Шеллинга», отозвался о Гегеле с большой похвалой. Старейшина факультета тайный камер-советник Зуков, как всегда, брюзжал: «Скоро у нас доцентов будет столько, сколько студентов. А господа швабы, кажется, эмигрируют сюда, чтобы на свой лад перестроить наш университет на третьем веку его существования». Но он тоже не возражал против внесения Гегеля в список докторов Иены (здесь магистр назывался доктором).

Единственно, что волновало членов факультета: достаточно ли обеспечен вюртембержец, не будет ли он претендовать на вспомоществование (оклад не полагался не только начинающим доцентам, но зачастую профессорам, так называемым экстраординарным, то есть внештатным). Преподаватели, правда, получали некоторые суммы от студентов, слушавших их лекции, но существовать на эти деньги было невозможно. Тот, кто намеревался избрать академическую карьеру, должен был располагать состоянием. Гегель заявил, что в его распоряжении имеется несколько тысяч гульденов, и просил поскорее допустить к работе. Факультет, однако, настаивал на соблюдении формальностей: пусть соискатель представит диссертацию. Ее следовало отпечатать в типографии, лично разнести членам факультета (рассылать не разрешалось!) и защитить. В оставшиеся августовские дни осуществить все это было

невозможно.

Гегель подает новое прошение. Он пишет, что нострификация без права читать лекции для него лишена смысла, и просит допустить к преподаванию, обязуясь в течение месяца представить диссертационную работу. Снова циркулярное письмо декана. Оживленный обмен мнениями, и принято решение: пусть соискатель официально сообщит название диссертации, представит ее позднее, а пока что защищает тезисы. Такое предусмотрено университетским уставом, и всего лишь полгода назад Ф. Шлегель аналогичным образом прошел габилитацию.

Гегель согласен. Он платит требуемую сумму, и 20 августа его имя вносится в матрикул философского факультета наряду с прочими докторами Иены. Через неделю — диссертационный диспут. Возникают трудности с оппонентами: время каникулярное, и в городе нет преподавателей. В третий раз декан обращается с циркулярным письмом: ему нужна санкция факультета на то, чтобы в качестве оппонентов были использованы учащиеся.

Это относится не только к диспуту Гегеля; кроме него, диссертации защищают доктора Швабе и Панснер. Они тоже готовят лекционные курсы на зимний семестр. Защита Гегеля назначена на день раньше Швабе и на два раньше Панснера. На этом основании, ссыпаясь на устав, Гегель просит, чтобы его имя стояло в лекционном каталоге перед Швабе и Панснером. И четвертый раз—накануне диспута — пишется циркулярное письмо. Декан излагает претензию соискателя. На этот раз факультет решительно против: Швабе и Панснер воспитанники Иены, они подали свои диссертации раньше Гегеля и к тому же законченные работы, а не тезисы. Швабе даже успел прочитать пробную лекцию. Только один из профессоров настаивает на букве закона: Швабе имеет уже разрешение и его старшинство по отношению к Гегелю бесспорно, но Панснер, коль скоро защита его следует за гегелевской, должен и в списке преподавателей стоять за ним. Старейшина факультета (рано утром неожиданно умер Зуков, и его обязанности возложены на Хеннингас) еще до циркулярного письма изложил в специальном документе свою точку зрения: «Если господин доктор Гегель продолжает настаивать на споем, прошу Вашу светлость назначить на завтра диспут доктора Швабе, на пятницу диспут доктора Панснера, а на субботу диспут господина доктора Гегеля». Декан не меняет порядка защиты, но просьбу Гегеля отклоняет.

Итак, Гегель защищает «Предварительные тезисы диссертации об орбитах планет». Тезисов — двенадцать. Они написаны по-латыни и отпечатаны небольшой книжицей из пяти

страниц и в соответствии с уставом розданы на факультете после воскресного богослужения. Их содержание посвящено не столько планетам, сколько общим философским принципам, в соответствии с которыми будет построен лекционный курс. Они охватывают широкий круг вопросов и сформулированы в виде парадоксов: их назначение дать материал для спора. Впрочем, здесь уже намечены контуры будущей грандиозной системы диалектики.

Вся суть в первом тезисе: «Противоречие есть критерий истины, отсутствие противоречия — критерий заблуждения». Речь, разумеется, идет не об отмене законов формальной логики. Никогда Гегель не считал, что понятие должно противоречить самому себе или эмпирическим данным. Принцип тождества верен, но недостаточен, если мысль намерена выразить развитие. И надо сказать, что Гегель здесь не оригинален. Он лишь повторяет то, что содержится в «Идеях философии природы» Шеллинга, где говорится о всеобщей противоречивости реальной действительности. В природе всюду противоположные силы, поэтому наука о природе должна основываться на принципе всеобщей двойственности. Истина не в принципе абсолютного тождества или абсолютного различия, истина — в их единстве. Противоречие как неизбежный результат мышления, стремящегося проникнуть в сущность вещей, было открыто Кантом. Но Кант видел в этом свидетельство ограниченности человеческого интеллекта. Начиная с Фихте немецкая философия видит в противоречии творческий принцип; обнаружить противоречие — значит найти пружину развития.

Гегель предугадывает не только суть своей будущей системы, но и внешние ее контуры. Второй его габилитационный тезис гласит: «Силлогизм есть принцип идеализма». Силлогизм, как известно, имеет трехчленную структуру: две посылки и вывод. Троичность можно обнаружить и в таблице категорий Канта и в развертывании фихтевского «Я», триада станет стержнем философской системы Гегеля.

В этом смысле следует понимать и третий диссертационный тезис: «Квадрат есть закон природы, треугольник — закон ума». Троичность — принцип развития, а развитие великий диалектик видит только в сфере духовных явлений; природа, по Гегелю, развития не знает. На этой почве в дальнейшем возникнут разногласия между Шеллингом и Гегелем,Но пока молодой Гегель следует за своим еще более молодым наставником. Вместе они атакуют Канта. «Критическая философия лишена идей и представляет собой несовершенную форму скептицизма». Этот категорически сформулированный диссертационный тезис в

дальнейшем найдет развернутое обоснование в целом ряде гегелевских работ. Гегель без труда нащупывает противоречие кантианства: «Постулат разума, выставляемый критической философией, разрушает своим содержанием эту философию и является принципом спинозизма». Кант, утверждая непознаваемость вещей самих по себе, естественно, отвергал и логические доказательства бытия бога. Но, изгнав религию в дверь, он пустил ее в окно: оказывается, по Канту, существование высшего существа не нуждается в логических доказательствах, оно постулируется нравственным законом. Критицизм Канта оборачивается здесь чистым догматизмом.

...Гейне иронизировал по этому поводу: Кант взял штурмом небо, но, увидев неутешное горе своего старого слуги Лампе, разжалобился и возвратил жизнь всевышнему в качестве постулата практического разума; «а может быть, Кант предпринял это воскрешение не только из-за старого Лампе, но из-за полиции? Или он в самом деле сделал это по убеждению? Уничтожая все доказательства бытия божьего, не хотел ли он тем самым показать нам, как неудобно ничего не знать о существовании бога? Он поступил здесь почти столь же мудро, как один мой приятель-вестфалец, который разбил все фонари на Грондерштрассе в Геттингене и, стояв темноте, держал перед нами длинную речь о практической необходимости фонарей, каковые он разбил лишь с той теоретической целью, чтобы доказать нам, что мы без них ничего видеть не можем...» Заканчивались тезисы двумя несколько рискованно сформулированными положениями: «Доблесть несовместима с невинностью как поступков, так и переживаний», «Вполне совершенная нравственность противоречит доблести». А перед этим было сказано: «Естественное состояние не является несправедливым, и именно поэтому из него необходимо выйти». Не добро и справедливость, а зло и неравенство являются орудием прогресса, — философ явно освобождался от утопических иллюзий молодости.

Что касается планет, то им был посвящен один-единственный (пятый) тезис: «Как магнит есть рычаг природы, так тяготение планет и солнца есть маятник природы». Подробно свое астрономическое кредо Гегель изложит в диссертации. Диспуту он постарался придать философскую направленность.

В качестве респондента, которому вменялось в обязанность отстаивать идеи соискателя, выступил студент Карл Шеллинг, брат профессора, в качестве оппонентов — профессор Шеллинг, профессор Нитхаммер, студент Шварцотт.

Гегель, как испокон веку положено в аналогичных случаях, не

скупился на благодарности, особенно в отношении своего главного оппонента. Его слова звучали бы весьма высокопарно и льстиво, если бы произносились не по-лаьыни. «Прошу тебя, муж мудрейший из мудрейших, достойнейший господин профессор Шеллинг: все, что не находит твоего одобрения в наших тезисах, скажи здесь публично, ибо для того этот диспут, чтобы у тебя поучиться. Нет надобности говорить о том, сколь приятно мне видеть твою поддержку. Ни современники, ни даже друзья, одни только потомки, одна только наука, которой несть конца, смогут по достоинству оценить благородную силу твоего ума, твои душевные качества. Да будет позволено мне восславить тебя как истинного философа».

Гегель говорил о своей радости по поводу того, что господин проректор и господин декан украсили своим присутствием этот торжественный для него акт, благодарил августейшего монарха за покровительство наукам, благодарил факультет и всех собравшихся за внимание к его труду.

Габилитационный диспут, в результате которого магистру философии Георгу Вильгельму Фридриху Гегелю было предоставлено право читать лекции, состоялся 27 августа 1801 года, в тот день, когда ему исполнился тридцать один год.

После защиты Гегель садится за диссертацию. В его распоряжении была обширная рукопись по астрономии, написанная, по-видимому, еще до приезда в Иену. Ее нужно было сократить и перевести на латинский язык.

Проходит месяц, однако диссертация на факультет не представлена. О ней как будто забыли. Заведующий кафедрой логики и метафизики знакомый нам Хеннинга визирует лекционный план Гегеля. Потом вдруг спохватывается (видимо, это произошло не без участия недругов вюртембержца). 18 октября он пишет возмущенное письмо декану: «Я не знал, что господин доктор Гегель до сих пор еще не представил диссертации, поэтому поставил свою визу» ; Хеннингс требовал немедленно принять меры: «Вы можете без церемоний аннулировать лекционный план Гегеля, потому что все достигнуто хитростью». В тот же день на столе декана появляется брошюра «Об орбитах планет. Философская диссертация».

Диссертация, как и другие работы Гегеля того периода, выдержана в критических тонах. Ее пафос — обличение механицизма и эмпиризма, носителем которого Гегель считает Ньютона. Английскому физику Гегель противопоставляет Кеплера, который, как кажется Гегелю, не расчленяет природу, а старается осмыслить ее как некое целое. Современному читателю многое из того, что утверждает Гегель, может показаться просто

комичным. Беда механики, по мнению молодого философа в том, что «она ничего не смыслит в боге». Гегель убежден, что тяжесть, под влиянием которой камень- падает на землю, совершенно отлична по своему характеру от той, которая действует в звездах и особенно в небесных телах, принадлежащих нашей солнечной системе и отнюдь не падающих на Землю. По поводу яблока, которое навело Ньютона на мысль о всемирном тяготении, он говорит, что это дурное предзнаменование, ибо яблоки уже дважды послужили началом бедствия — для всего человечества (яблоко Евы) и для народа Трои (яблоко Париса).

В свое время Сократ отвлек внимание философии от изучения неба и приковал ее к земному, к человеку. Теперь для философии наступила пора вознестись к небесам и познать законы, управляющие движением светил. В частности, философия может быть полезной в решении одной спорной проблемы. Речь идет о закономерности, идея которой высказана астрономом Тициусом. Если взять ряд чисел - 0, 3, 6, 12, 24 и т.д. и прибавить к каждому из них число 4, то, согласно Тициусу, мы получим числа, выражающие относительные расстояния планет от Солнца. Этот эмпирический закон, казалось, получил подтверждение после открытия Гершелем в 1781 году планеты Уран. Опираясь на закон Тициуса, астрономы высказывали предположение, что между Марсом и Юпитером должна быть не открытая еще планета. Поиски ее начались сразу же после открытия Урана. Гегель считал их бесплодными, а сам закон Тициуса в силу его чисто эмпирической природы, не соответствующим действительности. Он предложил пользоваться другой закономерностью, восходящей к пифагорейцам, —1,2,3,4,9,16 и т. д. «Если этот ряд более соответствует истинному порядку природы, — писал Гегель в диссертации, — чем вышеупомянутая арифметическая прогрессия, то ясно, что между четвертым и пятым местом имеется большой незанятый промежуток и что там нечего искать планету». Между тем уже 1 января 1801 года астроном Пиацци в обсерватории Палермо открыл первую из числа малых планет — Цереру, расположенную между Марсом и Юпитером. Впоследствии это обстоятельство послужило поводом для многочисленных шуток и даже нападок на диалектику Гегеля.

Недоразумение возникло, по-видимому, в результате того, что Гегель при написании диссертации пользовался черновой рукописью, привезенной в Иену, то есть написанной до открытия Пиацци. Знал ли он об этом открытии, когда в октябре представил диссертацию на факультет? Трудно сказать. Могло ли несоответствие теоретических положений эмпирическим данным обескуражить философа, быть причиной того, что он задерживал

подачу своей работы? У нас нет оснований для категорического суждения. Тем более что в декабре 1801 года он пишет доктору Хуфнагелю о своем намерении послать экземпляр диссертации, не делая при этом никаких оговорок относительно ее содержания.

В том же письме к Хуфнагелю Гегель сообщал о том, что совместно с Шеллингом он приступает к изданию «Критического журнала философии», задача которого — «положить конец псевдофилософскому безобразию». Оружие, которое предполагалось пустить в ход, Гегель называл «дубинка, бич, колотушка», Для доброго дела и во славу божию может пригодиться все что угодно!Планы создания нового журнала возникли давно. Издатель Котта первоначально хотел видеть во главе его Шеллинга и фихте; Предполагалось также участие братьев Шлегель. Однако Шеллинг решил разделить руководство с Гегелем. Оба являлись не только редакторами, но фактически и авторами всех шести увидевших свет номеров (три номера составляли том). Статьи публиковались без подписи, поэтому до сегодняшнего дня нет окончательной ясности относительно доли участия обоих философов в той или иной работе.

Первый номер появился в самом начале 1802 года. Он открывался статьей Гегеля (написанной при участии Шеллинга) «О сущности философской критики», которая излагала программу журнала.

Гегеля удручает состояние философии после Канта: критицизм подорвал веру в авторитеты, самостоятельность мышления достигла такой степени, что для философа становится зазорным называть себя последователем уже существующей теории. Каждый изобретает свою систему. Между тем Гегель теперь уже твердо убежден в этом, истина едина и единственна, как и красота. «Есть только один разум, поэтому и философия только одна, и лишь одной она может быть». Наличие разных философских направлений - печальный плод несовершенства ума, неадекватности познания. Идея истинной философии присутствует в любом учении в той или иной мере: в какой именно — должна выяснить «философская критика. Другая ее задача — установить, настолько истина «приобрела характер научной системы». Отсутствие системности мышления — это признак души, слишком опрометчивой, чтобы уберечься от грехопадения, но и лишенной мужества, чтобы довести свой грех до искупления».

Философская критика должна ополчиться против тех. кто заключает идею философии в скорлупу личных вкусов или ошибочных принципов. Одно дело индивидуальность, которая способствует выявлению объективной идей, другое —

субъективизм, уродующий истину, Против субъективизма и ограниченности — таков лозунг Гегеля. Подлинное бедствие в философии - словоблудие, Усвоив научную терминологию, оно добивается широкого распространения, ибо кажется невероятным, чтобы за огромным количеством шелухи не обнаружилось бы никакого рационального зерна.

Есть еще один враг философского мышления — «неуклюжий эмпиризм», пытающийся примирить с философией «здравый смысл», обыденное сознание. Между тем «здравому смыслу» мир философии всегда представляется как мир наизнанку. Поэтому Гегель (пока еще) против популяризации философских идей.

Статья заканчивалась призывом к бескомпромиссной борьбе с противниками. Их Гегель отказывался рассматривать в качестве равноправной философской партии. Признать противника партией, по мнению Гегеля, значит отказать себе во всеобщности, то есть показать свое ничтожество.

Такова программа «Критического журнала философии». Беспощадная борьба, и никаких компромиссов, никакого сосуществования взглядов. Истина единая единственна! Но прежде чем воздвигнуть ее здание, нужно очистить строительный участок. Гегель и Шеллинг принимаются ретиво за дело.

Первый удар Гегеля приходится по довольно поверхностной голове. Статья называется: «Как здравый человеческий рассудок откосится к философии — изображено на примере сочинений Круга». Ровесник Гегеля, адъюнкт философского факультета в Виттенберге, автор трех скучнейших книг Вильгельм Траугот Круг являл собой пример того псевдотеоретического словоблудия, о котором шла речь в программной статье. Гегелю вполне достаточно одной иронии, чтобы расправиться с противником.

Другой раз «критическая колотушка» опускается на голову Г. Э. Шульце, писавшего под именем древнего скептика Энезидема. В статье «Отношение скептицизма к философии. Изображение его различных модификаций и сравнение новейшего с древним» Гегель изобличает догматический характер скептицизма Шульце. Это «ублюдок скептицизма», не заключающий в себе тех благородных черт, которые составляли суть античного скепсиса. Поэтому Шульце не имеет права ссылаться на настоящего Энезидема. Древний скептицизм был направлен против мнимой достоверности чувственного восприятия, на которую пытается опереться Шульце. То, что новый Энезидем считает самым надежным, по мнению старого Энезидема, совершенно не заслуживало доверия.

Следующая статья в «Критическом журнале философии» «Вера и знание, или Рефлективная философия субъективности в

совершенной своей форме как философия Канта, Якоби и Фихте» посвящена полемике с тремя указанными мыслителями. Все три системы так или иначе ставят веру выше знания. Для Гегеля на передний план все более выдвигается проблема науки. В его системе философия займет более высокое место, чем религия.

Здесь коренится зародыш разногласий, которые (даоро разведут пути Шеллинга и Гегеля. Для-первого и в эти годы высшая сфера духовной деятельности — искусство, затем это место займет религия. Гегель приехал в Иену с убеждением в превосходстве религии, но теперь он отводит первое место философии. Истина дается через интуицию — позиция Шеллинга; истина — научная система, Гегель все более утверждается в этом мнении. Даром интуиции может обладать лишь аристократ духа, познание — удел немногих; любимая поговорка Шеллинга — стих Горация «Odi profanum vulgo et arceo» («Ненавижу толпу невежд и держусь от нее вдалеке»). Гегель в гносеологии демократ: «Философия как наука разума предназначена для всех. Не все достигают ее, но это уже другое дело, ведь не все люди становятся князьями. В том, что одни люди возвышаются над другими, возмущает лишь утверждение, будто эти люди отличаются по своей природе». Эта запись в черновиках красноречиво свидетельствуете новой позиции Гегеля.

И в еще одном важном пункте расходятся друзья — в своем отношении к государству. Шеллинг, подобно Канту, видит в этом социальном институте необходимое зло; люди отчуждают в пользу государства часть своих прав, но без него, находясь в состоянии анархии и вражды, они жить не могут. Точно так же и отдельные государства не смогут бесконечно находиться в состоянии взаимных столкновений, решаемых силой оружия. Как люди силой необходимости объединялись в государство, так и государства аналогичным образом вынуждены будут создать союз, «ареопаг народов», для повсеместного распространения принципов мира и права.

Еще несколько лет назад Гегель разделял эту точку зрения. Теперь он уже думает иначе. Новая концепция сформулирована в его пятой статье, появившейся на страницах «Критического журнала». Статья называется «О научных способах исследования естественного права, о его месте в практической философии и отношении к науке о положительном праве»; она содержит не только критический разбор чужих точек зрения, но и изложение собственной программы. Гегелю кажется, что он нашел искомое гармоническое единство между всеобщим и единичным в поведении человека. Здесь впервые философ формулирует свое понятие нравственности, которая есть «чистый дух народа».

Народ, Гегель повторяет Аристотеля, существует раньше, чем отдельный человек. Быть нравственным — значит жить согласно нравам своего народа, своей страны, своего государства. Государство есть нравственный организм. Здоровье этого организма призвана поддерживать война. «Подобно тому, как движение ветров не дает загнивать озерам, что с ними случилось, бы при длительном безветрии, так и война предохраняет народы от гниения, которое неизменно явилось бы следствием продолжительного, а тем паче вечного мира», У Шеллинга от подобных слов волосы вставали дыбом, но спорить с Гегелем, непоколебимо убежденным в своей правоте, было бесполезно. В мае 1803 года они расстались, одновременно перестал выходить «Критический журнал». Шеллинг уехал в Баварию, где был обласкан двором, награжден орденом и выбран в академики. Он быстро шагал по лестнице славы, но это были и последние ступени: вскоре началась полоса творческого бесплодия. Первые годы после отъезда Шеллинга Гегель поддерживал с ним приятельские отношения, они переписывались, но дело шло к разрыву, который наступил после появления «Феноменологии духа».

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. МИРОВОЙ ДУХ ВЕРХОМ НА КОНЕ

Дух господствует над миром благодаря сознанию; именно это его инструмент, а потом уже пушки, штыки, мускулы.
Гегель

Приват-доцент Гегель как лектор успехом не пользовался. На кафедре он держался, будто сидел дома за письменным столом: то и дело перелистывал свои тетради, отыскивая нужное место, нюхал табак, чихал и покашливал. Говорил негромко, с трудом подыскивая слова, особенно когда речь шла о вещах простых и понятных, которые, казалось, тяготили его своей очевидностью; только прорвавшись через их барьер к тому, что составляло суть проблемы, он обретал уверенность и спокойствие, голос его повышался, взор начинал сверкать. Но и в эти минуты его артикуляция, жесты и мимика зачастую находились в контрасте с содержанием его речи. О гладкости и доступности изложения он не заботился. Его называли «деревянный Гегель». В первый семестр к нему на лекции записалось одиннадцать человек (следует, правда, учесть, что вместе с Гегелем в Иене философские курсы читали двенадцать преподавателей, в том числе шесть профессоров).

В дальнейшем число слушателей Гегеля редко превышало тридцать. Но зато это был кружок верных последователей, не просто поклонников, но посвященных в тайны спекулятивной мудрости, боготворивших своего учителя. Его студенты держались особняком и свысока глядели на остальную публику. Гегель был для них высшим существом, оракулом, изрекавшим подчас непонятную, но всегда непреложную истину. По сравнению с его гением все остальное казалось жалким и ничтожным. Свое преклонение они распространяли на самые обычные мелочи, окружавшие мэтра. Каждая его фраза жадно ловилась и подвергалась истолкованию, за каждым словом искали скрытое значение. Студенту, уезжавшему в Вюрцбург, Гегель сказал: «У меня там друг», имея в виду Шеллинга. Тут же возникло сомнение, следует ли слово «друг» понимать в обычном или каком-нибудь еще смысле.

Гегель был постоянно погружен в свои мысли, величав и невозмутим. Ничто не могло вывести его из равновесия. Однажды

по рассеянности он явился на лекцию на час раньше, не в три, а в два часа пополудни. Заняв свое место на кафедре и не обратив внимание на состав слушателей, он начал читать. Студента, пытавшегося объяснять его ошибку, он просто не заметил. Профессор Августи, чья лекция полагалась по расписанию, подойдя к дверям и услышав голос Гегеля, решил, что опоздал на час, и поспешно ретировался. В три собрались студенты Гегеля, они уже узнали о случившемся и с любопытством ждали, как их учитель выйдет из положения.

«Господа, — начал Гегель, — когда сознание исследует самое себя, то в качестве первой истины, или, точнее, первой лжи, фигурирует чувственная достоверность. Прошлый раз мы остановились именно на этом, а час назад я получил лишнее подтверждение подобному обстоятельству». На миг появилась легкая улыбка я тут же исчезла. Далее все пошло своим чередом.

Студент Георг Габлер (сын проректора университета) оставил нам описание внешности, своего учителя: «Суровые черты лица и сверкающий взгляд больших глаз, выдававший мыслителя, погруженного внутрь, внушали робость и если не отпугивали, то, во всяком случае, действовали сдерживающе, но, с другой стороны, покоряла и приближала мягкая и дружелюбная манера говорить. У Гегеля была необычная улыбка, лишь у очень немногих людей я мог обнаружить нечто подобное. В доброжелательности улыбки лежало одновременно и что-то резкое, жесткое или даже болезненное, ироническое или саркастическое — характерная черта, указывавшая на глубокую сосредоточенность. Я бы сравнил эту улыбку с лучом солнца, пробивающимся сквозь тяжелые тучи и освещающим часть ландшафта, в целом покрытого мрачной тенью».

Университетское начальство Гегеля недолюбливало. Его не понимали, а потому считали «обскурантом» и по мелочам ставили палки в колеса. Когда на факультете появился доцент Фриз — противник гегелевской философии, он сразу нашел поддержку у руководства. Ему пророчили блестящее будущее и покровительствовали. Гегель начал уже подумывать над тем, чтобы оставить Иену, которая к тому же на его глазах постепенно превращалась в захолустье: кружок романтиков давно распался, лучшие профессора покинули университет. Он написал своему знакомому в Гейдельберг с просьбой узнать, нет ли там свободного места.

Неожиданно Гегелю становится известно, что Иенский университет хлопочет перед веймарским двором о присуждении профессорского звания его сопернику Фризу, который и моложе по возрасту, и позже прошел габилитацию. У Гегеля в Веймаре

есть свой могущественный покровитель — министр Гёте (ни Гегель, ни Гёте не подозревали, что между ними существует отдаленное родство: некто Иоганн Лаук, бургомистр Франкенберга, живший в XVI веке, был их общим предком; это выяснилось только в наши дни). Великий поэт и мыслитель симпатизирует молодому философу, в котором видит наследника Шеллинга и союзника в борьбе с Ньютоном. Опровержение учения о разложении света Гёте считал целью своей жизни. Начало заблуждению положил неудачно поставленный опыт с призмой: Гёте не удалось разложить луч света на составные части, вместо спектра он увидел белые и темные пятна, окрашенные лишь там, где они соприкасались. Отсюда он сделал вывод: все цвета возникают в результате смешения двух основных — белого и черного. Явления природы, казалось, подтверждали его мнение: солнце, затемненное облаком, представляется нам желтым; дым в лучах солнца приобретает голубой оттенок. Гёте потратил бездну времени и сил, провел огромное множество опытов, исписал тысячи страниц, чтобы обосновать свой взгляд художника, который берет цветовую гамму как целое. Свое «Учение о цвете» поэт ставил выше «Фауста».

Гегель обращается к Гёте с жалобой на готовящуюся несправедливость. «Узнав, что некоторые из моих коллег вскоре получат звание профессора философии, и в связи с этим вспомнив, что я самый старший из здешних приват-доцентов, осмеливаюсь вынести на Ваш суд вопрос о том, не следует ли мне опасаться того, что мои возможности работать в меру способностей в университете будут ограничены благодаря награде, присужденной высшими инстанциями другим лицам»[8].

Вмешательство Гёте не замедлило сказаться. Начинается августейшая переписка. Иенский университет содержат четыре государства: Саксен-Веймар, Саксен-Гота, Саксен-Заальфельд-Кобург и Саксен-Мейнинген. Для того чтобы то или иное постановление относительно университетских дел приобрело законную силу, нужно согласие всех четырех правительств. После взаимных консультаций монархи приходят к единодушному решению: Фриз и Гегель да будут профессорами! Первым (24 декабря 1804 года) сообщает свою волю герцог Франц Кобургский, последним (15 февраля 1805 года) — Карл Август Веймарский.

Но пока это дает лишь моральное удовлетворение и открывает перспективу, доходов по-прежнему никаких. Гегель снова хлопочет о должности в Гейдельберге, зондирует почву в Берлине — там готовится открытие университета: не позовут ли его туда? Увы, в Гейдельберг приглашают Фриза, в Берлине место

предназначено для Фихте.

Только в июне 1806 года Гёте удается выхлопотать у веймарского герцога для своего протеже мизерный оклад — 100 талеров ежегодно. С вычетами это составляло менее 80 талеров. Насколько ничтожна была эта сумма, говорит тот факт, что скромно живший в Иене студент тратил на свое существование примерно 200 талеров в год. От платы студентов за лекции (по три лаубталера с головы за курс) набиралось тоже немного. Профессор Гегель находился в стесненных обстоятельствах.

После закрытия «Критического журнала философии» он ничего не публикует. Рукописи накапливаются в письменном столе: «Конституция Германии», «Система нравственности», записи лекционных курсов, а с некоторых пор и листы большого труда, названия которому пока еще нет.

Первое упоминание о работе над «Феноменологией духа» встречается в набросках письма к филологу Фоссу, которого Гегель в мае 1805 года просил выхлопотать ему назначение в Гейдельберг. В феврале 1806 года издатель Гебхардт в Бамберге начал печатание еще не завершенной работы. Затем, однако, дело застопорилось: автор не спешил с окончанием работы, а издатель не платил ему обещанного гонорара. Начались взаимные пререкания, и депо могло совсем расстроиться, если бы не вмешательство Нитхаммера, оказавшегося к этому времени в Бамберге.

О нем следует сказать здесь несколько слов. Фридрих Иммануил Нитхаммер был единственным человеком, с которым Гегель сохранял близкие отношения, начиная с Иены и до конца дней своих. Земляк Гегеля, на четыре года старше его, он учился с ним в Тюбингенском университете. В Иене он обосновался уже в 1792 году. Вместе с Фихте он издавал «Философский журнал», он нес равную с Фихте ответственность за публикацию статьи Форберга и был целиком на стороне Фихте в «Споре об атеизме», но если первому в результате инцидента пришлось покинуть Иену, то для Нитхаммера дело кончилось назначением на должность профессора... теологии. Уже в этом проявилась отличительная черта его характера: умение ладить с людьми. Как философ Нитхаммер был совершенно неоригинален, вообще никакими выдающимися достоинствами он не блистал, но на него можно было положиться. С Гегелем свело его сходство характеров. Последний часто бывал в его доме в Иене, а после отъезда Нитхаммера находился с ним в оживленной переписке; треть всех писем Гегеля адресована Нитхаммеру. Жену Нитхаммера Гегель называл «лучшей из женщин», и в будущем о своей жене он писал, что любит ее также и потому, что она

похожа на «лучшую из женщин». Нитхаммер был крестным отцом второго сына Гегеля. Они так и не перешли на «ты», но были настоящими друзьями. Нитхаммер не раз выручал Гегеля.

И «Феноменология духа» обязана своим своевременным выходом в свет энергии, дипломатическому мастерству и доброй воле Нитхаммера. Его переговоры с издателем завершились соглашением, по которому Нитхаммер брал на себя обязательство купить за 252 гульдена у Гебхардта отпечатанную часть рукописи, если Гегель не представит последних ее листов к 18 октября; пока что издатель выплачивал автору 144 флорина — половину причитающегося ему гонорара. Нитхаммер уже получил деньги и, сообщая Гегелю об одержанной победе, умолял его не нарушать условий договора. На пересылку рукописи из Иены в Бамберг требовалось пять дней. Нитхаммер напоминал об этом Гегелю: самое позднее 13 октября он должен сдать пакет на почту. Получите почтовую квитанцию, просил он, и сохраните ее во избежание недоразумений. Если не успеете выправить текст, приезжайте сами в Бамберг и доведите дело до конца на месте. Приезжайте, вам здесь будет спокойнее, чем у себя дома...

Надвигалась война между Францией и Пруссией, и умный Нитхаммер трезво оценивал шансы сторон. Бамберг находился на территории, оккупированной Наполеоном, Веймарское герцогство выступало в союзе с пруссаками, военные действия должны были развернуться на его территории.

В среду и пятницу 8 и 10 октября Гегель отправляет в Бамберг значительную часть находившейся у него рукописи. В четверг началась война. У Гегеля остается еще окончание, но почта уже не работает. Утром 13 октября французские передовые части занимают Иену. Наступает, по словам Гегеля, «час страха». На войне как на войне: грабят, насилуют, убивают. В дом к философу врываются запыленные пехотинцы. Философ сохраняет присутствие духа; заметив на груди одного из французов ленточку Почетного легиона, он выражает надежду, что доблестный воин, награжденный боевым орденом, будет достойным образом обходиться с простым немецким ученым. Слова, подкрепленные вином и пищей, действуют. Но недолго. Приходят новые солдаты, и все начинается снова. Хозяева покинули дом, Гегель следует их примеру. Рассовав по карманам листы «Феноменологии», собрав кое-какой скарб в корзину, он выбегает на улицу.

Пристанище Гегель находит в доме Габлера, проректора университета. Здесь остановился какой-то высокий чин, и у ворот стоит стража. Хозяин не рад гостю, но отводит ему комнатушку на верхнем этаже, одну из тех, что снимают студенты. Кругом

идет погром, только в этом доме сравнительно спокойно. У Габлера философ проводит несколько часов. Затем он укрывается в доме комиссара Хелльфельда на рыночной площади. При зареве костров и пожарищ философ приводит в порядок спасенную рукопись и дописывает ее. Впоследствии он будет гордиться тем, что «Феноменология духа» была завершена в ночь накануне битвы под Иеной.

Впечатления дня Гегель изложил в письме к Нитхаммеру. Он пишет о пережитых волнениях и понесенных убытках. Но главное не это. Несмотря на все испытания, он желает успеха французской армии. Гегель неизменно видит в Наполеоне наследника французской революции, реформатора, разрушающего старый порядок и открывающего перед Германией новые пути. Отсюда восторженные строки: «Я видел императора, эту мировую душу, в то время, когда он проезжал по городу на рекогносцировку. Испытываешь поистине удивительное чувство, созерцая такую личность, которая восседает здесь верхом на коне, охватывает весь мир и повелевает им».

Больше всего Гегеля волнует судьба отправленной в Бамберг рукописи. Дошла ли она по назначению? В противном случае «утрата была бы слишком велика». Последние страницы он намеревается отправить завтра.

Но почта начинает функционировать только 20 октября. Разумеется, это влечет за собой невыполнение договора, но издатель должен учесть непредвиденные обстоятельства. К тому же Гегель совершенно разорен. Вернувшись домой, он застал полное опустошение: украли все, что представляло мало-мальскую ценность. Не было ни белья, ни еды, ни даже клочка чистой бумаги.

Приютил Гегеля книготорговец Фромман. Гёте через Кнебеля переслал философу 10 талеров. Наконец из Бамберга приходит весть о том, что он может располагать гонораром. Гебхард получил рукопись и претензий не имеет.

В середине ноября Гегель отправляется в Бамберг, чтобы следить за изданием книги, и живет там до второй половины декабря. В январе 1807 года он высылает предисловие. Теперь остается только ждать появления своего детища на свет.

Книга выходит в марте.

* * *

«Феноменологию духа» сравнивают с «Фаустом». Если отвлечься от того немаловажного обстоятельства, что трагедия

Гёте написана чеканными стихами, многие из которых стали крылатыми выражениями, а сочинение Гегеля тусклой и труднодоступной прозой, то определенное сходство налицо. Метания Фауста в поисках смысла жизни как бы соответствуют блужданьям мирового духа — героя «Феноменологии», — прокладывающего путь к истине. Что касается языка, то Гегель не отрицал: его книга в этом отношении оставляет желать лучшего. «Это как раз та часть дела, которую труднее всего осуществить, это то, что составляет признак зрелости, к тому же если речь идет и о соответствующем содержании. Ведь есть сюжеты, которые сами влекут за собой полную ясность, сейчас я занимаюсь преимущественно подобными вещами; например: сегодня здесь был проездом принц NN. его величество охотился на кабанов и т. д. Способ сообщения политических новостей достаточно ясен, но все же в наши дни довольно часто случается, что ни читающий, ни пишущий именно в силу этой ясности ничего не понимают в том, о чем идет речь. По контрасту я мог бы сделать вывод, что при моем неясном стиле, понимают гораздо больше; мне бы хотелось надеяться, хотя я в это не верю... Я нахожу Ваши упреки справедливыми и могу лишь пожаловаться, — если позволено жаловаться, — на то, что так называемая судьба помешала мне создать своим трудом нечто способное удовлетворить ученых такого понимания и вкуса, как Вы, мой друг, да и меня самого в такой степени, чтобы я мог сказать: ради этого я жил». Так Гегель отвечал (в ноябре 1807 года) Кнебелю, который писал ему: «Мне и, как я полагаю, еще некоторым Вашим друзьям хотелось, чтобы изящная ткань Ваших мыслей, которая местами выглядит совершенно ясной и приятной, предстала бы перед нашими глупыми глазами в более ощутимом виде. Поистине мы считаем Вас одним из первых мыслителей нашего времени и хотим, чтобы в основу своей духовной силы Вы вкладывали бы больше телесной образности».

И все же тяжелый слог «Феноменологии» не результат авторской беспомощности. После «Критики чистого разума» у Немецких философов возникла своеобразная традиция — не баловать читателя ясностью изложения.

При желании Гегель мог писать ярко и доходчиво. В «Феноменологии» достаточно выразительных мест, свидетельствующих об этой стороне дела. Рискуя впасть в преувеличение, мы отважимся утверждать, что именно это образное содержание сегодня и представляет главную ценность гегелевского труда. Грандиозен его замысел — показать сознание человека и человечества в историческом развитии, но исполнение уже не отвечает современным научным требованиям. И тем не

менее поныне «Феноменология духа» составлят один из краеугольных камней философского мышления. Читатель, открывающий эту книгу, словно входит в темный лес; приходится буквально продираться сквозь чащу замысловатых терминов и неуклюжих оборотов, но затем его усилия вознаграждаются: мелькает луч света, и он как бы выходит на изумительной красоты поляну, здесь легко идти, здесь все радует глаз; гениальная мысль, украшенная метким словом, — награда упрямцу, не испугавшемуся трудностей.

Подзаголовок «Феноменологии» гласит: «Наука об опыте сознания». Она была задумана как первая часть системы, своего рода введение, излагающее общие принципы, точнее — метод познания истины. Маркс называл ее «истоком и тайной гегелевской философии» [9].

Истина — не отчеканенная монета, ее не положишь в готовом виде в карман. Истина постигается в ходе длительного развития познания, где каждый шаг есть непосредственное продолжение предыдущего. Противоположность истинного и ложного так укоренилась в общем мнении, что последнее ожидает либо полного одобрения какой-либо философской системы, либо полного несогласия с ней. Между тем на различие философских систем следует смотреть как на прогрессирующее развитие знания. Почка исчезает, когда распускается цветок, который пропадает, уступая свое место плоду. Они как бы опровергают друг друга, это не просто различные, но несовместимые формы бытия. Вместе с тем они образуют органическое единство, в котором каждая из этих форм необходима, и лишь взятые вместе они составляют целое. Не результат есть действительное целое, а результат вместе со своим становлением; цель сама по себе есть безжизненное всеобщее. Аналогичным образом дело обстоит и в познании: истина — это и достигнутый результат, и путь к нему.

Форма, в которой существует истина, — научная система. Никто не сомневается в том, что для овладения наукой нужно затратить большие усилия. Философствовать же и рассуждать о философии готов любой, полагая, что для этого достаточно природного ума. Будто каждый, у кого есть глаза и руки, сумеет сшить сапоги, если ему дадут кожу и инструмент. Настало время для возведения философии в ранг науки. Речь, разумеется, идет не о той плоской разновидности рассудочного знания, которая претендует на научность, но оперирует «голыми» истинами вроде ответов на вопросы, когда родился Цезарь, и т. д. Гегель не против рассудка, который представляет собой общую почву для науки и обыденного сознания, дает гарантию того, что область науки открыта для всех: но подлинная наука выходит за пределы

рассудка. Ее сфера — разум, и проследить проникновение духа в эту сферу — задача, которую ставит перед собой автор «Феноменологии». Он отвергает и другой способ псевдонаучного философствования, который видит в интуиции преимущественное средство познания истины. Гегель имеет в виду здесь Шеллинга. Наука, покоящаяся на интуиции, лишена общепонятности и кажется находящейся в исключительном владении нескольких отдельных лиц. Другой упрек интуитивному знанию — «одноцветный формализм». Дело в том, что интуиция пытается, подобно рассудку, схватить истину в «голом» виде; развитие здесь исключено, в луч-тем случае происходит «повторение одной и той же формулы», пусть даже усматривающей всюду тождество противоположностей. Овладеть инструментом этого однообразного формализма не труднее, чем палитрой живописи, на которой всего лишь две краски — скажем, красная и зеленая, чтобы первой раскрашивать поверхность, когда потребовалась бы картина исторического содержания, и другой — когда нужен был бы пейзаж. Имя Шеллинга нигде не называется, но он без труда мог узнать в этом гротеске свои мысли. Дальше предисловия он не стал читать «Феноменологию». Примирение с Гегелем теперь уж было исключено.

Как же представляет себе Гегель развитие познания? Знание — достояние индивида. Но человек рожден для общества, говорил еще предшественник Гегеля Гердер.

Человек — продукт истории — такова была его другая мысль. И наконец, третья: развитие индивида воспроизводит в общих чертах развитие рода. Все эти мысли становятся исходными для Гегеля. Сознание социально и исторично, Движение индивидуального сознания повторяет историю общества — вот что имеет в виду автор «Феноменологии», когда говорит, что «отдельный индивид есть несовершенный дух... Индивид, субстанция которого дух вышестоящий, пробегает прошлое так, как тот, кто, принимаясь за более высокую науку, обозревает подготовительные сведения, давно им усвоенные, чтобы осветить в памяти их содержание... Отдельный индивид должен и по содержанию пройти ступени образования всеобщего духа, но как формы, уже оставленные духом, как этапы пути, уже разработанного и выправленного; таким образом, относительно познаний мы видим, как то, что в более ранние эпохи занимало зрелый дух мужей, низведено до познаний, упражнений и даже игр мальчишеского возраста».

Итак, перед глазами философа духовное развитие индивида, эволюция общества как такового и смена форм его сознания. Читатель «Феноменологии» трижды совершает восхождение к

вершинам духа. Используя терминологию позднейших работ Гегеля, эти три сферы движения мысли можно назвать: «субъективный дух», «объективный дух» и «абсолютный дух», то есть индивидуальное сознание, общество и общественное сознание. Главы «Феноменологии» и разбиты и названы иначе; это создает дополнительные трудности для освоения материала, а объясняется, может быть, и тем, что мы уже знаем: начало книги было отпечатано, когда конец еще не был написан, а любой замысел в ходе воплощения всегда претерпевает изменения. Предисловие — наиболее ясная и отшлифованная часть труда — было создано последним.

Первые пять глав посвящены «эмбриологии» духа — анализу сознания индивида. Здесь тоже можно обнаружить трехчленную структуру: сознание, самосознание, разум. Первая ступень сознания, направленного на лежащий вне его предмет, — чувственная достоверность ощущения. Это самое бедное содержанием знание. Органы чувств позволяют нам фиксировать нечто и данном месте в данный момент времени. «Это», «здесь», «теперь» — самые общие определения, которые можно использовать для любого случая. Здесь еще нет вещи, последняя дается нам в восприятии. Вещь многообразна, она представляет собой некоторое единство определенностей. Соль, например, белая, острого вкуса, кубической формы и т. д. Восприятие содержит уже некоторое обобщение и как таковое чревато противоречием: с одной стороны, вещь единична, с другой — она несет некие общие признаки. Пытаясь снять это противоречие, сознание поднимается на новую ступень, переходит к мысли, первым носителем которой является рассудок. Здесь открывается область опытного естествознания — царства законов, своеобразный, сверхчувственный мир.

Когда объектом познания становится рассудок, сознание переходит в самосознание. В ткань рассуждений Гегеля все более включаются социальные нити. Хотя речь по-прежнему идет о сознании индивида, но последний рассматривается через призму важнейшего общественного отношения — труда.

Огромное влияние на формирование мировоззрения Гегеля оказал промышленный переворот в Англии, нашедший свое теоретическое выражение в английской классической политической экономии. В годы своего пребывания в Иене Гегель внимательно изучал Адама Смита, во многом разделяя его экономические взгляды. Изучение Смита помогло Гегелю прийти в «Феноменологии духа» к попытке осмыслить развитие сознания и человеческого общества в целом как результат трудовой деятельности. «Величие гегелевской «Феноменологии», —

отмечал К. Маркс, — ...заключается, следовательно, в том, что Гегель рассматривает самопорождение человека как процесс... что он, стало быть, ухватывает сущность труда и понимает предметного человека, истинного, потому что действительного, человека как результат его собственного труда» [10].

Вместе с тем Маркс подчеркивал ограниченность позиции Гегеля. «Гегель стоит на точке зрения современной политической экономии... Он видит только положительную сторону труда, но не отрицательную»[11]. Разумеется, эту мысль Маркса не следует понимать упрощенно. Она не означает, что Гегелю было чуждо всякое понимание отрицательных последствий труда в капиталистическом обществе. В «Иенской реальной философии» — лекционном курсе, прочитанном в 1805/06 году, — Гегель обращает внимание на то, что в результате прогресса экономики «множество людей осуждено на совершенно отупляющий, нездоровый и необеспеченный труд - труд на фабриках, мануфактурах, рудниках, ограничивающий умелость, и отрасли индустрии, которыми кормится огромный класс людей, иссякают неожиданно из-за капризы моды или из-за падения цен, происшедшего благодаря открытиям в других странах и т.д.—и это множество впадает в нищету, из которой не может найти выхода. Выступает противоположность большого богатства и большой нищеты, которой ничем нельзя помочь». Маркс, следовательно, имел в виду другое, когда говорил, что Гегель не увидел «отрицательной стороны» труда, а именно: неспособность Гегеля найти путь к диалектическому отрицанию капитализма. Отрицание как упразднение предметом самого себя он не смог распространить на современные ему экономические и политические отношения и пришея к примирению с окружающей его социальной действительностью.

Каким же образом, по Гегелю, труд формирует человека? Наибольший интерес в этом отношении представляет раздел «Феноменологии духа», озаглавленный «Господство и рабство». Если верить Гоббсу, то первоначальное состояние человека — война всех против всех. Но такое состояние не знает развития, ибо оно не содержит формы, в которой накапливались бы результаты деятельности индивидов. Для этого необходима некая положительная связь между людьми, и она возникает в виде господства и подчинения. Тот, кто смел, кто не боится смерти, рискуя жизнью, но не жертвуя достоинством, становится господином. Рабом — человек, готовый трудиться в поте лица для того, чтобы сохранить жизнь.

Что происходит дальше? Господин повелевает, а раб повинуется; господин наслаждается, а раб создает ему вещи для

потребления и наслаждения. Раб формирует вещи, но одновременно он формирует и самого себя. Работа есть образование, и благодаря ей сознание раба возвышается над своим первоначально низким уровнем, раб приходит к самосознанию, к постижению того, что он существует не только для господина, но и для себя самого. Господин, наслаждаясь тем, что создает ему раб, впадает в полную зависимость от раба, а раб, формируя вещи, приобретает господство не только над ними, но и над своим господином. В итоге их отношения перевертываются: господин становится рабом раба, а раб — господином господина.

Эта своего рода философская притча говорит о том, что в процессе развития любое явление, любое действие превращается в свою противоположность. Она наводит на мысль об общественной природе человека, о том, что общество представляет собой органическое целое, каждая часть которого неразрывно связана с другой. Там, где есть рабы, никто не свободен. Господин, противостоящий рабу, тоже раб, пока он не видит в другом самого себя. С другой стороны, кто не обладает мужеством рискнуть жизнью для достижения своей свободы, тот заслуживает быть рабом. Если какой-нибудь народ не только воображает, что он желает быть свободным, но действительно обладает волей к освобождению, то никакое насилие не сможет удержать его в рабстве. Самосознание есть порождение зависимости и труда.

Цель самосознания — свобода. Но как достичь ее? Простейший вариант — внутреннее освобождение, негативное отношение и к господству и к рабству, то есть стоицизм. Стоик свободен вне зависимости от собственного положения, «как на троне, так и в цепях». В качестве всеобщей формы мирового духа стоицизм выступает в «эпоху всеобщего страха и рабства», но также и при всеобщем образовании, поднимающем чувственный образ до мышления. Стоицизм внутренне противоречив: удалившись из окружающей действительности в себя, сознание не довело До конца отрицание сущего. Стоика волнует вопрос, что есть истинное и доброе, но ответить на него он не в Состоянии.

Саму эту постановку вопроса снимает скептицизм, который доводит до логического завершения отрицание бытия. При этом, с одной стороны, возникает своеобразная безмятежность мышления, а с другой — «абсолютное диалектическое беспокойство», сознание «сбитое и сбивающее с толку». Эти две крайности сосуществуют в скептицизме; противоречие не только не устранено, но, наоборот, усилилось. Скептик провозглашает ничтожество зрения и слуха, а сам видит и слышит. Его слова и его действия находятся в постоянном противоречии друг с

Другом.

На смену скептицизму идет высшая форма самосознания, изначально отягощенная раздвоенностью — «несчастное сознание». Гегель имеет в виду христианство. Раздвоенность видна уже в том, что для христианина сознание бытия и действия есть лишь скорбь об этом бытии и действии. Перед «несчастным сознанием» — разорванная действительность: человек причастен богу и в то же время погряз в грехах. Мышление христианина — диссонирующий перезвон колоколов, это музыкальное мышление, не доходящее до понятия. И вместе с тем именно здесь достигается связь единичного с неизменным, всеобщим. Именно здесь дух совершает переход от самосознания к разуму.

Разум предстает перед взором Гегеля в трех ипостасях — как наблюдающий, действующий и достигший высшего воплощения в индивидуальности. Наблюдающий разум занят критикой науки, эмпирического и теоретического естествознания. Наиболее убедительно это выглядит в отношении физиогномики, пытающейся «читать мысли» на лице человека, и френологии, отыскивающей связь между духовным миром личности и строением черепа.

Действующий разум начинает с погони за наслаждениями. Затем поиски личного счастья переходят в свою противоположность — в стремление осчастливить все человечество. Начинает действовать «закон сердца», который видит беду человечества в том, что оно следует не ему, а закону действительности. Действующий порядок «закон сердца» принимает за «мертвую действительность». Так рождается потребность ее оживить и реформировать. Но результат плачевен: существующие законы защищаются от закона одного индивида, потому что они не бессознательная, пустая необходимость, а духовная всеобщность, в которой живут индивиды, хотя и жалующиеся на этот порядок, но преданные ему и теряющие все, если у них отнимут его. «Биение сердца для блага человечества переходит поэтому в неистовство безумного самомнения». Оно провозглашает существующее извращенным, измышленным фанатическими жрецами, развратными деспотами и их прислужниками, не замечая, что извращением является сама бунтующая единичность, желающая стать всеобщей.

Высшая ступень действующего разума — добродетель. Здесь одерживается победа над пышными речами о благе человечества и об угнетении его, о жертве во имя добра; такого рода слова возвышают сердце, но оставляют разум пустым, назидают, но не созидают; это декламации, лишь показывающие, что индивид, который выдает себя за деятеля, преследующего столь

благородные цели, считает себя превосходным существом; это напыщенность, которая набивает голову и себе и другим, но набивает пустым чванством. Целью Добродетели является уже существующее добро. Сознание сбрасывает как пустую оболочку представление о каком-то добре, еще не обладающем действительностью. Сознание узнало на опыте, что общий ход вещей не так плох, как выглядел; с этим опытом отпадает средство создать доброе путем принесения индивидуальностью себя в жертву.

Индивидуальность Гегель определяет как некое единство противоположностей, «двойную галерею образов», из коих одна является отражением другой; одна — галерея, отграничивающая от внешних обстоятельств, другая — осознающая их; первая — поверхность шара, вторая — центр его. «Индивидуальность как раз в том и состоит, что она в такой же мере есть всеобщее, и поэтому спокойно и непосредственно сливается с имеющимся налицо всеобщим, с нравами, обычаями и т.д., а также с ними сообразуется, в какой она противополагает себя им и, напротив, преобразовывает их». Если бы не было этих обстоятельств, нравов, этого состояния мира вообще, то, конечно, индивид не стал бы тем, что он есть.

Относительно современного «состояния мира» философ не строит никаких иллюзий. Это «духовное животное царство и обман». Здесь «нет места ни для возвеличенья, ни для жалобы, ни для раскаяния». И все же, хотя каждая индивидуальность считает, что действует лишь эгоистически, она лучше, чем мнит о себе. «Когда она поступает своекорыстно, то она лишь не ведает, что творит, и когда она уверяет, что все люди поступают своекорыстно, то она только утверждает, что ни один человек не сознает, что такое действование». Здесь Гегель четко формулирует идею несовпадения личных целей и общественных результатов деятельности, которая затем займет центральное место в его философии истории. Люди выдают свои дела и поступки за нечто такое, что нужно только им самим, что в виду они имеют только себя и собственную сущность. Однако своими действиями они прямо противоречат своему утверждению, будто хотят исключить публичность и всеобщее сознание; претворение замысла в действительность есть вынесение своего дела во всеобщую стихию, благодаря чему оно становится делом всех.

А абсолютная чистая воля всех есть нравственное самосознание. Нравственность не вырабатывается индивидуальным сознанием, а усваивается им как предписанный извне закон. Нравственный образ мыслей в том именно и состоит, чтобы непоколебимо и твердо стоять на том, что правильно, и

воздерживаться от умаления его. Нечто дано мне на хранение, оно есть собственность другого, но именно поэтому я так щепетилен в отношении неприкосновенности и сохранности этого нечто, которое является всеобщим достоянием, то есть общечеловеческой субстанцией. Тем самым достигнут предел развития индивидуального сознания. Мировой дух начинает новый круг.

Теперь перед нашими глазами проходят образы реальной истории. Правда, Гегель берет лишь то, что представляется ему самым существенным в развитии человечества. По его мнению, два закона управляют нравственностью, то есть жизнью общества: «человеческий», «закон дневного света», принятый людьми, и «божественный», «подземный», возникший независимо от людских установлений. Им соответствуют две социальные ячейки: государство и семья.

Высший долг государственной власти следить за тем, чтобы частные интересы не взяли верх над общим благом. Люди склонны забывать, что они лишь частицы целого. Их помыслы направлены на достижение сугубо личных целей — приобретение имущества и наслаждения. Для того чтобы не исчез дух общности, правительства обязаны время от времени потрясать войнами их бытие. Индивидам, которые отрываются от целого и стремятся лишь к жизни для себя и личной неприкосновенности, полезно показать их абсолютного господина — смерть.

Павший на поле брани враг, с точки зрения государства, должен быть предан позору, но родственное чувство требует от близких выполнения погребального обряда. Так возникает конфликт между двумя нравственными силами: государством и семьей — коллизия софокловской Антигоны, похоронившей брата вопреки запрету правителя. Отношения между братом и сестрой вообще для Гегеля — вершина нравственных связей внутри семьи. Муж и жена вожделеют друг друга, родители видят в детях продолжение самих себя, любовь брата и сестры — «беспримесное нравственное отношение». Анализируя «Антигону», Гегель показывает столкновение патриархальных нравов и государственного начала. Действия каждой из сторон исторически и оправданы, и ограничены, каждый прав и не прав по-своему. Борьба внутри нравственного мира древности приводит к гибели этот целостный мир.

Средние века как исторический период для молодого Гегеля не существуют. Философ сразу переходит к генезису капиталистических отношений, точнее — к духовным формам, соответствующим этому процессу.

Прежде чем мы займемся их рассмотрением, нам следует

уточнить одно из центральных понятий гегелевской философии — «отчуждение». Философ употребляет этот термин не однозначно. В широком смысле слова отчуждение для Гегеля — инобытие духа, его опредмечивание, самополагание в виде объекта. Снятие отчуждения здесь равнозначно познанию. Так ставится вопрос в предисловии. Но в разделе «Отчужденный от себя дух», к разбору которого мы подошли, термин «отчуждение» используется для характеристики определенного состояния общества — мира буржуазных отношений, где каждый для другого чужой. Самосознание «отрешается от самого себя» и оказывается во власти «вырвавшихся на волю» собственных стихий.

В качестве примера становления мира отчуждения Гегель берет абсолютистскую Францию перед буржуазной революцией. Два типа сознания господствуют в обществе — «благородное» к «низменное», сознание дворян, готовых к самопожертвованию ради интересов государства, и сознание толпы, которая ненавидит власть, повинуется с затаенной злобой и всегда готова к мятежу. Но эти две противоположности скоро оказываются совмещенными. «Героизм безмолвного служения» государству превращается в «героизм лести». Язык лести обособляет и уединяет монарха, его сознание формируется сознанием его подданных. Чувство отверженности соединяет воедино и извращает благородное и низменное сознание, традиционные связи рвутся, возникает «разорванное» сознание.

Наступает время «абсолютной эластичности», «всеобщего обмана самого себя и других», «отдающего себе отчет хаоса». В распоряжении Гегеля блестящая художественная иллюстрация — «Племянник Рамо». Диалог Дидро, не опубликованный при жизни автора, попал в руки Гёте и был впервые напечатан им в собственном переводе на немецкий язык в 1805. году. Собеседник Дидро говорит о своем сыне: «Если он способен стать честным человеком, то я не повредю, но если наследственные волокна таковы, что он сделается негодяем, как его отец, то весь труд сделать его честным человеком был бы вреден ему. Так как воспитание всегда перекрещивает ход наследственных волокон, то две противоположные силы влекли бы его в разные стороны, и он шел бы, лишь колеблясь, по жизненному пути, как те многочисленные люди, которые одинаково неуклюжи как в добре, так и в зле. Мы называем таких людей espece, из всех кличек эта самая ужасная, так как она обозначает посредственность и выражает высшую ступень презрения. Большой негодяй есть большой негодяй, но все же не espece». Дидро эти речи представляются «бредом мудрости и безумия, смесью в такой же

мере ловкости, как и низости, столь же правильных, как и ложных идей, такой же полной извращенности ощущения, столь же совершенной мерзости, как и безусловной откровенности и правды». Гегель, безусловно, согласен с Дидро и лишь подчеркивает неизбежность появления подобного сознания в условиях отчуждения. Чем ярче проявляется «разорванность» сознания, чем сильнее оно себя разоблачает, тем лучше: тем быстрее оно исчезает. Закамуфлировать его — значит задержать развитие. «Заштопанный чулок лучше разорванного, этого не скажешь о самосознании», — гласит один из гегелевских афоризмов периода работы над «Феноменологией».

На смену «разорванному» сознанию приходит религиозная вера и ее противоположность — просвещение. К последнему Гегель относится весьма критически, отмечая в качестве его характерных черт буржуазный утилитаризм и примитивный атеизм. Для просветителя религия — результат обмана. Можно, конечно, в отдельных случаях продать медь вместо золота, подделать вексель и выдать проигранное сражение за выигранное, но удастся ли обмануть народ в столь существенном деле, как вера, спрашивает Гегель. И он, безусловно, прав, подчеркивая, что религия имеет более глубокие корни, чем злой умысел священнослужителей и власть имущих.

Истиной просвещения оказывается революция, которая приносит с собой «абсолютную свободу и ужас», то есть террор: здесь отчуждение достигает апогея. Террор, по мнению Гегеля, хуже рабства, ибо он непродуктивен, это «фурия исчезновения», порождающая лишь чисто негативное действие. Непосредственных позитивных результатов революции Гегель не видит. «Единственное произведение и действие всеобщей свободы есть поэтому смерть и притом... самая пошлая смерть, имеющая значение не больше, чем если разрубить кочан капусты или проглотить глоток воды». Жизнь полностью обесценена и лишена содержания. Дальше в этой плоскости двигаться некуда, нужен переход в новую сферу. Отчужденный от себя дух, доведенный до крайней точки, наконец обретает себя самого. Происходит снятие отчуждения — замена произвола правопорядком, возникает моральный дух.

Царством моральности Гегелю представляется современная ему Германия, ее духовная культура, искусство и философия. «Нетрудно видеть, что наше время есть время рождения и перехода к новому периоду, дух порвал с существующим миром своего бытия и представления, намеревается погрузить его в прошлое и занят его преобразованием» — «Феноменология» проникнута историческим оптимизмом. Свои надежды, как мы

уже знаем, Гегель связывал с господством Наполеона.

Наполеона Гегель называл «великим учителем государственного права» и приветствовал введение французского кодекса в государствах Рейнского союза. Гегель верил, что политика Наполеона вызовет в Германии национальный подъем: «Французская нация благодаря горнилу своей революции не только избавилась от устаревших учреждений, которые как бездушные цепи тяготели над ней и над другими, но также освободила индивид от страха и привычек повседневной жизни; это дает ей великую сипу, которую она проявляет по отношению к другим нациям. Она давит на их замкнутость и косность, и в конце концов они будут вынуждены изменить своему безразличию по отношению к действительности, пойти ей навстречу; и может быть, поскольку внутреннее проявляется во внешнем, они превзойдут своих учителей».

Но политика политикой, а мировой дух продолжает свой путь. Исчерпав возможности в области реальной истории, он возносится в высшую сферу, которую, следуя нашей терминологии, можно назвать общественным сознанием. Здесь речь идет о религии, искусстве, философии. В дальнейшем Гегель посвятит их анализу фундаментальные труды, и мы еще вернемся к рассмотрению этих проблем. Сейчас же нас интересует конечный, достигнутый им результат: в итоге своих блужданий дух приходит к абсолютной истине, которая раскрывается ему в научной философии, каковой является гегелевская система. Первоначально объект противостоял субъекту познания как нечто внешнее, постороннее, в абсолютном знании они достигают тождества.

На склоне лет своих Гегель назвал «Феноменологию» «путешествием за открытиями». Это первая крупная, вполне самостоятельная работа, где система еще не душит метод в той степени, как это произойдет потом, по той причине, что система еще не сложилась, она в «строительных лесах», причем, как уже давно подмечено, сами эти «леса» подчас ценнее будущего здания. «Феноменология» важна тем, что показывает, из какого материала создавалась диалектика, откуда она пришла. Исходный импульс — попытка осмыслить противоречивое развитие духовной культуры. За туманом отдающих мистицизмом терминов видны элементы действительных человеческих отношений, их история. Но только элементы. Чувственные, материальные основы сознания в целом остаются вне поля зрения философа. «Гегель, — пишет Маркс, — ставит мир на голову и по этой причине и может преодолеть в голове все пределы, что, конечно, нисколько не мешает тому, что они

продолжают существовать для… действительного человека» [12]. Для Гегеля, убежденного во всемогуществе военного гения Наполеона и собственной философии, все пределы уже исчезли. В том, что они все же существуют, ему пришлось вскоре убедиться.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. ГАЗЕТНАЯ КАТОРГА

Утреннее чтение газет — своего рода реалистическая молитва.
Гегел

Ненастным мартовским утром Гегель навсегда покидал Иену. Почтовая карета увозила его в Бамберг, где ему предстояло занять пост редактора ежедневной газеты.

Что заставило философа, лишь два года назад получившего звание профессора, покинуть университетский город и отказаться от академической карьеры, которая всегда владела его помыслами? Главную роль сыграли материальные соображения. Отцовское наследство было истрачено, имущество разграблено французами, а на те 100 талеров ежегодного содержания, которые Гёте выхлопотал ему, существовать было невозможно. Владелец «Бамбергской газеты» предлагал половину прибыли, по расчетам это составляло свыше 1300 флоринов в год.

Деятельность журналиста, возможность непосредственно влиять на общественное мнение привлекала Гегеля. И чем больше он укреплялся в решении принять сделанное ему через Нитхаммера предложение, тем тверже чувствовал, что политика — его призвание. Настали новые времена, рушится старый порядок, и долг философа окунуться в практику. Тем более что после начала войны университет в Иене никак не может наладить занятия.

Было еще одно обстоятельство, заставлявшее Гегеля не медлить с отъездом: он стал отцом ребенка, родившегося вне брака. Матерью его сына, окрещенного Людвигом, была Христиана Буркхардт, жена хозяина дома, в котором проживал философ. В маленьком городе любая новость распространяется мгновенно и в течение долгого времени занимает умы обывателей. Гегель не отказывался от сына, но он понимал, что в результате случившегося путь к профессорской должности в Иене для него закрыт. Христиана без скандала отпустила Гегеля, удовольствовавшись обещанием жениться на ней в том случае, если она овдовеет. Людвиг был ее третьим внебрачным ребенком.

По дороге в Бамберг Гегель обдумывал планы своей новой деятельности. О «Бамбергской газете» он знал только то, что она существует немногим более десяти лет, что основал ее французский эмигрант аббат Глай, который вскоре продал ее

нынешнему владельцу Шнайдербангеру, но остался работать в качестве редактора. После прихода французов Глай бросил журналистику, присоединился к войскам Даву и ныне ищет счастья где-то в Польше. Шнайдербангер, в прошлом придворный кучер, сам дело вести не мог, и газета пришла в упадок.

Гегель знал, как исправить положение. Образцом ежедневной газеты является, конечно, парижский «Монитор». Здесь можно получить не только наиподробнейшую информацию, но и богатую пищу для мыслящего ума, сообщения всегда сочетаются с соображениями редакции, комментариями, анализом обстановки. Немецкие газеты всего лишь педантичные реестры событий. Правда, читатель привык именно к этому, но Гегель постепенно перевоспитает публику, привьет ей вкус к размышлению. Терпения и такта у него достанет. Что касается его политической программы, то ее можно выразить двумя словами: французская конституция.

Все эти соображения он изложил владельцу газеты при первом же серьезном разговоре. Шнайдербангер выслушал Гегеля, затем стал невнятно бормотать, что он целиком полагается на господина профессора, на его опыт и знания. От того, как удастся поладить с подписчиками и начальством, зависит судьба четырех человек: издателя, редактора и двух типографских рабочих. Шнайдербангер вынул из стола папку, в которой были собраны накопившиеся за много лет правительственные эдикты, указы, инструкции и разъяснения, касающиеся печати. Гегель взял ее к себе и, освободившись от дел по очередному номеру, приступил к изучению директивных материалов.

Эдикт курфюрста Максимилиана Иосифа: «...Не устанавливая слишком узких рамок для разумной свободы, но во избежание злоупотреблений...» Гегель пробежал глазами вступительную часть. Оказывается, пресса подчинена департаменту иностранных дел. Интересно узнать, почему. Неужели печать в первую очередь орудие внешней политики? В эдикте перечислялись обязанности журналистов: «...Воздерживаться от непристойной брани и крепких выражений по адресу августейших особ и всех существующих правительств... Факты излагать по возможности просто, без каких-либо замечаний и рассуждений». Гегель взял другой документ, сразу нашел самое главное: «Газеты должны содержать только точные и беспристрастные сообщения о фактах, следует полностью исключить любые намеки и колкости». Итак, разрешена только информация. Но и информация, оказывается, бывает разной: «...Журналистам запрещается распространение известий, которые могут нанести ущерб государству...»Оба документа относились к 1799 году, к тем временам, когда

Бонапарт воевал еще в Египте. С тех пор многое переменилось. Должны быть дополнения и разъяснения. Гегель перевернул кипу бумаг. Вот указ от 17 февраля 1806 года: «Поскольку на основании имеющихся данных у нас сложилось неблагоприятное убеждение в том, что наша изданная в 1799 году инструкция о порядке выхода в нашем государстве политических изданий не соблюдается, мы обновляем таковую и приказываем...» Далее шла речь об усилении контроля. Казалось, законы истории и законы о печати шли различными путями. Однако указ появился в прошлом году, до последней войны, перекроившей карту Европы. Теперь Бавария — верная союзница Франции, повсюду в Германии реют трехцветные знамена. Гегель взял в руки последний листок, на нем стояла свежая дата. Это был приказ французского генерала Этьена Ле Грана о закрытии «Эрлангенской газеты» и об аресте ее редактора за «распространение ложных новостей и комментариев, которые могут нарушить покой общества». Картина полностью прояснилась.

Наполеон придавал прессе большое значение, но желал видеть ее полностью под своим контролем. «Газеты— важное дело», — сказал он Жозефу Фуше, министру полиции, распорядившись после захвата власти о закрытии шестидесяти газет из семидесяти трех, выходивших в Париже. Потом было закрыто еще девять. Оставшиеся четыре выражали правительственную точку зрения.

Гегель, решив заняться политикой, трезво оценивал обстановку: единственная реальная политическая сила в стране — государство, следовательно, надо не расшатывать, а укреплять, совершенствовать его устои. «Каждый должен находиться в определенном отношении к государству и работать на него, — писал он Нитхаммеру.— Удовлетворение от частной жизни призрачно и недостаточно! Я не намерен ограничиться только личной жизнью, ибо нет человека больших общественных интересов, чем газетчик». Пусть баварское государство далеко от совершенства, пусть во главе его стоят неразумные люди, рано или поздно разум и здесь проложит себе дорогу. В конце концов не так уж важно, какие конкретные цели ставит перед собой человек, все равно в итоге получается нечто иное, чего не было в его намерениях, но объективно содержалось в его поступках. Информация, только информация, проверенная, точная, объективная,— таково будет содержание его газеты.

Для информации нужны источники, и Гегель разослал своим друзьям и знакомым письма с просьбой о сотрудничестве. Написал он и отставному майору Кнебелю в Иену, объяснил ему,

каким образом стал журналистом («у меня всегда была склонность к политике»), пожаловался на необычный характер своего положения («газетчик является предметом любопытства и даже зависти: каждый стремится узнать то, что тому известно по секрету, что должно быть самым интересным») и предложил старому эпикурейцу стать корреспондентом «Бамбергской газеты» («я знаю: писать для газеты—это то же самое, что жевать солому по сравнению с чеканкой философских гекзаметров Лукреция, но согласно философии Эпикура нельзя пренебрегать перевариванием пищи, а чтение газет — лучшее в этом подспорье; поэтому я полагаю, что вы сможете уделить четверть часа в день для сочинения корресподенций и превратитесь из пассивного читателя в активного»), не забыв, разумеется, и о материальной стороне дела («я на своем опыте убедился в истинности библейского изречения, которое сделал своей путеводной звездой: думайте прежде всего о пропитании и одежде, а царствие небесное приложится вам... О гонораре мы договоримся»).

Кнебель решительно отказался. Однако в дни Эрфуртской встречи Наполеона и Александра, когда взоры всего мира были прикованы к Средней Германии, Кнебель прислал два интересных письма, содержавших актуальные политические новости. Он описал глазами очевидца пребывание Наполеона и «прочих монархов и князей» в Веймаре. Утром гости отправились на охоту; французский и русский императоры ехали в открытой коляске, запряженной четверкой лошадей в окружении блестящей свиты, впереди верхом герцог Веймарский. Вечером высочайшее общество собралось в театре, где актеры Парижского императорского театра сыграли «Смерть Цезаря» Вольтера. Праздничный день закончился балом во дворце. На следующее утро монархи осмотрели поле битвы под Иеной. И завтракали в павильоне, выстроенном веймарским правительством («правда, из дерева, так как мрамора здесь нет и средств для этого тоже») на том месте, где был командный пункт Бонапарта.

«Я бы хотел сообщить Вам еще кое о чем — разумеется, не для статьи в газете: речь идет о том, что Вас, пожалуй, заинтересует больше всего. Великий Наполеон завоевал сердца всех людей, особенно мыслящих, причем это совершенно не зависит от величия и власти, и любовь эта должна быть отнесена скорее к человеку, чем к императору. В его облике находят выражение некоторой меланхолии, что согласно Аристотелю является главной чертой всякого великого человека и характера, и не только черты великого ума, но и истинную доброту душевную, которую ничуть не уменьшают силы его великих

стремлений и деяний. Короче говоря, он наполняет людей энтузиазмом. Он уже два раза беседовал с нашим Гёте...»Преклонение перед императором Франции не могло ни удивить, ни шокировать Гегеля. Он сам был полон энтузиазма, с жадностью читал письма Кнебеля и требовал новых подробностей: «Принимали ли Вы участие в охоте на зайцев? Вылили на завтраке в павильоне на плато? О чем говорил Наполеон в беседе с Виландом и Гёте на балу?.. Все это я, спрашиваю не для газеты, а для себя самого».

Гёте, опасаясь сплетен, хранил молчание по поводу своих бесед с Наполеоном (даже запись он сделал лишь пятнадцать лет спустя). Но встречались они не наедине, и присутствовавшие при аудиенции жадно ловили слова и французского императора, и немецкого поэта. При взятии Веймара в октябре 1806 года Гёте пришлось пережить примерно то же, что Гегелю в Иене, — пожары, грабеж, насилия; он чуть не погиб, когда ночью два пьяных гренадера прямо с полк битвы ворвались в дом и хотели воспользоваться его спальней. Но, как и Гегель, Гёте умел мировую историю поставить выше личной судьбы. К тому же вскоре ему была выдана охранная грамота, с ним обедали маршалы, а теперь сам император пожелал с ним встретиться.

Владыка Европы приветствовал Гёте комплиментом: «Вы настоящий человек»; он называл его «мосье Гот», что для немецкого уха звучало: «господия бог». Наполеон расхваливал «Страдания молодого Вертера» (эта книга сопровождала его в египетском походе), но отметил и ряд имеющихся в романе недостатков. Автору пришлось согласиться. Разговор шел и о драматическом искусстве; Наполеон высказался критически о «Магомете» Вольтера: не пристало преобразователю мира давать самому себе столь нелестную характеристику; вообще французский театр далек от жизненной правды. Император предложил Гёте написать заново «Смерть Цезаря», но сделать это лучше, чем Вольтер. «Труд этот должен стать главной задачей вашей жизни. Вы должны показать всему миру, что Цезарь осчастливил бы человечество, если бы ему дали время осуществить свои планы». Трагедия предназначена для того, чтобы быть школой государей и народов. Но не древняя трагедия судьбы, возникшая в мрачные времена. «Какой смысл сегодня имеет судьба? Политика — вот судьба». И Наполеон начал тут же обсуждать с приближенными проблему военной контрибуция. Затем он посоветовал Гёте сочинить стихи об Эрфуртской встрече и посвятить их русскому царю. Гёте ответил, что он никогда не делал подобных вещей, дабы не раскаиваться в них впоследствии. «При Людовике Четырнадцатом наши великие поэты поступали

иначе». — «Разумеется, сир, однако неизвестно, не раскаивались ли они в этом».

Политика Наполеона стала судьбой для Германии. Но не неотвратимым роком древних, а исторической необходимостью, которая проявляется в случайностях, может быть познана, дополнена и исправлена. Бонапарт верил в свою звезду, но предпочитал не делать ошибок. И его беседа с Гёте была прежде всего рассчитана на то, чтобы расположить в свою пользу немецкое общественное мнение.

Ибо далеко не все в Германии думали так, как Гёте и Гегель. Война должна кормить себя сама, повторял Наполеон; это означало, что все расходы победителей-французов ложились на плечи побежденных пруссаков и их союзников. Континентальная блокада, с помощью которой Наполеон намеревался поставить на колени Англию, разоряла купцов, взвинчивала цены, вызывала всеобщее недовольство. Разгром Пруссии воспринимался многими как общенемецкое поражение.

Зимой 1807/08 года Фихте в поверженном Берлине читал курс лекций — «Речи к немецкой нации». Фихте говорил о преодолении эгоизма и нравственном воспитании, о патриотизме и немецкой самобытности, но его слушатели (не только аудитория, собиравшаяся в конференц-зале Академии наук, вся образованная Германия) понимали: речь идет о необходимости осознать причины краха и найти силы для борьбы за национальное единство и освобождение. В Берлине стоял французский гарнизон, только что по обвинению в антифранцузской деятельности расстреляли книготорговца Пальма; Фихте тщательно взвесил все «за» и «против», по свойственной ему привычке изложив свои мысли на бумаге: «То, что мне лично угрожает опасность, вовсе не идет в счет, а скорее может произвести весьма выгодное впечатление. Моя же семья и мой сын не останутся без помощи нации, а последний обретет преимущество в том, что его отец был мучеником. Это был бы самый лучший жребий». А смерть без того поджидает каждого из нас. Ежедневно ждали ареста Фихте, но этого так и не произошло. Он умер через шесть лет, заразившись злокачественной лихорадкой от своей жены, ухаживавшей в госпитале за ранеными и больными солдатами. «Его основной чертой был избыток силы», — говорили о Фихте.

Гегель и Фихте — два полюса немецких политических настроений, в которых нашло выражение двойственное значение для Германии наполеоновских завоеваний; с одной стороны, они устраняли феодальный застой и партикуляризм, но, с другой — несли новый деспотизм. Гегель и Фихте - каждый из них прав по-

своему. Верх возьмет правда Фихте. Но это еще впереди.

Пока ничто не свидетельствует о будущем крушении империи. Гегель по-прежнему издает «Бамбергскую газету», правда, уже не с тем рвением, что вначале. Чем дальше, тем больше разочарований. Осложнения начались летом 1808 года. В одном из июльских номеров «Бамбергской газеты» появилось сообщение о том, что баварские войска расположены в трех лагерях: Платтлинге, Аугсбурге и Нюрнберге. Об этом все знали, об этом уже писали другие газеты, тем не менее из Мюнхена пришло требование назвать имя офицера, который передал редакции сведения, содержащие военную тайну. Никакие объяснения не помогали, долго шла переписка. Гегель вынужден был посещать официальные инстанции, писать объяснительные записки, оправдываться и, в довершение всего, успокаивать Шнайдербангера. В конце концов Гегель не выдержал и написал влиятельному Нитхаммеру, что хочет бежать с «газетной каторги». Нитхаммер предложил место директора гимназии в Нюрнберге. Гегель немедленно согласился.

Однако переход на педагогическую работу занял некоторое время. Между тем приключилась новая история, сулившая газете еще большие неприятности, В начале ноября Гегеля неожиданно вызвали и королевскому генеральному комиссару барону Штенгелю. Из Мюнхена пришла депеша, в которой выражалось высочайшее неудовольствие по поводу напечатанной в «Бамбергской газете» 26 октября корреспонденции из Эрфурта. Цензору объявлялся выговор. Впредь цензура газеты возлагалась непосредственно на Штенгеля.

В редакции Гегель ломал голову над злополучной корреспонденцией: что могло в ней вызвать августейший гнев? Начиналась она с сообщения об аудиенции Гёте и Виланда у Наполеона, в ходе которой «шла речь о научных вопросах, и оба имели возможность убедиться в глубочайших познаниях его величества в самых разнообразных сферах науки». Здесь нет ничего Предосудительного. «Гёте и Виланд награждены орденом Почетного легиона». Здесь тоже все в порядке. Может быть, предосудительным нашли сообщение о слухах, будто Эрфурт останется свободным городом и будет произведена реформа почтового дела? Скорее всего именно это: пресса должна не распространять слухи, а пресекать их.

Гегель принялся за составление пространной объяснительной записки. Он ссылался на то, что все напечатанные материалы были заимствованы из других газет. «В соответствии с Вашим всемилостивейшим приказом от 7-го числа указать официальные источники, из которых была получена статья из Эрфурта,

помещенная в № 800 от 26 октября «Бамбергской газеты», нижеподписавшийся редактор всепокорнейше признает, что материал для вышеупомянутой статьи был слово в слово взят из выходящего в Эрфутре «Всеобщего немецкого государственного курьера» и из поступающей из Готы «Национальной газеты»... Поскольку эрфуртская газета издается в государстве, подчиняющемся правительству его величества императора Франции, а газета в Готе — в государстве, входящем в Рейнский союз, и обе находятся под гласной цензурой, то нижеподписавшийся редактор газеты не имел сомнений в возможности перепечатать статьи из этих газет... Вскоре, однако, в редакции с беспокойством узнали, что опубликованные в статье слухи породили неправильные толкования, которые она решила немедленно устранить. Поэтому редакция при первой же возможности в приложении к «Бамбергской газете» от 27 октября в [1] 301 сделала следующее замечание по поводу подобных слухов: «Время покажет, являются эти известия более обоснованными, чем циркулирующие в Германии разговоры (некоторые из них, опубликованные в немецкой прессе, мы привели вчера в нашей газете) о том, что Эрфурт останется вольным городом, что следует ожидать реформы почтового дела и т. п., которые являются пустыми слухами, не опирающимися ни на какой авторитет». Гегель уверял, что газета ни в чем неповинна, и просил пощады. Он обещал в дальнейшем благодаря неукоснительному исполнению всех поступающих в редакцию приказов устранить любой повод, который мог бы вызвать высочайшее неудовольствие.

Философ так и не узнал истинную причину обрушившихся на газету бедствий. Он оправдывался по поводу высокой политики, а между тем все обстояло гораздо проще. Начальственная рука обвела красным карандашом следующее предосудительное место из эрфуртской корреспонденции: «Господин коммерсант Гофман получил от его величества короля Баварии золотую табакерку, украшенную жемчугами, а супруга и мадемуазель дочь по красивому ожерелью каждая. Его величество король Вюртемберга преподнес госпоже придворной советнице Рейнгардт, помимо значительной суммы денег, еще и драгоценности». Пресса не должна акцентировать внимание на подарках августейших особ, тем более если речь идет о женщинах.

Штенгель переслал объяснительную записку в Мюнхен. Одновременно генеральный комиссариат направил в правительство запрос о том, какие известия из официальных источников следует считать действительно официальными и подлежащими перепечатке и как быть с неофициальными

материалами: «Следует ли считать недозволенными все статьи, опирающиеся на приватные сообщения, которые описывают необычные явления природы, открытия в науке и искусстве, жизнь, деятельность, награды и отличия знаменитых военных, художников и ученых и содержат факты, при помощи которых газета может способствовать укреплению гражданских добродетелей и расширению образования».

К составлению этой бумаги, которая должна была продемонстрировать интерес бамбергской администрации к существу проблемы, приложил свою руку Гегель. Исход конфликта его беспокоил: в памяти еще не истерлась судьба редактора «Эрлангенской газеты». Со дня на день должно было состояться назначение в Нюрнберг, и любое взыскание могло бы испортить дело.

Шли дни. Ответа из Мюнхена не было. По совету Гегеля Штенгель повторил запрос. Лишняя бумага делу не повредит: ее нужно зарегистрировать, прочитать, осмыслить, а оттяжка окончательного решения всегда на пользу ответчику. Впрочем, Гегель уже не нуждался в проволочках: он упаковывал вещи. А когда в начале декабря Шнайдербангер послал в Мюнхен новый запрос, на этот раз непосредственно от редакции, философа в Бамберге уже не было. Ответ поступил только в январе. Министерство иностðàííûõ дел разъясняло, что «Бамбергская газета» имеет право перепечатывать статьи из подцензурных газет, вы-ходящих в главных городах королевства, при условии, что эти сообщения не противоречат «сложившейся ситуации». Почти одновременно департамент полиции сообщал о закрытии «Бамбергской газеты».

* * *

Двадцать один месяц, проведенный Гегелем в Бамберге, не ознаменовался ни одной теоретической публикацией. И все же несправедливо считать это время потерянным для его философского развития. Мысль Гегеля продолжала конструировать систему, начало которой было положено «Феноменологией духа». Почти весь рабочий день отбирала у него газета, но тем интенсивнее посвящал он остававшиеся часы любимым занятиям. В письмах содержатся свидетельства о работе над логикой, об этом же говорят и сохранившиеся фрагменты. Идеи, зародившиеся в Иене, обретают стройность и строгость.

В Бамберге возник любопытный фрагмент, показывающий Гегеля с необычной стороны — как блестящего популяризатора

собственного учения. Фрагмент называется «Кто мыслит абстрактно?». Издатели гегелевского наследия отнесли его к последнему, берлинскому периоду творчества, вместе с тем и стиль и содержание этого эссе говорят о его раннем происхождении. Недавно удалось доказать, что отрывок был написан весной или ранним летом 1807 года.

Итак, кто же мыслит абстрактно? К абстрактному мышлению люди питают известное почтение как к чему-то возвышенному, его избегают не потому, что презирают, а потому, что возвеличивают, потому, что принимают за нечто особенное, чем в обществе выделяться неприлично. А между тем на самом деле абстрактно мыслит не просвещенный, а необразованный человек. Абстрактно примитивное мышление.

«В обоснование своей мысли, — пишет Гегель, — я приведу лишь несколько примеров, на. которых каждый сможет убедиться, что дело обстоит именно так. Ведут на казнь убийцу. Для толпы он убийца, и только. Дамы заметят, может статься, что он сильный, красивый, интересный мужчина. Такое замечание возмутит толпу: как так? убийца — красив? Можно ли думать столь дурно, можно ли называть убийцу красивым? сами небось не лучше! — Это свидетельствует о моральном разложении знати, — добавит, быть может, священник, привыкший глядеть в глубину вещей и сердец.

Знаток же человеческой души рассмотрит ход событий, сформировавших преступника, обнаружит в истории его воспитания, как дурно повлияли на него семейные ссоры между отцом и матерью, увидит, что некогда этот человек был наказан за какой-то незначительный проступок с чрезмерной суровостью, ожесточившей его против гражданского порядка, вынудившей к сопротивлению, которое и привело к тому, что преступление сделалось для него единственным способом самосохранения. Почти наверняка в толпе найдутся люди, которые — доводись им услышать такие рассуждения — скажут: да он хочет оправдать убийцу! Помню же я, как некий бургомистр жаловался в дни моей юности на писателей, подрывающих основы христианства и правопорядка; один из них даже осмелился оправдывать самоубийство — подумать страшно! Из дальнейших разъяснений выяснилось, что бургомистр имел в виду «Страдания молодого Вертера».

Это и называется «мыслить абстрактно» — не видеть в убийце ничего, кроме того, что он убийца, и подобным абстрактным определением уничтожить в нем все остальное, что составляет человеческое существо...

...- Эй, старуха, ты торгуешь тухлыми яйцами! — говорит

покупательница торговке.

— Что, — кричит та, — мои яйца тухлые?! Сама ты тухлая! Ты мне смеешь говорить такое про мой товар! Ты! Да не твоего ли отца вши в канаве заели, не твоя ли мать с французами крутила, не твоя ли бабка сдохла в богадельне! Ишь, целую простыню на платок извела! Знаем небось, откуда все эти тряпки да шляпки! Если бы не офицеры, не щеголять тебе в нарядах! Порядочные-то за своим домом следят, а таким: самое место в каталажке! Дырки бы на чулках заштопала! — Короче говоря, она и крупицы доброго в обидчице не замечает. Она-то мыслит абстрактно — сводит все, от шляпки до чулок, с головы до пят, вкупе с папашей и остальной родней, исключительно к тому преступлению, что та нашла ее яйца тухлыми. Все окрашивается в ее голове в цвет этих яиц, тогда как те офицеры, которых она упоминала, — если они, конечно, и впрямь имеют сюда какое-нибудь отношение, что весьма сомнительно, — наверняка заметили бы в женщине совсем иные детали.

Но оставим в покое женщин; возьмем, например, слугу — нигде ему не живется хуже, чем у человека низкого звания и малого достатка; и, наоборот, тем лучше, чем благороднее его господин. Мещанин и тут мыслит абстрактно, он важничает перед слугой: и относится к нему только как к слуге; он крепко держится за этот единственный предикат. Лучше всего живется слуге у француза. Аристократ фамильярен со слугой, а француз ему даже добрый приятель. Слуга, когда они остаются вдвоем, болтает всякую всячину, а хозяин покуривает себе трубку да поглядывает на часы, ни в чем: его не стесняя, — как о том можно прочитать в повести «Жак и его хозяин» Дидро. Аристократ, кроме всего прочего, знает, что слуга не просто слуга, что ему известны все городские новости и девицы и затеи его голову посещают неплохие, обо всем этом он слугу расспрашивает, и слуга может свободно говорить о том, что интересует хозяина. У барина-француза слуга смеет даже рассуждать, иметь и отстаивать собственное мнение, а когда хозяину что-нибудь от него нужно, так он не просто отдает приказание, а сначала подробно втолкует слуге свою мысль, да еще убедит его в том, что лучше и придумать невозможно».

Гегель отнюдь не против научных абстракций. Он только показывает, что абстрактным, то есть отвлеченным, односторонним может быть и самое обыденное житейское сознание и чаще всего оно бывает именно таким.

Естественно, перед нами встает вопрос: а может ли научное, теоретическое мышление быть конкретным, и если да, то каким образом? Попытки решить эту проблему занимают центральное

место в учении Гегеля. Но об этом в следующей главе.

ГЛАВА ПЯТАЯ. БОЛЬШАЯ ЛОГИКА

Разум без рассудка ничто, а рассудок и без разума нечто.
Гегель

В Нюрнберге, на площади Диллингоф, рядом с церковью Эгидиенкирхе стоит старинное двухэтажное здание. Здесь помещается гимназия, основанная еще в 1526 году Меланхтоном. Это было первое в Германии среднее учебное заведение с гуманитарным уклоном.

С годами, с веками гимназия пришла в упадок. В начале девятнадцатого столетия в Нюрнберге существовали четыре школы, но ни одна из них не давала знаний, необходимых для поступления в университет. Нюрнберг был свободным, «имперским» городом, то есть не входил ни в одно из государств, существовавших на немецкой земле. В августе 1806 года «Священная римская империя германской нации» перестала существовать; месяц спустя Бавария захватила город. Бавария выступала в качестве союзника Франции, во многих делах перенимая французские порядки. С 1803 года здесь существовало всеобщее шестилетнее образование. Для народных школ требовались учителя, и правительство обратило внимание на нюрнбергские учебные заведения. Их свели в единую гимназию, во главе которой встал Гегель.

Торжественное открытие обновленной гимназии состоялось 5 декабря 1808 года; Гегель принес присягу. Затем в течение недели шли экзамены; в три старших класса, составлявших гимназию в узком смысле слова, набралось только тридцать учеников (выпускной класс насчитывал восемь человек). Занятия начались 12 декабря.

В соответствии с замыслом Нитхаммера, возглавлявшего в Баварии народное просвещение, школы были разбиты на два типа: классические с гуманитарным уклоном и реальные, готовившие к практической деятельности. Гегель был доволен, что стоит во главе классической гимназии, где нет «галиматьи вроде технологии, экономики, ловли бабочек и т. д.». По его убеждению основу школьного гуманитарного образования составляет изучение древних языков и литературы. Античная Греция — это та основа, на которой возвышается любая европейская культура, и хотя каждая из них приобрела черты самостоятельности, но связь с породившей ее основой всегда остается. Как мифологический Антей набирает силы,

соприкоснувшись с матерью-землей, как всякий новый расцвет искусства и науки необходимо связан с обращением к античности. «Тот, кто не был знаком с творениями древних, прожил, не ведая красоты», — в атом Гегель был твердо убежден. (Клеменс Брентано уверял, что Гегель, чтобы насладиться «Песней о Нибелунгах», переводит ее на греческий.)О своей любви к античности Гегель говорил в речи, произнесенной по поводу завершения учебного года 29 сентября 1809 года. Занятия кончались осенью, и каждый раз после экзаменов устраивался праздник, в котором принимали участие не только гимназисты, но и их близкие. Это было общегородское торжество. Снимался большой нарядный зал. На широкой трибуне, окруженной лимонными деревьями, в центре устанавливали «алтарь отечества» — бюст короля. Справа располагались чиновники комиссариата, слева — ректорат. Торжество начиналось декламацией старшеклассников. Затем ректор произносил речь, после чего раздавали награды; медали выпускникам вручал сам королевский комиссар. Хор пел патриотические песни.

На посту ректора гимназии Гегель пробыл восемь лет. За эти годы у него сложились твердые взгляды на задачи и методы школьного образования. Исходный пункт его педагогической системы — приобщение учащегося к духовному миру учителя. Ученики Пифагора, аргументировал Гегель, в течение первых четырех лет обязаны были молчать. Это означало, что они не имели права ни высказывать, ни даже иметь собственные мысли. Подобно воле, мысль должна начинать с послушания.

Начинать, но не заканчиваться. Послушание не самоцель; задача образования сломить в ребенке своеволие, но воспитать волю; научить слушаться, чтобы затем мыслить и действовать самостоятельно для общего блага. Всякое воспитание направлено на то, чтобы не оставить индивид в сфере субъективности, объективировать его в государстве. А образцом слияния личного и государственного начала для Гегеля всегда была Древняя Греция. Вот почему изучение античной культуры он рассматривал в качестве главного средства школьного гуманитарного образования.

Обучение и воспитание тождественны, точнее, это различные стороны единой деятельности учителя. Как обучение нельзя свести к простому восприятию готовых истин (иначе это будет безрезультатное занятие, нечто вроде письма по воде), так и воспитание не должно ограничиваться лишь усвоением установленных правил поведения. Мысль и чувство, ум и сердце ученика следует направить на достижение главной цели — формирование духа для творческой самодеятельности.

Самое страшное в школьном деле — дух формализма. Конечно, существуют формальные правила, за нарушения которых ученики подвергаются наказаниям. Но учитель по своему положению отличается и от судьи, выносящего приговор, и от частного лица, затаившего злобу на обидчика. С непослушным и наказанным учеником учитель продолжает находиться в доверительном контакте. На мелких промахах не следует долго задерживать внимание ребенка; делая замечание в таких случаях, по возможности сопровождать его шуткой. Важно пробудить в ученике веру в свои силы и чувство собственного достоинства. Учеников выпускного класса Гегель называл на «вы» и не просто по фамилии, а «господин такой-то».

Все, кто учился у Гегеля, сохранили о нем самые лучшие воспоминания. Гимназистам импонировало, что их ректор — университетский профессор, известный ученый, автор знаменитой «Феноменологии». Гегель преподавал философию и религию, но порой заменял учителей литературы, греческого, латинского и даже высшей математики. Все дивились разносторонности его знаний и педагогическому мастерству.

Урок начинался с повторения пройденного. Гегель вызывал какого-нибудь ученика, с тем чтобы тот коротко воспроизвел содержание прошлого занятия. Затем диктовал параграфы новой темы, сопровождая их пояснениями, смысл которых ученики должны были записать самостоятельно. Для проверки Гегель тут же заставлял вслух прочитать записанное. После устранения ошибок текст переписывался набело. В любой момент каждый мог задать вопрос, и Гегель терпеливо объяснял то, что было не понято.

Философия преподавалась в трех старших классах. Гегель начинал с учения о праве, морали и религии. В среднем классе он знакомил с психологией и логикой. В старшем классе продолжалось изучение логики, а также давалось общее представление о философии природы и философии духа. Подготовительные записи Гегеля к этим занятиям были изданы посмертно под названием «Философская пропедевтика».

Согласно официальной инструкции со школьниками надлежало проводить лишь «практические занятия в спекулятивном мышлении». Но Гегель считал, что это нонсенс: обсуждать в философском плане какой-нибудь конкретный предмет или какое-либо одно отношение действительности — Это то же самое, что судить о музыкальной пьесе по партии одного инструмента. Теоретическое мышление требует системы, и Гегель пытался преподнести ее Школьникам хотя бы в самом общем виде.

Впоследствии он убедится в бесполезности подобных занятий. Будучи профессором в Берлине, Гегель настаивает на исключении из школьных программ всех философских дисциплин, включая историю философии. Гимназия должна готовить к изучению философии, которое может успешно протекать лишь в университете. Школьников можно знакомить с формальными элементами мышления — начальной логикой, историей античной литературы и религией. Последнюю следует преподавать так, чтобы она не вступала в противоречие с разумом и не приучала к софистике.

Нюрнбергская гимназия считалась образцовой. К сожалению, это не отражалось на материальном положении ректора, которое оставляло желать лучшего. Гегель получал тысячу флоринов в год, то есть примерно на одну треть меньше того, что зарабатывал в Бамберге, а жизнь в Нюрнберге была значительно дороже. Не удивительно, что он не переставал докучать Нитхаммеру просьбами о переводе в университет. Эти просьбы стали настойчивее, когда в его личной жизни наметилась серьезная перемена.

* * *

Розенкранц назвал Гегеля «осенней натурой». Философ медленно созревал не только как ученый, но и как человек. Лишь на исходе четвертого десятка он почувствовал потребность в собственной семье. «Мне скоро исполнится сорок», — писал он Нитхаммеру, высказывая пожелание, чтобы «лучшая из женщин», то есть жена Нитхаммера, подыскала ему спутницу жизни: «Кому-нибудь другому в этом отношении я не доверяю и меньше всего самому себе».

Дело, однако, обошлось без посторонней помощи. Ее звали Мария фон Тухер. Происходила она из местной знати и была вдвое моложе Гегеля. В апреле 1811 года философ признался в любви и получил заверение во взаимности.

О своей радости Гегель поспешил сообщить Нитхаммеру, не преминув тут же напомнить и о другом своем заветном желании: «Мое счастье частично зависит от того, получу ли я место в университете». Родители Марии отнеслись к предложению Гегеля весьма сдержанно. Кроме старшей дочери, у них было семеро детей, и о большом приданом речь идти не могла. Оклад Гегеля был невелик, и получал его он нерегулярно, иногда с запозданием на несколько месяцев; в городе знали, что ректор гимназии занимает деньги. Поэтому господин и госпожа фон

Тухер противились не только свадьбе, но даже помолвке; они хотели видеть жениха своей дочери хотя бы университетским профессором.

Однако хитроумный Нитхаммер нашелся и здесь. В письме Гегелю, рассчитанном на то, что его прочтет все семейство фон Тухер, он расписывал важность и значение ректорской должности. Что касается приглашения Гегеля в Эрлангенский университет, то это дело решенное. А с женитьбой надо поспешить: в качестве государственного чиновника Гегель должен иметь разрешение на брак от его величества короля Баварии; ректору такое разрешение выдадут скорее, чем профессору Эрлангена. Причина проста: при решении подобных вопросов учиòûâàþò лишь пенсионный фонд для вдов; университет в Эрлангене только создается, и проблема пенсионного обеспечения будет решена там не в первую очередь, а посему могут возникнуть трудности с получением высочайшей санкции на бракосочетание.

Письмо возымело действие. По крайней мере, на мать. Правда, аргумент относительно пенсионного обеспечения своей возможной вдовы Гегелю не понравился, он им почти не пользовался. Но остальные слова Нитхаммера звучали убедительно. И хотя отец все еще упирался, он представил Гегеля деду Марии, а это уже означало огласку. В Нюрнберге, острил философ, ничто не совершается сразу; если хотят купить лошадь, то для начала приобретают пакет конского волоса, а затем уже остальные части животного. Еще до официальной помолвки на ректора Гегеля и Марию фон Тухер в городе стали смотреть как на жениха и невесту.

Нареченные строили планы на будущее. Главное место в их мечтах занимала, разумеется, университетская кафедра. «Мы так много говорили об Эрлангене, что наша связь и Эрланген в воображении слились воедино, как муж и жена», — признавался Гегель Нитхаммеру. Философ относился к предпринимаемому шагу с чувством огромной ответственности и не скрывал от будущей жены своих взглядов на брак как на союз прежде всего религиозный. «Любовь для своей полноты нуждается в чем-то более высоком, чем рассмотрение в себе и для себя. То, что составляет удовлетворение и счастье, дает только религия и чувство долга, ибо лишь в них отступают в сторону все особенности бренной личности, которые могут быть только помехой действительности, остающейся несовершенной и незавершенной, но в которой должно лежать то, что называют земным счастьем». Мария благоговела перед своим женихом, его умом, знаниями, жизненным опытом.

К середине лета все внутрисемейные препятствия к браку были устранены. Гегель подает прошение на высочайшее имя, и через две недели получает ответ: «Именем его величества короля Баварии по высочайшему повелению от 8 августа сего года ректору и профессору Гегелю дается разрешение на совершение обручения с Марией Еленой Сузанной фон Тухер согласно его прошения от 1-го сего месяца. Королевский комиссар города Нюрнберга Кракер». Но Гегель уже не рад быстрому исходу дела: пять месяцев он не получал жалованья, и у него нет денег на свадьбу. Он просит начальство хотя бы сообщить ему твердый срок, когда произойдет выплата, с тем чтобы он мог взять в долг необходимую сумму. (Только в апреле 1813 года ректор наконец получил свое не выплачивавшееся два года жалованье и расплатился с долгами, сделанными перед женитьбой.)Бракосочетание состоялось 16 сентября 1811 года. Философ был счастлив. «Я достиг своей земной цели, — писал он своему другу, — служба и любимая жена — это все, что нужно на этом свете». Потекли будни супружества, полные житейских радостей и горестей. Первый ребенок — девочка — умер вскоре после появления на свет. Затем родился сын Карл, наконец, Иммануил, названный так в честь Нитхаммера.

В доме царил дух солидности и умеренности. Гегель лично руководил домашним хозяйством. Его никогда не раздражала необходимость отвлекаться по пустякам. В расходах он не был ни скуп, ни легкомыслен. Если жена не болела, то обходилась одной служанкой; лакея в доме (даже в годы благополучия и славы) не было. По швабскому обычаю Гегель вел домашний календарь, где записывал все свои расходы. Вот как это выглядело:«Сентябрь ...

5. Отрез льна 35 аршин — 25 фл. 30 кр[ейцеров].

4 дюжины винтов по 10 и 18 кр.= 58 кр.

6. 1 пара перчаток — 1 фл. 24 кр.

23 аршина черной материи на кресла и софу —18 фл. 24 кр.

7. Дополнительно на домашние расходы — 49 кр.

И снова — 5 фл. В том числе кофе — 36 кр.

Сахар — 32 кр. Дрова 172 сажени по 4 фл. 15 кр. — 6 фл. 22 1/2 кр.

9. Бумага — 30 кр.

Чаевые в Херольтсберге — 48 кр.

10. Поездка в Грюндлах — 1 фл. 45 кр. Чаевые кучеру—30 кр.

12. 6 бутылок белого вина — 3 фл. 12 кр.

13. Еще 5 аршин материи на чехол для софы — 4 фл.

15. Чаевые прислуге — 12 фл. 30 кр.

16. Чаевые лакею —1 фл. 36 кр.

17. Дополнительно на домашние расходы — 8 фл.

Проведенная под этим жирная черта означает конец холостяцкому хозяйству. И далее:

18. Моей д[орогой] жене первые деньги на домашниерасходы — 6 фл. Оплата объявлений о свадьбев газете — 41 кр.

Парикмахеру за 16.9 — 1 фл. 36 кр.

Объявление в «Нюрнбергской газете» — 24 кр.

19. Чаевые у Меркеля —1 фл. 21 кр.

20. 6 бутылок вина — 3 фл.» и т. д.

В конце месяца подводился итог и результат сверялся с оставшейся наличностью. О Гегеле, пишет Розенкранц, можно сказать: «Он был столь гениален, что мог позволить себе быть и филистером».

Семья и хозяйство не отвлекали Гегеля от его призвания. Он по-прежнему все свои силы отдает философии. Не пройдет и полугода после свадьбы, как он с гордостью скажет о себе: «Нелегко в первый семестр брачной жизни написать книгу в тридцать листов сложнейшего содержания». В 1812 году двумя выпусками свет увидел первый том «Науки логики».

* * *

Вопрос о реформе логики был поставлен еще Кантом. Начиная с первых своих работ Кант постепенно приходит к выводу о том, что процесс получения нового знания не может быть теоретически изображен в понятиях формальной логики. Идея создания новой, содержательной логики все больше овладевает им. Первой попыткой ее создания была так называемая трансцендентальная логика «Критики чистого разума». Эта логика, по мысли Канта, не абстрагируется от «всякого содержания познания», более того, она должна «исследовать происхождение наших знаний о предметах, если только (характерная для Канта оговорка!) оно не может быть приписано предметам». Речь, следовательно, идет об исследовании форм мышления, применяемых для анализа чувственных данных; эти формы содержательны, но содержание их не выведено из внешнего мира, а внутренне присуще человеческому рассудку. Мы не будем воспроизводить здесь таблицу «чистых рассудочных понятий», или, как Кант называет их по примеру Аристотеля, категорий, отметим лишь, что среди них мы встречаемся с такими, как количество и качество,

причина и действие, необходимость и случайность, которые займут важнейшее место в гегелевской системе категорий диалектики.

По мысли Гегеля, система категорий, построенная по принципу субординации, соподчинения понятий, есть форма истины. Простой механический набор понятий не передает всей сложности реальных отношений, их взаимообусловленности и взаимопереходов. Задача философии — обнаружить эту реально существующую систему отношений, лежащую в основе как бытия, так и тождественного с ним сознания.

Система категорий дает возможность понять не только мир как целое, но и каждое его наиболее общее отношение, выражаемое той или иной категорией. Поскольку категории выражают связи предельной общности, они не могут быть определены через род и видовое отличие. Их можно осмыслить только в сопоставлении друг с другом, то есть в определенной системе, каждое звено которой связано с предыдущим и последующим. Подобная система позволяет охватить единым взором и всю действительность, и отдельное ее существенное отношение.

Здесь уместна следующая аналогия. Представим себе картину великого художника, разрезанную на куски. Каждый ее фрагмент, взятый в отдельности, говорит о мастерстве автора и заставляет подозревать грандиозность целого, но полностью все это можно почувствовать в том случае, если все разрозненные части картины будут сложены в определенном порядке. Только тогда мы поймем в полной мере и весь шедевр, и каждую его деталь.

Конечно, Гегель был далек от мысли, что система философских категорий может передать все богатство реальной действительности, эта система отражает лишь самые основные, самые общие связи развивающейся действительности. Философия изучает не мир в целом, а мир как целое.

Анатоль Франс однажды остроумно заметил, что философская теория мироздания столь похожа на мироздание, как глобус, на котором нанесены одни только долготы и широты, был бы похож на Землю. Франс хотел высмеять идею философской системы, но между тем он правильно схватил ее суть: она дает человеку ориентиры столь же реальные, как параллели и меридианы, которые, хотя и не проведены на Земле, тем не менее являются не просто выдумкой и помогают человеку осваивать мир.

Гегель не только высказал общую идею о субординации категорий, но он правильно указал на общий ее принцип —

движение мысли от абстрактного к конкретному, то есть от одностороннего к многостороннему, от пустоты к полноте содержания. Тем самым изложение приобрело строгую последовательность. Гегель иронизировал по поводу учебников логики, в которых можно произвольно переставлять разделы. Переход в них осуществляется часто словесно; пишут: «Вторая глава. Теперь мы переходим к суждениям». В диалектической логике последующее должно с необходимостью вытекать из предыдущего. «Понятие ведет само себя дальше».

Ошибка Гегеля состояла в том, что движение мысли от абстрактного к конкретному он принял за реальный путь рождения и развития предметов реальной действительности. Логическое и историческое у него полностью совпадают. К тому же примат принадлежит логике: история есть лишь предметное воплощение логического саморазвития идеи.

Необходимые коррективы внес Маркс. Он показал, что диалектическая логика есть обобщенное отражение истории познания предмета. Движение от абстрактного к конкретному совпадает не с историей предмета, а с историей его теоретического освоения, взятого, разумеется, в предельно обобщенном виде. Научное знание начинает свое развитие с выработки наиболее общих, «тощих» абстракций, которые в дальнейшем все более наполняются конкретным содержанием.

Вместе с тем Маркс был убежден в плодотворности, более того, в единственной правильности метода восхождения от абстрактного к конкретному для теоретического познания развивающегося целого. Этот метод он применил при создании «Капитала» — произведения, посвященного анализу развития экономики капиталистического общества как единого целого. Отсюда нам станет понятным категорическое утверждение В. И. Ленина: «Нельзя вполне понять «Капитала» Маркса и особенно его 1 главы, не проштудировав и не поняв всей Логики Гегеля» [13]. Сам Ленин старательнейшим образом «штудировал» Гегеля. Основное содержание ленинских «Философских тетрадей», откуда мы заимствовали цитату, образует конспект «Науки логики» Гегеля, составленный им в конце 1914 года. Причем это не просто выписки. Ленин комментирует Гегеля, переосмысливая идеи великого диалектика в духе материализма, отвергая и высмеивая искусственные идеалистические напластования. Вот характерный отрывок:«...Нет» (курсив Гегеля) «ничего ни на небе, ни / в природе, ни в духе, ни где бы то ни было, что не/ NB содержало бы вместе и непосредственности и опос/ редствования»...

1) Небо — природа — дух. Небо долой: материализм.

2) Все vermittelt-опосредствовано, связано в едино, связано

переходами. Долой небо — закономерная связь всего (процесса) мира. 62) «Логика есть чистая наука, т. е. чистое знание во всем объеме его развития» 1-ая строка ахинея.

2-ая гениальна. . . . . .

Чушь об абсолюте (68—69). Я вообще стараюсь читать Гегеля материалистически: Гегель есть поставленный на голову материализм (по Энгельсу) —т. е. я выкидываю большей частью боженьку, абсолют, чистую идею etc. (70—71). Начать философию с «Я» нельзя. Нет «объективного движения»[14].

Гегель начинает свою логику с понятия чистого бытия. Это самая пустая абстракция, совершенно лишенная определений и потому равная своей противоположности, то есть ничто. Речь, разумеется, идет не о том, что наличие предметов равно его отсутствию, утверждать подобное бессмысленно; Гегель рассматривает не определенное бытие того или иного предмета, а бытие вообще, мысль о котором настолько бессодержательна, что совпадает с мыслью о небытии. Бытие и ничто сливаются воедино. В своем тождестве они образуют третье понятие — становление. Становление — это уже первая конкретная, то есть наполненная содержанием, категория: все предметы находятся в процессе непрерывного изменения, перехода в другое состояние, то есть становления. Мир живет, он вечно пребывает в состоянии «абсолютного беспокойства становления» — созидания или разрушения. Покой — это смерть.

Уже в этих трех первых понятиях гегелевской логики видна характерная особенность ее построения — принцип троичности, или триады: тезис — антитезис — синтез. Выдвигается некоторое положение, затем происходит его отрицание и далее отрицание отрицания. Вся система Гегеля распадается на три части: логика, философия природы, философия духа. Логика состоит из трех разделов: учение о бытии, учение о сущности, учение о понятии. Каждый из этих разделов, в свою очередь, имеет трехчленную структуру. Эта структура носит сугубо искусственный характер, поэтому мы не всегда будем фиксировать на ней внимание читателя.

Гораздо важнее Другое: характер отрицания. Гегелевское отрицание означает Не уничтожение предмета, а его развитие. Уничтожить зерно можно различными способами: сжечь, сгноить, размолоть; диалектическое отрицание зерна осуществляется лишь одним путем: когда созданы условия для его прорастания и превращения в стебель. Для характеристики отрицания Гегель употребляет также термин «снятие», что означает упразднение и одновременно сохранение. В становлении бытие и ничто

находятся в снятом виде.

Результат становления — ставшее, Гегель называет его наличным бытием. Это уже бытие, присущее реальным предметам. Отличие одного предмета от другого зафиксировано в понятии качества. Качество есть определенность, тождественная с бытием; если исчезает данное качество, нечто становится другим. Подобное превращение происходит повсеместно. Выходя за пределы нечто, мы получаем другое, но это другое также является конечным, за его пределами лежит новое другое, и так без конца. Подобную бесконечность Гегель называет дурной бесконечностью. Здесь конечное и бесконечное не связаны друг с другом. Истинная бесконечность содержит в себе некую замкнутость, завершенность. Для этого нужно, чтобы исчезло отношение нечто к другому, осталось бы лишь отношение к себе. И Гегель конструирует еще один вариант бытия — для-себя-бытие — законченное и в то же время бесконечное бытие. Эта категория ему нужна для завершения анализа качества и перехода к новой категории — количеству.

Количество — это определенность, безразличная для бытия; количественные изменения не устраняют бытия предмета. Дом остается тем, что он есть, будет ли он больше или меньше, и красное остается красным, будет ли оно темнее или светлее. Но только до известного предела, за которым наступает качественное изменение. Для примера Гегель приводит древний софизм «лысый». Если выдернуть один волос из головы, станет ли человек лысым? Разумеется, нет. Но если продолжать выдергивать из головы по волосу, то рано или поздно наступит момент, когда появится лысина. Изменение чисто количественное переходит в качественное.

Единство количества и качества есть мера. Этой категорией обозначены количественные границы, в пределах которых предмет остается самим собой. Нарушение меры приводит к появлению нового качества, которое возникает путем перерыва постепенности, скачкообразно. Всякое рождение и всякая смерть представляют собой скачок из количественного изменения в качественное. Гегель решительно отвергает представления о том, что возникающее качество еще до своего возникновения уже наличествует и лишь вследствие своей малости не может быть воспринято. Этот взгляд, всюду усматривающий лишь постепенность, «имеет скуку, свойственную тавтологии». Подлинное развитие идет лишь через появление новых качеств; это всеобщий принцип. И «в моральной области, поскольку моральное рассматривается в сфере бытия, имеет место такой же переход количественного в качественное; различные качества

оказываются основанными на разности величин. Достаточно какого-то «больше» и «меньше», и мера легкомыслия оказывается превзойденной, и получается нечто совсем иное, а именно — преступление, посредством чего право переходит в несправедливость, добродетель в порок».

Цепь скачкообразных качественных изменений образует «узловую линию отношений меры». Таковы, например, изменения агрегатных состояний вещества — превращение твердого тела в жидкость и далее при повышении температуры — в газ. Вместе с тем все эти изменения происходят с одним и тем же веществом, химический состав которого не меняется. Так встает вопрос о носителе изменений, о некоем субстрате, лежащем в основе преходящего бытия. Бытие переходит и сущность.

Учение о сущности — главная часть гегелевской логики. Бытие образует внешний слой действительности, ее поверхность, то, что непосредственно дано в восприятии; на уровне бытия мир дискретен, то есть состоит из хотя и связанных между собой, но все же отдельных предметов. Сущность — это внутренний мир, глубинные связи, лежащие в основе бытия. В разделе бытия понятия переходят друг в друга, здесь они слиты друг с другом и лишь «светятся», рефлектированы, то есть отражены в другом. Там нечто становится другим, здесь нечто есть другое.

Сущность Гегель рассматривает трояким образом: 1) как отраженную в себе самой, 2) как проецированную на бытие, то есть как явление, 3) как единство первого и второго, то есть как действительность. Мысль, пытающаяся непосредственно прорваться к сущности, наталкивается сначала на видимость (кажимость). Бытие предстает как иллюзия. Карандаш, опущенный в воду, кажется сломанным; мы видим, как Солнце движется по небосводу. На самом деле это не так; преломление света в воде и наша позиция по отношению к Солнцу являются причиной того, что первое впечатление об этих явлениях ошибочное. Наличие видимости — почва, на которой вырастает скептицизм. С точки зрения скептика человек имеет дело только с видимостью; вещи сами по себе, их сущность познанию недоступны. Другая крайность — отрицание реального характера видимости, рассмотрение ее в качестве фантома, мнимой величины. На самом деле видимость столь же реальна, как и сущность, хотя и включает в себя «момент неимения наличного бытия». Видимость нас обманывает, по обманщик не выдуман нами.

Дальнейшее движение мысли Гегеля связано с игрой слов: видимость по-немецки «Schein», это же слово означает «свечение». Свет, ушедший в себя, свечение внутрь — рефлексия. Анализ

рефлектирующей сущности Гегель начинает с понятия тождества. Абстрактному тождеству он противопоставляет тождество конкретное, включающее в себя момент различия. В реальной действительности ни один предмет не совпадает с другим и даже с самим собой. Нельзя дважды войти в одну и ту же реку, говорил еще Гераклит.

Различие, доведенное до предела, есть противоположность. Белое и серое различны, белое и черное противоположны. Единство противоположностей образует противоречие. Противоречие — центральная категория и логики, и вообще всей философии Гегеля. Противоречие, говорил он, движет миром. Все, что развивается противоречиво. «Нечто жизненно, лишь поскольку оно содержит в себе противоречие, и притом есть именно та сила, которая в состоянии вмещать в себе и выдерживать это противоречие. Если же нечто существующее... не способно иметь в самом себе противоречие, то это нечто не есть живое единство, не есть основание и в противоречии идет к гибели». В ленинских выписках это место на полях отмечено двойной чертой.

В противоречии вещи либо гибнут, либо «уходят в основание». И то и другое по-немецки звучит одинаково: «zu Grunde gehen». Игра слов и здесь служит Гегелю «формулой перехода» к следующей проблеме.

В главе, посвященной основанию, наше внимание в первую очередь привлекает анализ категорий формы и содержания. Надо сказать, что в «Науке логики» этой проблеме отведено сравнительно немного места. Развернутое ее рассмотрение содержится в соответствующем разделе «Малой логики» (так называют иногда первую часть «Энциклопедии философских наук»). Гегель отмечает неразрывную связь содержания и формы: нет бесформенного содержания, как не существует бессодержательной формы. Вместе с тем форма имеет двойственное отношение к содержанию. Внешняя форма равнодушна к содержанию; для содержания книги, например, безразлично, написана ли она от руки или напечатана, переплетена в картон или в сафьян. Но есть другая форма, неразрывно слитая с содержанием и в этом смысле тождественная ему. «Для художника служит плохим оправданием, если говорят, что по своему содержанию его произведения хороши (или даже превосходны), но им недостает надлежащей формы. Только те произведения искусства, в которых содержание и форма тождественны, представляют собой истинные произведения искусства. Можно сказать об «Илиаде», что ее содержанием является Троянская война или, еще определеннее, гнев Ахилла;

это дает нам все и одновременно еще очень мало, ибо то, что делает «Илиаду» «Илиадой» есть та поэтическая форма, в которой выражено содержание».

Заключительная часть главы об основании — условие. Движение гегелевской мысли становится здесь столь запутанным, что Ленин вносит в свой конспект: «...много мистицизма и пустой педантизм у Гегеля в этих выводах, но гениальна основная идея: всемирной, всесторонней, живой связи всего со всем и отражения этой связи... в понятиях человека, которые должны быть также обтесаны, обломаны, гибки, подвижны, релятивны, взаимосвязаны, едины в противоположностях, дабы обнять мир» [15].

Далее гегелевское изложение вновь обретает простоту и ясность. Если, пишет он, налицо все условия некоторой вещи, она вступает в существование. Последнее отличается от бытия своей опосредованностью. Существование — это бытие, которое обрело основание. Как бы поясняя эти дефиниции в одном из своих нюрнбергских писем в дни денежных трудностей, Гегель писал: «Я еще есмь, но больше не существую».

В категории существования мысль, погрузившаяся было в результате рефлексии в глубины реальности, в ее сущность, теперь снова вырывается на поверхность. Сущность в своем существовании есть явление. Это значит, что сущность не может быть в «чистом виде», сама по себе, она наличествует только в явлениях объективного мира. Но последние, в свою очередь, не существуют сами по себе, они всегда служат выражением определенной сущности. Сущность является, а явление существенно. Сущность глубже, но явление богаче. Сущность человека, например, составляет совокупность общественных отношений (мысль, разумеется, не Гегеля, ее выскажет Маркс). Но ни один человек не есть просто одна эта «совокупность», человек гораздо многообразнее и богаче своей сущности.

Повторяющееся, тождественное в явлениях образует закон. Как и сущность, закон не потусторонен явлению, но непосредственно ему присущ. Царство законов есть спокойное отображение являющегося мира. «Это замечательно материалистическое и замечательно меткое... определение, — пишет Ленин. — Закон берет спокойное — и потому закон, всякий закон, узок, неполон, приблизителен» [16].

Единство сущности и явления составляет действительность. От непосредственного существования действительность отличается следующими двумя признаками, которые делают ее более конкретной, более содержательной категорией; действительность включает в себя 1) возможность, 2)

необходимость.

Действительность — это не только осуществленная возможность, но и реальные возможности дальнейшего развития, которые открываются перед тем, что существует сегодня. Капиталистическая действительность, говорим мы, всегда содержит возможность войны. Реальную возможность следует отличать от возможности абстрактной. Если рассуждать абстрактно, пишет Гегель, то возможно, что сегодня вечером Луна упадет на Землю, ибо Луна есть тело, отдаленное от Земли, и может поэтому так же упасть вниз, как и камень, брошенный в воздух; возможно, что турецкий султан сделается папой, ибо он человек и может как таковой принять христианскую веру, сделаться католическим священником и т. д. Разбирая эти два гегелевских примера, мы должны, сказать, что вторая возможность реальнее первой. Строгой границы, отделяющей один вид возможности от другого, не существует. Любая абстрактная возможность при изменившихся условиях может стать возможностью реальной, то есть войти в действительность а затем и осуществиться.

То, что реально возможно, по Гегелю, необходимо. Следовательно, необходимость — компонент действительности. Действительно только то, что неотвратимо, вызвано существенными, закономерными факторами. Но, как и сущность, необходимость не предстает перед нами непосредственно, она всегда облечена в форму своей противоположности — случайности. Случайное есть нечто такое, что может быть, а может не быть, может быть таким, а также другим, чье бытие или небытие имеет основание не в нем самом, а в другом. Задачи науки и в особенности философии состоят в том, чтобы познать необходимость, скрытую под видимостью случайности.

Учение о сущности завершается анализом причинности. Причина порождает равное себе действие. В этом смысле причинное отношение тавтологично и непосредственно. Гегель против отыскания отдаленных причин. Если человек попал в обстоятельства, при которых развился его талант, вследствие того, что он потерял своего отца, убитого в сражении, то роковой выстрел не есть причина мастерства этого человека. Это лишь некоторый отдельный момент в обстоятельствах, сделавших возможным результат. По Гегелю, причина не представляет собой всей совокупности факторов, определивших возникновение данного явления; причина лишь то, что ему предшествует и генетически с ним связано. Причинная связь — лишь момент универсальной зависимости явлений, искусственно выделенный и неполно ее выражающий.

Отношение причинности расширяется, если переходят к понятию взаимодействия, в действии видят не просто пассивный результат, но активное начало, влияющее, в свою очередь, на причину. Взаимодействуя, причина и действие как бы постоянно меняются местами.

Но и взаимодействие не исчерпывает всех определяющих факторов. Гегель пояснял свою мысль следующим примером из древней истории: «Если мы будем считать нравы спартанского народа действием его общественного строя и, наоборот, общественный строй действием нравов, то мы будем, может быть, иметь правильный взгляд на историю этого народа, но это понимание не даст все же никакого окончательного удовлетворения, потому что мы с помощью такого объяснения не поймем ни общественного строя, ни нравов этого народа. Понять это можно будет только тогда, когда мы постигнем, что обе стороны отношения, как и все прочие особые стороны, которые вошли в жизнь и в историю спартанского народа, вытекали из того понятия, которое лежало в основе их всех». В основе взаимодействия для идеалиста Гегеля лежит «понятие» как духовная основа, определяющая течение любого процесса. Так совершается переход к третьему разделу «Науки логики» — учению о понятии.

Две первые части своего труда (учение о бытии и учение о сущности) Гегель называет объективной логикой, третью — субъективной логикой. Но это противопоставление условно: объект и субъект, для Гегеля, тождественны, Поэтому и объективная и субъективная логики являются в равной мере логикой и самих вещей, и познающего их мышления.

В своей объективной логике Гегель почти не имел предшественников, но субъективная логика начинается с рассмотрения вопросов, которые составляют традиционное содержание учебников формальной логики: понятие, суждение, умозаключение. Свою задачу Гегель здесь видит в том, чтобы накопленный веками, но окостеневший материал «привести в текучее состояние», снова «разжечь в нем огонь жизни». Он стремится установить познавательную ценность различного типа суждений, построить классификацию в соответствии с реальным развитием познания, увидеть в фигурах силлогизма обычные отношения вещей. Но в целом гегелевская критика формальной логики малоубедительна; его собственные построения искусственны и туманны. Именно эти страницы «Науки логики» Ленин назвал лучшим средством для получения головной боли.

Гегелевская логика завершается анализом идеи (истины). Об истине Гегель всегда говорил проникновенно, но особого пафоса

он достигает в «Малой логике». «Истина есть великое слово и еще более великий предмет. Если дух и душа человека еще здоровы, то у него при звуках этого слова должна выше вздыматься грудь». Философ безжалостно бичевал все виды отречения от истины или пренебрежения ею. Как могу я, жалкий червь, познать истину, рассуждает иной скромник. Грош цена такому смирению! Еще хуже, когда оно возводится в триумф духа. Первоначально неверие в силы разума сопровождалось печалью и скорбью, но затем нравственное и религиозное легкомыслие, к которому присоединилось поверхностное теоретизирование, открыто и спокойно признало бессилие знания и даже возгордилось им. А так называемая критическая философия дала этому неведению возможность придерживаться своей позиции с чистой совестью, ибо она уверяет, будто ей удалось доказать, что мы ничего не можем знать относительно вечного и божественного. Ничего не может быть желаннее для поверхностных умов и характеров, как это учение о незнании, благодаря которому их собственная поверхностность и пустота оказались чем-то превосходным, конечной целью всех интеллектуальных усилий.

Однако не менее опасна и, пожалуй, сегодня чаще встречается противоположная критичность — самонадеянная вера в то, что истина уже достигнута. Люди воображают, что они обладают истиной в силу своего положения и чуть ли не от рождения. Усвоив набор плоских банальностей, они полагают, что проникли в тайны мировой мудрости. Здесь от познания истины удерживает не скромность, а самоуверенность.

Существует и другая форма важничанья по отношению к истине — пренебрежение человека, который во всем изверился и ко всему потерял интерес. Что есть истина? Когда-то в этот вопрос, издевательски обращенный к Иисусу Христу, римский проконсул Понтий Пилат вложил свое презрение к знанию и добру. Вопрос Пилата имел тот же смысл, что и слова царя Соломона: все суета.

Познанию истины мешает также робость. Ленивому уму легко приходит мысль о том, что не следует слишком серьезно относиться к философствованию. Такие люди думают, что если выйти за пределы обычного круга представлений, то это не приведет к добру: волны мысли будут бросать тебя из стороны в сторону и все равно выбросят на мель будничных интересов. Чтобы быть рутинным чиновником, не нужно ни большого ума, ни больших знаний. Иное дело — поставить перед собой великую цель и стремиться к ее осуществлению. Хочется верить, что в умах молодого поколения зародилось стремление к чему-то возвышенному, и оно не может удовлетвориться мякиной чисто

внешнего знания.

Истина есть совпадение понятия и объективности. Абстрактной истины нет, истина всегда конкретна. Частные науки показывают действительность лишь с какой-то одной стороны абстрактно, отвлекаясь от ее многообразия, поэтому они не содержат истины. Истина — предмет философии, где знание обретает свою многосторонность, конкретность. Причем это уже не конкретность чувственно воспринимаемого единичного предмета, а иная, логическая конкретность, которая достигается за счет того, что понятия берутся не обособленно друг от друга, а в их взаимных противоречивых связях и переходах, в системе. Мир представляет собой развивающееся органическое целое, истинное знание о нем — система категорий диалектики.

Но этого мало. Истина представляет собой не только соответствие понятия предмету, но и предмета своему понятию. Рассматривая предмет, мы должны определить, совпадает ли он со своим понятием, содержит ли он в себе истину или нет. Подобное глубокое понимание истины встречается отчасти и в обычном словоупотреблении: мы говорим, например, об истинном друге и понимаем под этим человека, поведение которого соответствует понятию дружбы. Неистинное в этом случае означает дурное, не соответствующее самому себе, противоречие между существованием предмета и его понятием. О дурном предмете мы можем иметь правильное представление, но содержание этого представления неистинно внутри себя. Философ обязан проводить различие между правильным и истинным. Истина предметна, ее нужно не только узнать, но и осуществить. «Чтобы узнать, что в вещах истинно, одного лишь внимания недостаточно — для этого необходима наша субъективная деятельность, преобразующая непосредственно существующее».

И еще. Истина прокладывает себе дорогу тогда, когда пришло ее время, не раньше. Ничто великое не совершается без страсти, но никакая страсть, никакой энтузиазм не вызовут к жизни то, что еще не созрело.

Истина как идея познания предстает в двух ипостасях: теоретической и практической. Последняя выше первой, ибо она обладает не только достоинством всеобщности, но и непосредственной действительности. Единство теорий и практики образует «абсолютную идею». Тем самым достигается вершина логического саморазвития духа. Страницы «Науки логики», посвященные абсолютной идее, как бы подводят итог, содержат общую характеристику диалектического метода.

Превознося диалектику, не умаляет ли Гегель значения

формальной логики? Отнюдь нет. Каждому свое. Формальное мышление имеет свою, и притом довольно обширную, сферу — это «всеобщий метод конечных наук». Более того, Гегель убежден, что и диалектическому мышлению не обойтись без твердых основ рассудочной логики, иначе диалектике грозит опасность превратиться в софистику, в игру словами. А формальная логика может с успехом решать свои задачи, не забираясь на диалектические высоты. Эта идея зафиксирована в словах Гегеля, взятых в качестве эпиграфа к данной главе.

ГЛАВА ШЕСТАЯ. ОТ ВЕЛИКОГО ДО СМЕШНОГО

Противоположности
тождественны
Гегель

1812 год. В то время как в тихом Нюрнберге набиралась и печаталась гегелевская «Логика», на востоке Европы бушевало пламя новой войны. 24 июня французы перешли русскую границу. Наполеон собрал под своими знаменами небывалую по численности разношерстную армию — 600 тысяч солдат — французов, немцев, поляков, итальянцев. В поход отправился и брат Гегеля Георг Людвиг, вюртембергский офицер. Философ следил за ходом кампании по газетам. Русские отступали. Пал Витебск. Пал Смоленск. Где-то перед Москвой разыгралось кровопролитное сражение: официальные реляции сообщали о победе, на днях ожидается капитуляция. Наполеон вступил в Москву, война была выиграна. Но она все еще шла. Происходило что-то непонятное: в аналогичных ситуациях европейские державы просили мира, русские же продолжали сражаться. И вдруг пришло известие, которому нельзя было верить: великая армия отходит, неся большие потери. То, что за этим последовало, оказалось катастрофой: армия растаяла, император бросил ее остатки и отбыл в Париж, набирать рекрутов. Покинув разбитые войска, он обронил знаменитую фразу: «От великого до смешного только один шаг». Георг Людвиг домой не вернулся.

Поражение Бонапарта всколыхнуло немецкую нацию. Пруссия и Австрия порвали с Францией. В трехдневной «битве народов» под Лейпцигом на сторону коалиции перешла саксонская армия. Французские войска быстро очищали завоеванные земли. Немецкий народ переживал патриотический подъем.

Гегель, однако, по-прежнему верен своим убеждениям и привязанностям. С горечью следит он за неудачами Наполеона. У всех на устах слово «освобождение», у Гегеля оно вызывает ироническую усмешку; «освободительные бестии» — других слов для немецких добровольцев и их союзников он не находит. Сын Нитхаммера, гимназист, пошел волонтером в армию — Гегель недоволен. Немецкие добровольцы, уверяет он, ведут себя неподобающим образом — пьянствуют, грабят. Неодобрительно отзывается Гегель и о русских солдатах, рассказывая о них всякие

небылицы [17], хотя с русскими ему не довелось вплотную столкнуться. Обокрал его австрийский солдат.

В апреле 1814 года Наполеон отрекся от престола. Реакцию Гегеля на это событие мы находим в письме к Нитхаммеру: «Великие дела свершились. Чудовищная драма — видеть, как гибнет небывалый гений. Самое трагическое, что только бывает. Вся масса посредственности своей абсолютной свинцовой тяжестью давит тупо и неумолимо, пока все высокое не окажется на одном уровне с той массой и ниже ее. И поворотный момент целого, причина могущества этой массы, почему она, как хор, остается последней на сцене, на поверхности, в том, что великая индивидуальность сама должна предоставить ей право на это и обречь себя на гибель». Гегель удручен, но не в отчаянии. Он даже гордится тем, что весь ход событий будто бы был предсказан в «Феноменологии духа», где речь идет о неизбежной замене абсолютной свободы, порожденной французской революцией, новой формой морального духа. Кроме того, философ находит утешение в житейских радостях. За цитатой из «Феноменологии» в письме следуют слова: «Из тех благодатных потоков, которые должны следовать за великими событиями, как ливень за грозой, уже для нас вкусно и весело течет коричневый ручеек из кофейника, поскольку мы теперь не обязаны тянуть суррогатное пойло и на референтные доходы можем приобретать настоящий яванский кофе. Пусть бог и добрые друзья подольше сохранят его за нами». В конце 1813 года Гегель получил прибавку — 300 флоринов: по совместительству он был назначен референтом по делам школ городского комиссариата в Нюрнберге. Отсюда и настоящий кофе взамен эрзаца. А впереди маячит профессорская должность в университете. И начатое в трагических тонах письмо заканчивается оптимистически: «Пусть Эрланген будет возможным выходом для меня из похмелья в больших и малых делах современности». Действительно, от великого до смешного один шаг.

Эрланген, Гейдельберг, Иена, Берлин. Названия этих университетских городов все время мелькают в переписке Гегеля. В течение нескольких лет он безуспешно добивается профессуры. Одно время он размышляет даже над предложением своего голландского ученика ван Герта занять преподавательское место в Амстердаме и читать лекции по-латыни. Затем у него рождается идея предложить себя в качестве профессора филологии: такая вакансия открылась в Эрлангене, однако Гегель не находит ни понимания, ни поддержки у баварских властей. Гегель уже известен как маститый ученый, но приглашению в университет мешает дурная слава косноязычного лектора, укрепившаяся за

ним со времени его работы в Иене. В 1816 году Иенскому университету как раз нужен философ, туда зовут Шеллинга, который, однако, отказывается от этого места. Гегель не сомневался, что так именно и случится: «Ему хорошо в Мюнхене: получает высокий оклад и почти ничего не делает». О Гегеле в Иене никто не вспоминает, и он знает почему. В письмах к друзьям он не устает подчеркивать, что теперь у него за плечами успешный опыт работы в гимназии, где приходится иметь непосредственный контакт с учащимися, что он давно уже не читает свои лекции по бумажке, а свободно и четко излагает материал.

В начале мая Гегель узнает, что в Иену на выгодных условиях переходит работать его соперник Фриз. Раз так, значит освобождается место в Гейдельберге. Но за него нужно бороться. Немедленно отправляет он письмо гейдельбергскому богослову Паулюсу, в котором почти дословно повторяет то, что перед этим писал в Иену Фроммaну: «В Иене после первых моих опытов в чтении лекций осталось в отношении меня предубеждение по поводу свободы и ясности изложения. И верно: тогда я еще был очень привязан к тексту записей, но восьмилетняя практика преподавания в гимназии способствовала, по меньшей мере, обретению свободы речи, для чего, наверное, нет условий лучше, чем здесь; для обретения ясности это столь же подходящее средство». В конце письма следуют приветы гейдельбержцам, которые знают Гегеля, в том числе и Фризу в ответ на поклон, переданный через общего знакомого.

(Это последний обмен любезностями; былые соперники становятся открытыми врагами. В 1811 году вышла «Система логики» Фриза. Гегель в своей «Науке логики» дал ей убийственную оценку: «Крайняя поверхностность лежащего в основе этой «Системы логики» представления или мнения самого по себе, а равно и его разработки избавляет меня от труда в какой бы то ни было мере считаться с этим лишенным всякого значения сочинением». Фриз ответил отрицательной рецензией на «Науку логики», также не поскупившись на резкие слова.)Ответ Паулюса приходит через месяц: Фриз, действительно, покинет Гейдельберг, но не раньше осени, решения факультета пока нет. Паулюс просил Гегеля прислать два письма: одно официальное — о том, что он прослышан о возникающей вакансии и заинтересован в ней, в другом — приватном — сообщить точные сведения о своих доходах.

Гегель поступил так, как от него требовалось. 13 июня он написал Паулюсу два письма. Одно, выдержанное в официальных тонах, было предназначено для ознакомления с ним лиц, от

которых зависела судьба профессорской вакансии в Гейдельберге. Другое доверительно сообщало о заработках Гегеля: директорский оклад — 1050 флоринов, референтство в городском комиссариате — 300, бесплатная квартира — 150, за работу в комиссии по проверке учителей — 60. Итого 1560 флоринов.

Теперь оставалось только ждать. Прошла вторая половина июня, неделя за неделей проходил июль. Вестей из Гейдельберга не было. В конце месяца Гегель принимал необычного гостя — берлинского историка барона фон Раумера. Проездом из Карлсбада он выполнял поручение министра внутренних дел Пруссии Шукмана. Дело касалось кафедры философии Берлинского университета, вакантной уже два года после кончины Фихте. В начале 1816 года сенат университета большинством голосов принял решение пригласить Гегеля на должность профессора теоретической философии. В докладе сената министру внутренних дел, в ведении которого находился университет, содержалась весьма лестная характеристика Гегеля, он был назван «великим философом, равного которому нет в Германии». Но у Гегеля в Берлине были и своп противники. Декан богословского факультета профессор де Ветте, друг Фриза, параллельно с решением сената направил Шукману свое письмо, в котором изображал Гегеля шеллингианцем (министр был последователем Канта и терпеть не мог новейшей натурфилософии), а главное — упирал на то, что манера преподавания Гегеля не отвечает возросшим требованиям высшей школы; говорит он неуверенно и непонятно. Да и ректор Берлинского университета Шлейермахер тоже противник гегелевской философии, не спешил с решением вопроса. Лишь в июле министр Шукман, лечившийся а Карлсбаде, поручил Раумеру посетить Гегеля и выяснить вопрос на месте. У Раумера сложилось о ректоре нюрнбергской гимназии благоприятное впечатление. «О его философии в целом я не имею права судить, — докладывал он Шукману, — точно так же и о том, как он читает лекции. Разговаривает же он свободно и понятно, поэтому я не могу поверить, что речь его с кафедры будет иной».

аумер попросил Гегеля представить записку о целях и методах университетского преподавания философии. Гегель понимал, что этот документ будет иметь определяющее значение при решении вопроса о приглашении его в Берлин. Из Гейдельберга по-прежнему ничего не было, и он незамедлительно принялся за составление записки.

Главная задача, писал Гегель, которую надлежит ныне решить философу, состоит в систематизации своей науки. Открыты новые пути для теоретического мышления, но последнее

по-прежнему не видит себя в качестве некоего целого. Подчас научность подменяется художественной фантазией или скепсисом, Гегель отвергает и то и другое. Он противник всякого оригинальничания; «новое не истинно, и истина не нова», — в этом он глубоко убежден. Главное — система, методический подход к материалу, охватывающий и упорядочивающий основные детали. Что касается практического значения философии, то оно состоит не в назидании и не в утешении, а в оправдании всего того, что наделено смыслом.

Записка понравилась министру. Не успел он ее обдумать, как ему было представлено новое послание, преследовавшее все ту же цель; ускорить вызов Гегеля в Берлин. На этот раз писал другой историк — Нибур. В начале августа он побывал в Нюрнберге и счел своим долгом навестить знаменитого философа. Поручений у пего не было, беседа носила личный и откровенный характер. Гегель жаловался, что работа в гимназии ему больше невмоготу, он примет любое первое предложение перейти в университет, каковое он, кстати, ждет не только из Берлина. Нибур советовал Шукману не медлить более.

На следующий день после того, как новый берлинский гость покинул Нюрнберг, 5 августа 1816 года, Гегель наконец получил долгожданное письмо из Гейдельберга. Проректор университета Дауб официально предлагал занять вакантное место ординарного профессора. «Если Вы примете наше предложение, Гейдельберг впервые с момента своего основания получит настоящего философа. Как Вы, наверно, знаете, сюда в свое время звали Спинозу, но он отказался приехать». Что касается материальной стороны дела, то оклад гейдельбергского профессора составляет 1300 флоринов деньгами и натурой — 6 мальтеров (1) ржи и 9 мальтеров полбы. Гегель тут же откликнулся. 6 августа почта увозила его ответ: он принимал предложение («из любви к академической деятельности»), но напоминал, что его оклад составляет 1560 флоринов; просил обеспечить хотя бы бесплатную квартиру; менаду прочим сообщал о готовящемсявызове его в Берлин.

Действительно, доклад Раумера, записка Гегеля, письмо Нибура возымели свое действие. В середине августа из прусского министерства внутренних дел исходит наконец депеша, подписанная министром. Шукман сообщал (1)Мальтер — старинная немецкая мера сыпучих тел и жидкостей. Размеры ее колебались от 1 1/2 до 12 1/2 гектолитра.

Гегелю, что ему стало известным желание философа запять вакантное место в Берлине. Учитывая научные заслуги Гегеля, министерство готово рассмотреть его кандидатуру. Но для

обоюдной пользы предварительно надлежит самому Гегелю решить один щепетильный вопрос. Не секрет, что философ в течение ряда лет был оторван от академической деятельности, а его прошлый опыт носил столь кратковременный характер, что у некоторых возникают сомнения относительно способности Гегеля донести до слушателей в живой и доступной форме свою науку. Послание Шукмана было рассчитано на то, чтобы удовлетворить и тех, кто добивался приглашения Гегеля в Берлин, и тех, кто этому противился.

При других обстоятельствах Гегель не стал бы чиниться и быстро сообщил бы о своих достижениях на педагогическом поприще. Теперь же, когда в кармане лежал вызов в Гейдельберг, он мог не спешить. Тем более что еще до получения министерской депеши из Берлина он получил второе письмо от Дауба. Правительство великого герцога Баденского, во владениях которого лежал Гейдельберг, одобрило кандидатуру Гегеля. Причем чиновник в столице Бадена Карлсруэ нашел даже средство уладить волновавшую Гегеля проблему жалованья: профессор может компенсировать разницу в окладе путем приобретения продуктов по льготным ценам. По расчету Дауба, для этого было достаточно 10 мальтеров ржи и 20 мальтеров полбы. В Бадене возникли серьезные опасения по поводу переговоров Гегеля с Берлином; видимо, поэтому при окончательном решении вопроса об окладе Гегеля без какой-либо дополнительнойпросьбы с его стороны ему положили в деньгах 1500 флоринов. А когда он потом напомнил университету о натуральной оплате, то незамедлительно получил обещанные 10 мальтеров ржи и 20 мальтеров полбы.

Отвечая в Берлин Шукману, Гегель сослался на договоренность, достигнутую с Гейднльбергом. Относительно затронутого в министерской депеше вопроса о его преподавательских способностях Гегель с преувеличенной вежливостью ц еле заметной иронией отмечал то глубокое впечатление, которое произвело на него предоставление ему права самому решить этот вопрос.

Итак, открылась наконец долгожданная перспектива. Гегель уже видел себя гейдельбергским профессором философии, но вдруг возникло новое препятствие. Не успел он подать прошение об отставке, как 25 августа правительство Баварии присвоило ему звание профессора «красноречия, поэзии, классической греческой и римской литературы» Эрлангенского университета. В Мюнхене наконец поняли, кого они теряют, и срочными мерами старались удержать Гегеля в Баварии. При этом вспомнили, что в свое время философготов был взяться за чтение филологических курсов. В

Эрланген была направлена директива немедленно прислать вызов Гегелю. Сенат нехотя подчинился. Эрлангенские профессора писали вежливо, но холодно. Столь же холоден был ответ Гегеля, благодарившего за честь, но сообщившего, что он связан уже словом с другим университетом.

В двадцатых числах октября Гегель покинул Нюрнберг. 28 октября он читал первую лекцию в Гейдельберге. На зимний семестр были объявлены два его курса: энциклопедия философскихнаук и история философии. Летом 1817 года Гегель читал логику и метафизику (6 раз в неделю с II до 12), антропологию и психологию (5 раз с 5 до 6) и впервые — эстетику (5 раз в неделю с 4 до 5). Поначалу его аудитория состояла из четырех человек, затем к нему на лекции являлись двадцать и тридцать слушателей. На курс логики летом 1817 года записалось семьдесят человек. (Всего в Гейдельберге в это время обучалось 382 студента, из них только 35 филологов и философов.)К Гегелю относились с почтением, хотя его сосредоточенность и необычная манера держаться были по-прежнему предметом студенческих шуток. Рассказывали, например, будто профессор Гегель однажды так задумался, что простоял на одном месте весь день и всю ночь. А другой раз он шел под дождем, погруженный в свои мысли, оставил в грязи башмак, но не заметил этого и продолжал идти в одном чулке.

У Гегеля появляются ученики, которыене просто усваивают лекционный материал, но начинают преподавать его философию. Таков Хинрихс; увлеченный «Феноменологией духа», он ведет семинар по этой книге. Таков Карове, повторяющий за учителем лекции по философии права.

Фридриху Вильгельму Карове тридцать лет. Он лиценциат права и приехал в Гейдельберг на два года специально заниматься философией. В августе 1818 года Карове становится доктором философии. Гегель пишет развернутый отзыв о достоинствах соискателя, отмечая его глубокий интерес к науке. Латинской диссертации Карове не написал, представив вместо нее опубликованное сочинение о студенческих организациях(Карове был одним из руководящих деятелей Буршеншафта, речь о котором впереди). Некоторым эта работа показалась недостаточно солидной. Гегель согласен, но указывает, что в книге Карове есть другая статья «Честь и поединок», в которой подвергаются критике взгляды Фриза. Для Гегеля больше ничего не нужно. «Я должен признаться, — пишет Гегель, — что, если бы господин профессор Фриз эти свои взгляды в качестве трактата представил факультету для получения докторского диплома, я проголосовал бы против.

Философский трактат господина Карове по этому вопросу, напротив, представляется мне вполне достаточным для присуждения ему степени; идеи и их развитие представляют собой произведение не просто образованного человека, но философа, добравшегося до спекулятивных основоположений».

Интересная фигура среди учеников Гегеля — Борис Икскюль богатый прибалтийский помещик, ротмистр русской, гвардии. После победы над Наполеоном молодой офицер, пресытившийся любовными похождениями, решил заняться своим образованием. Весной 1817 года он приехал в Гейдельберг и немедленно отправился к Гегелю. Ободренный радушным приемом, самоуверенный молодой человек пошел в книжный магазин и купил все вышедшие работы философа. В тот же вечер, устроившись удобно на диване, он стал их читать. Вскоре, однако, заметил, что смысл прочитанного до него не доходит. Чем больше он напрягался, тем меньше понимал. Неудача не обескуражила, гвардеец ходил на лекции Гегеля, но в конце концов вынужден был признаться, что не понимает собственных записей. Тогда он снова отправился к Гегелю, тот внимательно его выслушал и посоветовал приватным образом заниматься алгеброй, естествознанием, географией, латинским языком. Икскюль так и поступил: двадцати шести лет от роду засел он за школьные учебники, и, когда через полгода в третий раз ришел к профессору, тот, удовлетворенный знаниями и прилежанием ученика, дал ему уже более конкретные рекомендации по изучению философии.

Икскюль сопровождал Гегеля во время его прогулок. «Часто он говорил мне, что наше сверхумное время можно успокоить лишь методом, который дисциплинирует мысли и ведет к сути дела. Религия — это предчувствие философии, а философия — осознание религии, оба ищут, хотя и различными путями, одно и то же— бога. Нельзя доверять философии, если она аморальна или иррелигиозна. Он жаловался, что его не понимают, повторял, что логическое мышление есть нечто целое и каждый должен навести порядок в своей области, так как накоплено огромное количество материала, а логической обработки пока еще нет, что только мрак незрелости, упорство одностороннего рассудка, удручающая пустота мнимой благодати и тупой эгоизм привилегированного мракобесия сопротивляются наступающему дню». Впоследствии Икскюль сделал карьеру на русской дипломатической службе. Но где бы он ни находился — от Стокгольма до Каира, — его всегда сопровождала «Наука логики».

Из гейдельбергских знакомств достойно упоминания еще одно — Жан Поль Рихтер. Знаменитый романист приехал в

Гейдельберг в июле 1817 года и был восторженно встречен профессурой и студентами. Философский факультет присудил ему почетную степень доктора. Гегель в сопровождении филолога Крейцера посетил писателя и вручил ему пергаментный диплом. Жена Гегеля была знакома с Рихтером еще по Нюрнбергу, и теперь он был принят в доме профессора как желанный гость.

В Гейдельберге перед Гегелем открылось широкое поле не только академической, но и литературной деятельности. Редакция «Гейдельбергских литературных ежегодников »предложила ему вести философский раздел. В первых двух выпусках за 1817 год он опубликовал рецензию на третий том произведений Якоби, а в конце года поместил обстоятельный разбор дебатов в собрании сословных представителей королевства Вюртемберг.

Гегель давно покинул Швабию, но всегда интересовался политическими событиями на родной земле. Умело лавируя между Бонапартом и его противниками, Вюртемберг вышел из наполеоновских войн с территорией, увеличенной вдвое. В соответствии с духом времени король Вюртемберга в марте 1815 года созвал представителей сословий и передал им проект конституции, которая предусматривала создание однопалатного парламента. Это был шаг по пути буржуазного развития страны. В отличие от Бурбонов король Вюртемберга сделал необходимые выводы. Но тут случилось непредвиденное: представители сословий отклонили проект конституции и потребовали восстановления «доброго старого права», то есть феодальных порядков, существовавших в старом Бюртемберге до 1806 года, и распространения их на новые земли. Так возник спор о конституции, закончившийся лишь в 1819 году, уже после смерти короля Фридриха 1.

Гегель внимательно следил за перипетиями спора и после опубликования отчетов сословного собрания дал подробный разбор его деятельности. Он писал для широкого читательского круга, поэтому на этот раз позаботился о ясности изложения, его слог снова обрел простоту и эмоциональную окраску, давно исчезнувшую из его трудов.

Гегель критиковал позиции сословных представителей, стремившихся возродить ушедшие в прошлое феодальные отношения. Он сравнивал эту позицию с поведением помещика, в имении которого произошло наводнение, покрывшее песчаную почву плодородным илом, но который не желает хозяйничать на плодородной земле и старается вернуть свой старый песок. «О вюртембергских сословных представителях можно сказать то, что было сказано о французских эмигрантах, вернувшихся на родину:

они ничего не забыли и ничему не научились; кажется, что они проспали последние 25 лет, которые были, пожалуй, самыми богатыми во всей всемирной истории и самыми поучительными для нас, поскольку наш мир и наши представления принадлежат этой эпохе. Трудно себе представить более страшные жернова для размалывания ложных понятий о праве и предрассудков о государственном строе, чем суд, учиненный над ними последней четвертью века». Такие переломные эпохи, писал Гегель, встречаются чрезвычайно редко; и задача политика состоит в том, чтобы полностью освоить «ценный опыт страшного двадцатипятилетия».

Вюртембергские сословия страдают «политической невосприимчивостью», потому философ объясняет им принципы парламентаризма.

Вместе с тем он далек от идеализации буржуазной демократии. Здесь граждане уподобляются изолированным атомам, а собрания избирателей — бесформенным, хаотическим скоплениям; народ в целом растворяется в сборище отдельных людей. По Гегелю, возраст и имущественное положение не характеризует общественное лицо индивида, свое значение человек обретает лишь в силу служебного положения, сословной принадлежности и признанного обществом профессионального умения, что отмечается званием или титулом. Феодальный произвол должен уступить место разумному, организованному этатизму. Государство — носитель социальной общности. Эти идеи нам уже знакомы, они достигнут своей кульминации в «Философии права».

Рассмотрение конкретных исторических событий и их политического смысла приводят Гегеля к некоторым общетеоретическим выводам по поводу того, как надо подходить к анализу исторического процесса. «Еще недавно в пользовавшейся распространением психологической исторической концепции выдвигались на первый план так называемые тайные пружины, цели отдельных индивидуумов, анекдоты и субъективные влияния. Однако эта точка зрения потеряла теперь всякий кредит, и история в соответствии с ее назначением стремится изображать природу и развитие субстанциального целого».

Так у Гегеля возникает идея исторической необходимости, прокладывающей себе дорогу через массу противоборствующих случайностей. Уже после поражения Наполеона он убедился, что никакие военные победы не могут повернуть историю вспять. Торжество реакции бессильно остановить поступательное движение человечества. Об этом он писал еще из Нюрнберга

Нитхаммеру: «Мировой дух скомандовал времени вперед. Этой команде противятся, но целое движется неодолимо и неприметно для глаза как сомкнутая бронированная фаланга, как солнце — несмотря ни - на что. Бесчисленные легкие отряды бьются где-то на флангах, выступая кто «за», кто «против», большая часть их вообще не подозревает, в чем дело, и лишь получает по голове незримой дланью. И ничто не поможет им... Самая чудовищная реакция, которую мы только видели, реакция против Бонапарта, так ли уж много переменила она в самом существе, в добре и зле, особенно если пройти мимо ужимок и мизерных успехов муравьиных, клопиных и блошиных личностей. На все эти клопиные личности можно смотреть только как на Предмет шуток, сарказма и злорадства, для чего их и создал господь бог». Размышления над политическими событиями подготавливали почву для возникновения в будущем последовательной философско-исторической концепции. Пока она только в зародыше.

Основное произведение гейдельбергского периода — «Энциклопедия философских наук», увидавшая свет летом 1817 года. Эта работа впервые воплотила всю систему гегелевской философии. При жизни философа она была издана еще два раза, и, хотя позднейший текст коренным образом отличается от первоначального, основные идеи и структура остались неизменными; количество параграфов увеличилось незначительно, они лишь обросли подробнейшими комментариями.

Первая часть книги посвящена логике. Здесь изложены в сжатом виде идеи, подробно рассмотренные в «Науке логики» и уже известные нам. Вторая часть системы — философия природы, третья — философия духа.

Гегелевская философия природы оставляет двойственное впечатление: в ней в равной мере представлены и достижения опытного знания и плоды собственных раздумий, где гениальные догадки перемешаны с досужими вымыслами. Подчасодно трудно отделить от другого. Много лет спустя известный химики вольнодумец Оствальд острил по поводу подобного рода подхода к изучению природы. Как, спрашивалон, будут вести себя англичанин, француз и немец, если им предложат описать свойства верблюда. Англичанин отправится в Африку, застрелит животное, отдаст набить из него чучело, которое затем выставит в музее. Француз пойдет в Бутонский лес и, не обнаружив там верблюда, усомнится в его существовании. Немец же запрется в кабинете и будет конструировать свойства верблюда из глубины своего духа.

Когда читаешь некоторые страницы «Энциклопедии»,

невольно приходит на ум эта шутка. И дело не в отдельных промахах Гегеля, не в звучащих порой, как анекдот, высказываниях, а в принципе, в третировании опытного знания, в твердом убеждении, что философская спекуляция дает ключ к решению всех проблем. Теория безгрешна, если факты ей не соответствуют, тем хуже для фактов. В истории науки такого рода умозрительное истолкование природы получило наименование «натурфилософии».

Природа для Гегеля — инобытие идеи, «окаменевший дух». Поэтому нельзя ни обожествлять природу, ни ставить ее произведения выше человеческих свершений. В природе явственно видна система последовательных ступеней, высшая из которых — жизнь. Однако Гегель называет «неуклюжим» эволюционистский взгляд: естественные формы не знают развития. Равным образом он отвергает и телеологическое рассмотрение природы, при котором каждое ее творение оценивается с точки зрения полезности для человека.

Философия природы Гегеля состоит из трех частей: механики, физики и органики. Основными проблемами механики являются пространство и время. В основе этих категорий содержится противоречие — тождество прерывности и непрерывности. Исчезновение и воспроизведение пространства во времени и времени в пространстве есть движение, реальную форму которого представляет материя. Гегель справедливо не приемлет взгляда Ньютона, согласно которому пространство и время сами по себе пусты и лишь извне заполнены материей.

Глава, посвященная физике, начинается с рассмотрения природы света как простейшей материи. Здесь Гегель снова ополчается против Ньютона. Он уверяет, что учение о разложении света ошибочно: «Каждый знает, что цвет темнев света»; философ при этом ссылается на Гёте, по мнению которого белый свет нерасторжим, а цвета возникают от различных его комбинаций с темнотой. Свет абстрактен, и поэтому не связан непосредственно с теплотой. «Теплота не является свойством солнечного света как такового, а солнечный свет согревает, лишь соприкасаясь с землей, сам по себе он холоден, как это показывают высокие горы и подъемы на аэростатах».

От оптики Гегель переходит к небесной механике. К чести философа, надо отметить, что он отказался от тех произвольных утверждений, которые содержались в его габилитационной работе, где он пытался обнаружить закономерность в расстояниях планет от Солнца. Такая закономерность, говорит теперь он, еще не найдена. «То, что я писал по этому поводу в ранней диссертации, теперь меня не может удовлетворить».

Единственный случай, когда Гегель признает допущенную ошибку! (эта поправка есть только в первом издании «Энциклопедии»).

Следующая проблема — «элементы», точнее «стихии». Таковых, по мнению философа, четыре: воздух, огонь, вода, земля. В «стихиях» материя обретает индивидуальную структуру, и соответствующий раздел науки Гегель называет «индивидуальной физикой». Простейший способ различия тел — удельный вес. Поскольку Гегель не признает существования пустоты, он не соглашается и с объяснением удельного веса различной плотностью вещества. Он на стороне Канта, согласно которому дело не в количестве частиц, заполняющих тот или иной объем, а в их напряженности, в динамической силе. Атомистику Гегель отвергает.

Высшая ступень «индивидуализации» неорганического вещества — химическая реакция. В химии Гегелю принадлежат две замечательные догадки: он высказал предположение об электромагнитной природе химических реакций и предсказал периодическую систему элементов. Еще в «Науке логики» он писал: «Следовало бы поставить себе задачу познать показатели отношений ряда удельных тяжестей как некоторую систему, вытекающую из правила, которое специфизировало бы чисто арифметическую множественность в ряд гармонических узлов. Такое же требование должно было бы быть поставлено и познанию указанных выше рядов химического сродства».

Философ смотрит на природу как на систему, но ни за что не желает привести эту систему в движение. Великий диалектик закрывает глаза на самое убедительное подтверждение диалектики, отвергает естественное происхождение жизни. В первом издании «Энциклопедии» Гегель абсолютно категоричен в этом отношении, в последующих он идет на небольшие уступки: признает самозарождение «точечной и скоропреходящей жизненности». Животный организм характеризуется чувствительностью, раздражимостью, самовоспроизведением. Эти признаки реализуются в трех системах: нервной, кровообращения и питания. В составе крови Гегель отрицает существование красных телец: «Если вылить кровь в воду, она скатывается в шарики; но кровь сама по себе, живая кровь, не свертывается. Кровяные шарики появляются таким образом только при умирании крови, когда она соприкасается с атмосферой. Стало быть, их устойчивое существование есть фикция подобно атомистике». Организм живет в тесной связи с неорганической природой. Разрыв этой связи проявляется как чувство недостатка, как потребность. Деятельность организма есть постоянная борьба

за удовлетворение потребностей, в этой борьбе животное руководствуется чувством. Это предел, выход за который переносит в сферу духа.

Достигнув ступени духа, идея приступает к самопознанию. Философия духа включает в себя учение о субъективном, объективном и абсолютном духе. Нам эта терминология уже знакома по «Феноменологии духа». Речь идет об индивидуальном сознании, деятельности общества и формах общественного сознания.

Учение о субъективном духе распадается на антропологию, феноменологиюи психологию. Антропология изучает «душу», то есть ту часть духовной деятельности человека, которая непосредственно связана с его телесностью. Гегель говорит о природной детерминации психики и в качестве примера приводит расовые и национальные различия. Разумеется, он против расизма: человек разумен как таковой, в этом заключается возможность равноправия всех людей. Но своеобразие духовного облика народов — факт неоспоримый. Итальянцы непосредственны, их дух безудержно изливается в «телесность», отсюда отчаянная жестикуляция; частные интересы преобладают над общими, поэтому политическое право не смогло развиться до прочной разумной формы. У испанцев мы точно так же встречаем преобладание индивидуальности, однако последняя приобретает форму всеобщности, понятие о чести выступает в качестве определяющего принципа поведения. Итальянец живет под впечатлением момента, в сфере ощущений, испанец обладает твердыми представлениями и с фанатическим усердием придерживается буквы католического учения. Французы обнаруживают твердость рассудка, живость остроумия, тщеславие и стремление нравиться; благодаря этому они достигли высшей тонкости светского обращения. Как по отношению к отдельному человеку, так и по отношению к обществу, французы всегда во всех своих делах и поступках проявляют величайшую внимательность. Однако это уважение к чужому мнению нередко вырождается у них в стремление нравиться во что бы то ни стало, даже ценой истины. Англичан можно назвать народом интеллектуальной интуиции: они познают разумное в форме не столько всеобщего, сколько единичного; поэтому их поэты выше их философов. На первом плане у англичан — оригинальность личности, возникающая из мысли и воли; индивид старается опираться преимущественно на самого себя и только посредством собственного своеобразия устанавливать отношение к другим. Национальная гордость англичан покоится на сознании, что в их стране человек может полностью осуществить свою

неповторимость.

Наконец, немцы. Это глубокие, подчас неясные, но всегда систематические мыслители. Прежде чем действовать, немец должен определить принципы, именно поэтому он не может принять немедленное решение. Поступок совершается только па законных основаниях. Но так как основания можно найти решительно для всего, то в результате возникает пустой формализм, в котором произвольное содержание подменяет идею права. В течение столетий немцы довольствовались тем, что свои политические права сохраняли исключительно посредством протестов. Немцы всегда придерживаются мнения, что должность и титул создают человека, только так они определяют значительность личности и подобающуюей меру уважения. К своим соотечественникам мыслитель относился в достаточной степени критично.

Природную зависимость духовной деятельности человека Гегель прослеживает также на различиях возраста и пола, на механизме ощущений и аффектов, болезненных отклонениях психики. В истолковании всех этих явлений Гегель остается верен своим исходным идеалистическим принципам: душа для него «есть нечто всепроникающее, а не что-то существующее в отдельном индивиде. Ибо, как мы уже сказали раньше, она должна быть понимаема как истина, как идеальность всего материального».

Но душа только сон духа. Он просыпается в сознании, изучение которого составляет предмет феноменологии. В работе 1807 года, как мы уже знаем, Гегель предельно широко трактовал эту дисциплину, которой хотел начать свою философскую систему. Теперь он строго ограничил ее рамки и определил ей другое место. Феноменология рассматривает сознание как таковое, самосознание и разум. Сначала человек смотрит на себя как на нечто противостоящее объекту. На следующей ступени человек познает самого себя, приходя к этому через другое сознание, изучает свою личность через личность другого. На ступени разума человек раскрывает свое тождество с духовной субстанцией мира, «распредмечивает» объективный мир.

В психологии предметом изучения являются формы знания и деятельности человека, взятые в отрыве от содержания. Это восприятие, представление и мышление («теоретический дух»), чувства и воля («практический дух»). Содержанием они наполняютсяв сфере объективного и абсолютного духа — в праве и нравственности, в искусстве, религии, философии, о которых речь впереди.

Такова схема системы, уже окончательно сложившейся. В

последующие годы Гегель наполняет ее идеями и фактами, подробно разрабатывает различные ее разделы, но изменений в структуре она не претерпевает.

* * *

В конце 1817 года вновь встал вопрос о приглашении Гегеля в Берлинский университет. Прусское министерство внутренних дел разукрупнилось. Возникшее министерство по делам вероисповеданий, которое ведало вопросами религии, здравоохранения и просвещения, возглавил барон фон Альтенштейн, глубоко убежденный в государственном значении гегелевской философии. Едва заняв высокий пост, Альтенштейн написал личное письмо Гегелю. Безобиняков он предложил ему оклад в 2000 прусских талеров, что равнялось примерно 3500 флоринов, то есть больше чем в два раза превосходило жалованье философа в Гейдельберге. Письмо прибыло в начале января 1818 года. Две с половиной недели ушли на размышления. Берлин — центр немецкого Просвещения: здесь Академия наук, театры, музеи, библиотеки; здесь в столице одного из наиболее крупных немецких государств можно получить многочисленную и подготовленную аудиторию; здесь живет еще память о Фихте, и стать его преемником почетно. 24 января Гегель ответил согласием. Вместе с тем его интересовали некоторые детали. Как обстоит дело с дополнительной натуральной оплатой (рожь и полба)? Будет ли бесплатная квартира? Получит ли семья после его кончины пенсию? Гегель напоминал, что в Гейдельберге он недавно, только что обзавелся хозяйством, а в Берлине ему придется все устраивать заново, поэтому просил в качестве подъемных не только реально истраченную на переезд сумму, а нечто большее — 200 фридрихсдоров. И последняя просьба — освободить от пошлины ввоз имущества в Пруссию.

Ответ поступил из министерства. Официально сообщалось, что 12 марта король Пруссии подписал указ о назначении Гегеля ординарным профессором философии Берлинского университета. В качестве подъемных полагается — 1000 талеров, сумма меньшая, чем запросил профессор, но разница будет возмещена тем, что жалованье он станет получать с более раннего срока, чем приступит к работе. Пенсионная касса для вдов в Берлинском университете функционирует нормально. Пошлины, разумеется, не будет, нужно лишь своевременно дать сведения о количестве мест багажа. Бесплатные квартиры в Берлине преподавателям университета не предоставляются. Оклад профессора Гегеля

будет достаточно велик, чтобы он смог устроиться надлежащим образом. Если возникнут трудности, то министерство примет все меры для улучшения жизненных условий столь прославленного ученого. Относительно натуральной, оплаты в министерской депеше ничего не говорилось, но это молчание было достаточно красноречивым. Берлинский университет существовал лишь восемь лет, и здесь не знали средневековых нравов, державшихся еще в захолустье; Гегель больше не вспоминал ни о ржи, ни о полбе. Тем более что Альтенштейн посулил ему нечто большее — избрание в Прусскую академию наук. Гегеля спрашивали, когда он сможет приступить к чтению лекций. Он ответил: в конце октября. Тогда ему сообщили, что жалованье будет начисляться с 1 июля.

Сборы в дорогу заняли свыше трех недель. Багаж отправляли заблаговременно, по частям: в конце августа два сундука с постельными принадлежностями и домашней утварью, спустя неделю еще три места: два ящика книг и кофер с бельем. Оставшиеся вещи, казалось, войдут в один сундук, поэтому Гегель послал в министерство вероисповеданий реестр на шесть мест с просьбой выдать разрешение на их беспошлинный провоз. Однако непосредственно перед отъездом возникло еще одно, седьмое место; прошение о снятии с него пошлины отправили уже в пути из Франкфурта-на-Майне.

Ехали не спеша. На несколько дней задержались в Иене, воспользовавшись гостеприимством книготорговца Фроммана, старого друга, крестного отца внебрачного сына Гегеля — Людвига.

Повидались с Кнебелями; наблюдательный старик заметил у философа нечто новое, ему раньше незнакомое: чувство юмора. В былые времена, когда у Гегеля не хватало аргументов, он становился многословен, теперь же все чаще отшучивался.

Один день посвятили поездке в Веймар, чтобы нанести визит Гёте. Некогда дружественные отношения распались по недоразумению. Гёте неверно истолковал одно место из предисловия к «Феноменологии». (А может быть, ему стало известным письмо Гегеля Шеллингу от 23 февраля 1807 года, где о Гёте говорилось, что «из ненависти к абстрактным мыслям он придерживается чистой эмпирии, вместо того... чтобы перейти к понятию, которое только-только начинает проглядывать».) До начала 1813 года Гёте считал себя в ссоре с Гегелем. Затем недоразумение рассеялось. В Нюрнберге Гегель принимал участие в опытах физика Зебека, основывавшихся на гётевской теории цвета. При этом Гегель предложил термин для открытого Зебеком явления — «энтоптические цвета», которым потом широко

пользовался Гёте. После выхода в свет «Энциклопедии» профессор Буасре обратил внимание Гёте на те страницы, где автор солидаризировался с «Учением о цвете». Поэт немедленно послал Гегелю привет, а вскоре и небольшую записку с приложением своей новой естественнонаучной работы. Философ ответил обстоятельным, витиевато написанным письмом, в котором отмечал заслуги Гёте в изучении природы света и цвета. Теперь они были рады снова увидеть друг друга; огорчала и гостя и хозяина лишь кратковременность их встречи.

24 сентября у Фроммана отпраздновали четырехлетие младшего отпрыска — Иммануила. И только тогда двинулись дальше. Дорога из Иены в Берлин заняла четыре дня. Ночевали в Вейсенфельзе, Лейпциге, Виттенберге. 29 сентября наконец прибыли в столицу Пруссии. Нанятая квартира еще не была готова, и лишь через неделю семейство Гегеля водворилось в дом на углу Лейпцигерштрассе и Фридрихштрассе. Впоследствии Гегель перебрался ближе к университету — Ам Купферграбен, 4, где прожил до конца своих дней.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ. СОВА МИНЕРВЫ ВЫЛЕТАЕТ В СУМЕРКИ

На всякого мудреца довольно простоты.

В Пруссии философ акклиматизировался быстро, Столичные будни отличались от жизни в Гейдельберге. Расширился круг знакомств, да и знакомые стали рангом выше: министры, тайные советники, знаменитости из мира науки и искусства. После победы над Наполеоном монархия Гогенцоллернов претендовала на ведущее место в германском мире. Берлин жил интересами большой политики. Гегелю это импонировало.

Дома, правда, все обстояло по-прежнему. Как и раньше, велась хозяйственная книга, где учитывался каждый приобретенный и истраченный грош. Ежеквартально философ получал 500 талеров жалованья, к ним присоединялись студенческие взносы за лекции и гонорары. Жене раз в неделю на продукты вручалось 10 талеров. Квартиру, прислугу (за квартал — 7 талеров 12 грошей) и прочие расходы глава семьи оплачивал сам. В Гейдельберге профессорша Паулюс его пугала: в Берлине пьют вино наперстками. Гегель и здесь, в Пруссии, верен швабским привычкам: на вино уходит немало денег. Всегда профессор готов выпить чашку хорошего кофе. А вот кормят в его доме сытно, но просто, без деликатесов. (Когда после смерти Гегеля один из его учеников спросил, что было любимым блюдом покойного, вдова не поняла вопроса. Любимое блюдо? Такой категории в ее домашнем хозяйстве не существовало.) Значительное место в бюджете Гегеля занимают наряды жены, да и сам профессор не прочь принарядиться («борьба против моды — мальчишество», — говорит он на лекциях). В графе расходов — книги, театр, концерты, иногда ресторан. Гегель охотно ходит в гости и принимает их у себя.

Как рассказывают люди, близко знавшие философа, Гегель никогда не уклонялся от развлечений, наоборот, чем дальше, тем больше они становились его настоятельной необходимостью. Всегда готовый поболтать, он охотно выслушивал городские сплетни, живо обсуждал политические новости. Общество женщин было ему приятно; юность и красота становились предметом его внимания и даже шутливого поклонения. По временам ему нравились ординарнейшие люди, как будто его собственное глубокомыслие нуждалось в компенсации с помощью

чужой поверхностности и банальности; к подобного рода личностям он питал порой какую-то добродушную симпатию. Таким, как мы уже знаем, был Нитхаммер. В Берлине Гегель нашел себе нового, очень похожего на него друга. Иоганнес Шульце служил в министерстве вероисповеданий и ведал делами высшей школы. Он жил рядом с Гегелем, и они часто бывали вместе.

«Однако, —пишет Розенкранц, — следует обратить внимание не только на дружелюбную сторону поведение Гегеля в обществе, но и на его жесткую решимость, непреклонность, упрямство, его, как это принято называть в Берлине, деспотизм. Механизм берлинской жизни требует умения придерживаться твердой и последовательной линии, если не хочешь стать игрушкой в чужих руках и при самом большом даровании превратиться в ничтожество. Поэтому внешняя поверхность пестрой светской жизни, которую вел Гегель, доверительное общение с друзьями... все это имело серьезную, зачастую мрачную оборотную сторону. Столкновения происходили иногда даже с друзьями. По отношению к тому, кто ему полностью противоречил, он держался как гранит: только в минуты самого лучшего настроения его можно было уговорить встретиться с этим человеком. Он обладал великой силой гнева и ярости; если уж он ненавидел, то весь отдавался этому чувству. А когда начинал кого-то бранить, то становился просто ужасен».

Его гнев прежде всего обрушивался на идейных противников.

Приглашая Гегеля в Берлин, Альтенштейн преследовал вполне определенную политическую цель. Наступало тревожное время студенческих волнений, а министр считал занятия философией лучшим средством для успокоения умов. Революция, полагал Альтенштейн, возникает как следствие взрыва насильственно подавленной эволюции. Поэтому следует избегать чрезмерного насилия, мудро руководить делами, постепенно направляя их течение в нужную сторону. Неоценимую услугу при этом оказывает философия, приучая мыслить разумно и систематически. Из существующих философских доктрин наиболее приемлемым министру представлялось учение Гегеля.

Гегель знал, что от него хотят. Свою вступительную лекцию в Берлине он начал с прославления Пруссии как центра науки и культуры. Духовная жизнь, говорил он, составляет один из основных моментов этого государства. Вместе с тем именно здесь «получила свое начало та великая борьба, которую народ в единении с своим государем вел за свою независимость, за уничтожение чужой бездушной тирании и за духовную свободу». Философия нашла убежище в Германии и живет только в ней.

Былые бонапартистские симпатии Гегеля улетучились еще в Гейдельберге, общий патриотический подъем захватил и его.

Война 1814 года оставила противоречивое наследие: пробудив свободолюбивые надежды, показав необходимость активных действий, она вместе с тем довольно основательно спутала ориентиры. Революция, которая на глазах одного поколения выродилась в наполеоновскую диктатуру, симпатий уже не привлекала. Горячие головы были полны националистического угара. Но бурлило только студенчество. В этой среде возникла радикалистская организация — Буршеншафт. Она пришла на смену старым академическим землячествам, где студенты лишь пили во славу своих монархов. Она сразу приобрела политический характер, хотя какой-либо определенной программы не существовало. Это было движение не столько «за», сколько «против». Против французских мод, против английских товаров, против русского самодержавия, против собственного правительства. При этом одни мечтали о возрождении Германской империи, другие хотели видеть свою страну демократической республикой, Многие Считали, что в первую очередь надо покончить с евреями. Все без конца повторяли четыре са-краментальных прилагательных: frisch, frei, frohlich, fromm (свежий, свободный, веселый, благочестивый). Перестав носить французские галстуки, бурши были убеждены, что воскрешают древнегерманскую доблесть. Центр движения находился в Иене, где профессор Фриз с университетской кафедры туманно вещал о немецкой свободе. Веймарский герцог Карл Август покровительствовал либеральным начинаниям.

В октябре 1817 года исполнилось триста лет со времени начала Реформации в Германии. Официальные торжества состоялись в Виттенберге. В Вартбурге собрались студенты (человек пятьсот), решившие заодно отметить и четырехлетие битвы под Лейпцигом. В театральной обстановке, в Присутствии четырех иенских профессоров (в том числе Фриза), воодушевленные их речами студенты совещались о создании обще германского Буршеншафта. Во время торжественного обеда провозглашались тосты за свободу, за герцога Веймарского, за победителей при Лейпциге. Вечером профессора отбыли восвояси, а молодежь продолжала веселиться при свете факелов. В честь Лютера зажгли костер. Вдруг кому-то пришла в голову мысль предать огню ненавистные книги. Под рукой их не оказалось, поэтому под общий хохот был зачитан список из двадцати восьми названий (среди них был и сборник прусских полицейских инструкций, и кодекс Наполеона), а сожгли наспех сделанные макеты. Заодно в огонь бросили солдатскую косичку и

капральскую палку.

Вартбургский праздник повлек за собой ряд репрессивных мер. Фриза отстранили от должности. Студенты заволновались. Весь следующий год напряжение нагнеталось. Весной 1819 года произошло убийство Коцебу.

Уроженец Веймара, юрист по образованию, монархист по убеждениям, литератор по призванию Август Коцебу был человеком пестрой судьбы. Дипломат на русской службе, он получил от царя дворянский титул и поместье в Эстляндии, но также ссылку в Сибирь, где находился, правда, недолго. В Вене он подвизался в роли придворного драматурга, в Берлине его избрали членом Академии наук. После Тильзита снова очутился в Петербурге, где издавал антинаполеоновские журналы, в том числе «Немецко-русский народный листок». Быстро продвигаясь по службе, он достиг крупного поста в русском министерстве иностранных дел. В 1817 году Александр I послал его в Германию с поручением информировать о положении в стране. Перу Коцебу принадлежало двести одиннадцать пьес, пользовавшихся шумным успехом, и огромное множество прозаических произведений. Он высмеивал движение буршей, а те платили ему ненавистью, называли русским шпионом, грозили расправой. 23 марта руководитель Буршеншафта в Эрлангене Карл Занд проник в дом писателя и заколол его кинжалом. Студент-богослов бросился на Коцебу с криком «Предатель родины!». Совершив убийство, Занд опустился на колени и произнес: «Благодарю тебя, господи, за эту победу». Он нанес себе несколько кинжальных ударов, но они оказались не смертельными. Задержанного выходили врачи, а затем, уже по приговору суда, палач отрубил ему голову.

Во время следствия упорно искали сообщников, но их не оказалось. Тем не менее начались аресты. Фридрих Вильгельм III поспешил похоронить проект прусской конституции, над которым работал Вильгельм Гумбольдт. Повсюду были закрыты спортивные залы, где собиралась молодежь. Летом в Карлсбаде встретились немецкие государственные руководители. Здесь постановили усилить правительственный надзор за университетами, запретить тайные общества, установить цензуру для всех печатных изданий объемом меньше 20 авторских листов, создать комиссию по делам «демагогов».

Среди задержанных полицией и привлеченных к расследованию были и гегелевские ученики. Философ невольно оказался вовлеченным в гущу событий. Он не одобрял радикализма, но равным образом — полицейских репрессий. Он пытался умерить пыл буршей, но всегда оказывал посильную помощь жертвам преследований.

Сначала сообщим версию, как бы заимствованную из оперетки, но имевшую широкое хождение в Берлинском университете. Будто бы один из арестованных студентов был помещен в тюремную камеру, окно которой выходило на Шпрее и находилось почти на одном уровне с водой. Товарищи заключенного повадились навещать его по ночам, подъезжая к тюрьме на лодке. Однажды они взяли с собой и профессора Гегеля. Рискуя получить пулю часового, он не терял тем не менее присутствие духа. В целях конспирации разговор с арестованным шел на латинском языке. Гегель ограничился лишь одним вопросом: «Num me vides?» («Теперь ты видишь меня?»)

Поскольку до узника можно было почти дотянуться рукой, неуместность вопроса вызвала на обратном пути общий смех, который философ принял как должное.

Скорее всего ничего подобного не было. По-видимому, это одна из тех легенд, которыми студенты окружают и свои проделки, и своих профессоров. Но она интересна, как свидетельство доброжелательностии уважения. Здесь и вера в мужество учителя, и легкая насмешка над его неумением ориентироваться в обстановке.

В действительности Гегель был основательно напуган тем, что творилось вокруг него. «Мне, — писал в одном из писем, — скоро исполнится 50 лет, из них 30 я прожил в эти вечно неспокойные времена страхов и надежд, и я надеялся, что хотя бы теперь придет конец всем этим страхам и надеждам. Но теперь я вижу, что всему этому не будет конца, и в мрачные минуты мне кажется, что все идет хуже и хуже». В другом письме: «Я и боязливый человек, и люблю покой, и мне совсем не доставляет удовольствия наблюдать, как надвигается гроза, хотя и я уверен, что на меня упадет самое большее несколько капель из дождевой тучи».

Радикально настроенных студентов и преподавателей Гегель называл «свободолюбивым сбродом». Вместе с тем, преодолевая, с одной стороны, свои антипатии к «демагогам», а с другой — страх перед властями, он принимал живое участие в судьбе арестованных, хотя не столь романтическим образом, как приписывала ему молва.

В июле 1819 года был арестован студент Густав Асверус, сын одного из его иенских друзей, член Буршеншафта, националист и экстремист. Он восторгался поступком Занда, считая, что присутствие Коцебу в Германии свидетельствовало о слабости страны; к подобного рода деяниям не применим обычный масштаб; право, рожденное идеей могучей родины, стоит выше каких-либо прав. Пусть маловеры думают о последствиях.

Мировой дух прокладывает дорогу вперед великими делами. В голове Асверуса фразеология Буршеншафта перемешалась с гегелевской терминологией. Произвольно толкуя Гегеля, он считал его своим духовным наставником. «Гегель, — писал он другу, — открыл мне глаза на роль государства, и я знаю теперь, что нужно делать, к чему стремиться; я знаю, что от республики, избирательной системы, равенства имуществ и т. д. никакого проку.

Об этом мечтают многие, но я это выбросил из головы, не потому, что это слишком высокие вещи, а потому, что это пустые фантазии... Но я требую свободы человека и единства моей родины... Из чувства недостатка этого единства и я вывожу поступок Занда... Но будьте спокойны, я ничем другим заниматься не буду, кроме как усердно учиться, именно к этому меня зовет деяние Занда».

Отец Асверуса обратился за помощью к Гегелю. Времена были суровые, и вступаться за врагов короля значило ставить под угрозу самого себя. Но Гегель все же пошел на это. Он передал прошение старого Асверуса в министерство полиции, присовокупив к нему собственное письмо, содержавшее политическую характеристику арестованного студента и уверения в его невиновности. Один из близких знакомых Гегеля, юрист Краузе, взял на себя ведение дела. Студента держали в одиночной камере, не разрешали свиданий. Следствие тянулось два года; никаких преступлений Асверус не совершал, за убеждения судить было нельзя, поэтому обвинительный материал фабриковался следователями. Гегель и Краузе одавали прошения, ходили по инстанциям. В конце концов Гегелю удалось взять Асверуса на поруки под залог 500 талеров. Просидев в тюрьме без суда одиннадцать месяцев, в июне 1820 года Асверус оказался на свободе. Но дело на этом не кончилось. В декабре 1824 года состоялся наконец суд, приговоривший ни в чем не повинного юношу к шести годам тюрьмы. За «измену родине» и намерение совершить убийство. Якобы он угрожал смертью некоему Илькзену. О последнем было известно, что он сотрудничал с французами, на его совести было два казненных наполеоновскими солдатами патриота. Когда Илькзен появился в 1817 году в Иенском университете, бурши обещали с ним расправиться, и в конце концов власти удалили его из города. В бумагах Асверуса при обыске был найден экземпляр письма студента Римана к Илькзену с угрозами, которое ходило в Иене в списках. Асверус внес в письмо некоторые литературные исправления, для суда этого было достаточно, чтобы признать его виновным в намерении организовать покушение. Все было шито

белыми нитками, но потребовалось еще почти два года, чтобы приговор был отменен, а Асверус полностью оправдан.

Репрессии коснулись коллег Гегеля. Большинство преподавателей Берлинского университета находились под подозрением. Профессор де Ветте был уволен. Причиной увольнения послужило его письмо к матери Занда, в котором он называл убийцу чистым, благочестивым юношей и оправдывал его поступок. Сенат университета попытался вступиться за де Ветте, но получил от короля резкую отповедь. Студенты поднесли своему любимцу серебряный кубок с цитатой из евангелия: «Не бойтесь убивающих тело, души не могущих убить». При увольнении король распорядился выплатить де Ветте вперед трехмесячное жалованье, но профессор гордо отказался. Однако на его руках находилась семья, а средств к существованию не было. Берлинские коллеги де Ветте взяли на себя обязательство тайком от правительства отчислять уволенному небольшие суммы, пока он не устроится на работу. Шлейермахер дал 50 талеров, Гегель —25(в известную нам книгу доходов и расходов на всякий случай эту трату он не внес). Напомним читателю, что де Ветте был одним из тех, кто активно препятствовал приглашению Гегеля в Берлин.

По поводу увольнения де Ветте между Гегелем и Шлейермахером произошло резкое столкновение. Философ заявил, что правительство имеет право отстранить от работы преподавателя, если при этом сохраняет за ним жалованье. Богослов назвал это низостью. Философ ответил не менее резко. Придя домой и успокоившись, Шлейермахер написал записку с извинением. Он начал с того, что сообщил Гегелю адрес виноторговца, услугами которого тот хотел пользоваться, а затем поблагодарил философа за то, что последний не оставил без ответа его грубость и тем самым несколько уравновесил ситуацию. Гегель ответил на следующий день: «Благодарю Вас, дражайший господин коллега, прежде всего за сообщенный Вами вчера адрес винной торговли, а также за высказывания, которые, устраняя неприятный инцидент, одновременно опосредуют мой возбужденный ответ и увеличивают мое к вам уважение». Но отношения между Шлейермахером и Гегелем испортились окончательно. Первый, занимавший ключевые позиции в Академии наук, так и не допустил избрания второго в академики.

Круг репрессий сужался вокруг философа. Уволили с работы Фёрстера, близкого друга и ученика Гегеля, преподавателя военного училища. На студенческом празднике в Пихельсберге в мае 1819 года он поднял тост «не за здоровье Занда, а за то, чтобы зло исчезло без кинжальных ударов». На этом празднике

присутствовал и Гегель. Из университета изгнали Карове, репетитора его лекций. В прошлом Карове был руководителем умеренного крыла Буршеншафта.В 1819 году он издал брошюру об убийстве Коцебу, осуждающую с позиций гегелевской философии и преступникаи преступление. Брошюру извратили, и, хотя полицейское ведомство свидетельствовало о лояльности Карове, Альтенштейн не разрешил ему проходить в Берлине габилитацию. Карове перебрался в Бреслау, но там по требованию Франкфуртской следственной комиссии правительственный уполномоченный при университете учинил новое дознание. В результате путь к преподавательской деятельности для Карове был закрыт. Гонения, обрушившиеся на Карове, рассматривались как свидетельство того, что акции Гегеля в правительственных кругах упали.

Хеннинг, сменивший Карове в роли гегелевского помощника, был неожиданно арестован. Его продержали в тюрьме семь недель и выпустили, не предъявив никаких обвинений. Когда Гегель в августе 1820 года отправился в Дрезден, берлинская полиция проявила к этому живой интерес. Гегель был членом так называемого «Беззаконного общества» — светского клуба, где встречалась берлинская знать. Название, однако, шокировало верноподданнические уши, и Франкфуртская следственная комиссия решила проверить деятельность общества; ищейки успокоились лишь после того, как выяснилось, что членом клуба состоит шеф берлинской полиции фон Камптц.

Гегель все это время интенсивно работал над «Основами философии права». Книгабыла готова уже в 1819 году, но застряла в цензуре. Ее не запрещали, но и не разрешали. Понадобился год, чтобы пробиться через бюрократические рогатки. В свет новыйтруд Гегеля вышел лишь в октябре 1820года. Гегель облегченно вздохнул и послал экземпляры своей книги не только Альтенштейну, но и самому Герденбергу. В сопроводительном письме канцлеру Прусского королевства он уверял, что все его научные устремления направлены «на доказательство полного взаимосогласия философии с теми основоположениями, в которых испытывает необходимость вообще природа государства, наиболее же непосредственно на доказательство полного взаимопонимания философии со всем тем, что отчасти обрело, отчасти же столь счастливого обретет в дальнейшем под просвещенным правлением его величества короля и под мудрым руководством Вашего сиятельства Прусское государство, принадлежать каковому именно посему не может не быть поводом для особого удовлетворения».

Это письмо было написано осенью 1820 года. А летом того же

года друзья Гегеля стали свидетелями его поступка совершенно иного рода. Однажды философ велел принести бутылку шампанского и предложил выпить «в честь сегодняшнего дня». Присутствующие терялись в догадках; день казался самым заурядным: никто не родился, никто не умер, не получил повышения, ничего примечательного в этот день не случилось ни в Берлинском университете, ни вообще в Прусском королевстве. Тогда Гегель торжественно заявил: «Сегодня 14 июля. Этот бокал за взятие Бастилии». Философ, служивший прусской монархии, каждый год отмечал юбилей французской революции.

* * *

В предисловии к «Основам философии права» (датированном 25 июня 1820 года) Гегель отмечает, что непосредственным побуждением к изданию книги является потребность дать в руки слушателей пособие к лекциям. Вместе с тем он не ограничивает свою задачу созданием учебника, представляющего, главным образом, обобщение и систематизацию известного и общепризнанного содержания. Он хочет вызволить философию из позорного упадка, в котором она находится. Для этого необходимо руководствоваться научным методом, так чтобы все произведение в целом, как и разработка его частей имели своим основанием дух логики. Задача состоит в том, чтобы преодолеть ошибочный взгляд, согласно которому истинным в нравственных предметах и государственных делах является лишь то, что каждый извлекает из своего сердца, своей души, своего вдохновения.

Особое раздражение у Гегеля вызывают рассуждения на эту тему Фриза — вождя «поверхностности, которая называет себя философствованием». Гегель цитирует его речь на Вартбургском празднике и заявляет, что подобные взгляды ведут к разрушению не только нравственности а совести, правды и любви в отношениях между частными лицами, но общественного порядка и государственных законов. Поэтому следует считать счастьем для науки, что такого рода философствование пришло в соприкосновение с действительностью и дело дошло до «открытого разрыва». Зная судьбу Фриза и его окружения, мы можем понять, на что намекает Гегель.

Это место было встречено негодованием. Но в еще большей степени знаменитый афоризм, занимающий центральное место в предисловии: «Что разумно, то действительно, и что действительно, то разумно». У Гёте был заготовлен ответ: «Сущее

не делится на разум без остатка».

Гегель сам почувствовал шаткость своего афоризма и в заново написанном введении к «Энциклопедии философских наук», увидевшем свет в 1827 году, пояснил свою мысль. Он отмечал, что только бог один «истинно действителен», что существование представляет собой лишь часть действительности. В повседневной жизни называют действительностью всякую причуду, заблуждение, зло и т. д., но на самом деле случайное существование не заслуживает громкого названия действительности.

«Действительность по Гегелю, — писал Ф. Энгельс, — вовсе не представляет собой такого атрибута, который присущ данному общественному или политическому порядку при всех обстоятельствах и во все времена. Напротив. Римская республика была действительна, но действительна была и вытеснявшая ее Римская империя. Французская монархия стала в 1789 г. до такой степени недействительной, то есть до такой степени лишенной всякой необходимости, до такой степени неразумной, что ее должна была уничтожить великая революция, о которой Гегель всегда говорит с величайшим воодушевлением. Здесь, следовательно, монархия была недействительной, а революция действительной. И совершенно так же, по мере развития, все, бывшее прежде действительным, становится недействительным, утрачивает свою необходимость, свое право на существование, свою разумность. Место отмирающей действительности занимает новая, жизнеспособная действительность, занимает мирно, если старое достаточно рассудительно, чтобы умереть без сопротивления, — насильственно, если оно противится этой необходимости. Таким образом, это гегелевское положение благодаря самой гегелевской диалектике превращается в свою противоположность: все действительное в области человеческой истории становится со временем неразумным, оно, следовательно, неразумно уже по самой своей природе, заранее обременено неразумностью; а все, что есть в человеческих головах разумного, предназначено к тому, чтобы стать действительным, как бы ни противоречило оно существующей кажущейся действительности. Повсем правилам гегелевского метода мышления, тезис разумности всего действительного превращается в другой тезис: достойно гибели все то, что существует» [18].

Вместе с тем надо отметить, что в контексте предисловия к «Основам философии права» мысль Гегеля звучала в достаточной мере консервативно. Гегель призывал к тому, чтобы за видимостью преходящего увидеть непреходящую субстанцию.

Философия, которая обращает внимание на суетное и «лучше понимает, как устраивать жизнь», сама есть «праздная суета». Вступая во внешнее существование, разумное обретает бесконечное богатство форм. обводит свое ядро пестрой корой, а поверхностное сознание застревает в ней; лишьпонятие проникает сквозь эту кору, чтобы нащупать внутрений пульс и ощутить его биение также и во внешних образованиях. Бесконечный материал внешней оболочки и его регулирование не есть предмет философии; в этом отношении она может избавить себя от труда давать благие советы. Платон мог бы воздержаться от того, чтобы рекомендовать нянькам укачивать детей, а не держать их спокойно на руках. А Фихте не следовало тратить силы на совершенствование паспортной системы (он, оказывается, придумал помещать в паспорте подозрительных лиц не только их собственноручную подпись, но и портрет).

Следовательно, постичь то, что есть, — вот в чем задача философии, и как каждый из людей — сын своего времени, так и философия есть эпоха, охваченная в мыслях. Глупо думать, что философия может выйти за пределы современного ей мира, так же как наивно строить себе мир, каким он должен быть, этот мир может существовать лишь в мнении его создателя. К тому же философия всегда приходит для такого поучения слишком поздно. В качестве мысли о мире она появляется лишьтогда, когда мир закончил свое формирование. Когда философия начинает рисовать своей серой краской по серому, это означает, что некоторая форма жизни постарела, философия может ее не омолодить, а лишь понять. Сова Минервы вылетает только в сумерки.

Итак, наука о праве стремится к постижению государства как некой разумной субстанции: она не ставит себе целью указать, каким должно быть государство, ее задача — исследовать, каким образом государство, этот нравственный универсум, должно и может быть познано.

Философия права распадается на три части: абстрактное право, мораль, нравственность. Исходным пунктом права выступает свободная воля. Воплощение воли в вещах — сфера формального и абстрактного права, отношений собственности. По существу, речь идет об экономических общественных отношениях, зафиксированных в социальных институтах и юридических нормах. Буржуазное содержание их очевидно. Первая заповедь права, по Гегелю, — будь юридическим лицом и уважай других в качестве таковых. Вкладывая свою волю во внешний предмет, любой человек тем самым приобретает право на присвоение вещей. Исходным импульсом присвоения является потребность,

именно она и побуждает к обладанию вещами. А так как воля единичного человека реализует свои потребности в собственности, то последняя получает характер частной собственности. И хотя Гегель признает, что пользование стихийными (то есть природными) предметами не может по своему характеру быть частным, что история человечества знает наличие общей собственности, тем не менее частная собственность для него представляется единственно разумной.

Поистине сова Минервы блуждает в сумерках, и философ живописует «серым по серому», когда рассуждает о собственности, о договорных отношениях и нарушении права: он прочно остается в рамках буржуазной эпохи. Правда, сумерки эпохи еще не сгустились, возможности ее пока еще не исчерпаны, поэтому на серую апологетическую картину социальных институтов капитализма Гегель иногда кладет яркие мазки критических размышлений. Так, философ верно подметил тот факт, что всеобщая товарная форма распространяется и на духовные способности человека. Указывая на то, что собственность заключает в себе самой цель, он ясно видит, что первейшая задача капиталиста — накопление капитала. И, забегая вперед, отметим, что в третьем разделе «Основ философии права» Гегель нарисовал убийственную картину накопления на одном полюсе буржуазного общества излишеств и роскоши, а на другом — нищеты. И общего обоим полюсам «физического и нравственного вырождения».

Раздел абстрактного права завершается анализом правонарушения, то есть «преступления и наказания». Наказание — это не запугивание, оно играет иную роль, чем палка по отношению к собаке. В наказании осуществляется право преступника на отношение к нему как разумному и свободному существу.

Переход от абстрактного права к морали вполне логичен. Первый вид свободы, реализующийся в вещах, в собственности не адекватен своему понятию и должен быть снят. Воля личности должна проявиться не только в чем-то внешнем, но и в ее внутреннем мире. Внутренний мир личности есть мораль.

Моральная воля обнаруживается не в мыслях и намерениях, а в делах.

Гегель подчеркивает деятельный характер намерения: оно приобретает значение, лишь воплотившись в поступок. Мы должны не просто хотеть чего-то великого, но и уметь добиться его, в противном случае наше желание ничтожно. Лавры одного лишь хотения — сухие листья, которые никогда не зеленеют. Известно, что великие поступки в качестве одного из результатов

дают деятельному индивиду власть, честь или славу. И часто возникает суетное воззрение, что только этот внешний результат деятельности и является ее единственной целью. Таково воззрение лакеев по своей психологии, для которых не существует героев не потому, что последние не герои, а потому, что первые — лакеи. Человек имеет право делать свои потребности своими целями, при этом склонности и страсть, скажем, к почестям и славе сами по себе не есть что-то дурное. И мораль не должна существовать в борьбе с собственными склонностями человека, как полагает Кант.

Никакое доброе намерение не может служить оправданием дурного поступка, тем более правонарушения. Но Гегель, как мы знаем, не формалист: при крайней беде он разрешает пойти наперекор абстрактному праву. Если жизнь человека может быть спасена кражей куска хлеба, несправедливо рассматривать такой поступок как обыкновенное воровство, хотя этим и наносится ущерб собственности. Так возникает «право на неправовой поступок», «право требовать, чтобы нас не принесли в жертву праву». Границы этого «права» Гегель, разумеется, не фиксирует, они слишком зыбки. Для него лишь ясно одно: принцип «fiat justitia» («пусть творится правосудие») не должен иметь своим последствием «pereat mundus» («да погибнет при этом мир»).

Основное понятие морального сознания — добро, «абсолютная конечная цель мира». Творить добро, заботясь не только о своем благе, но и о благе других, велит нам долг. Выяснение роли долга — заслуга практической философии Канта; Гегель признает это, но видит себя вынужденным сказать о ней и свое критическое слово. Слабое место кантовского категорического императива, требующего поступать так, как должны поступать все, — «пустой формализм». Императив был бы хорош, «если бы мы уже обладали определенными принципами, указывающими, что нам делать». По этой же причине, считает Гегель, нельзя полагаться на одну только совесть, которая «есть глубочайшее внутреннее одиночество». Совесть, говорит Гегель, есть порождение современного мира, предшествующие эпохи имели перед собой лишь внешние регуляторы поведения — религию и право.

Когда воля как самосознание ставит себя выше всеобщего, делает своим принципом произвол в поступках, возникает зло. «Злая воля водит то, что противоположно всеобщности воли». Откуда берется зло? Человек по природе своей ни добр, ни зол. Но как только природное в человеке соотносится с волей как со свободой и знанием этой свободы, возникает возможность как для добра, так и для зла. Ребенок или малообразованный человек в

меньшей степени отвечает за свои поступки. Но полностью при этом ответственность не снимается. Паскаль справедливо напоминает о последней молитве распятого Христа: «Господи, прости им, ибо не ведают, что творят». Эта молитва была бы излишней, если бы неведение оправдывало бы поступок, и совершающие его, следовательно, не нуждались бы в прощении.

Но дело этим не ограничивается. Помимо неведения, есть еще куда более страшная причина зла—безосновательное убеждение в собственной правоте. Если человек видит добро в злом поступке другого, он лицемерит, если же он переносит это на свое поведение, то мы сталкиваемся с вершиной извращенности — субъективностью, выдающей себя за абсолют.

Не следует думать, что Гегель рассматривает лишь отрицательные возможности субъективной стороны морального сознания. Субъективность, подчеркивает он, должна уметь не только растворить внутри себя объективное содержание, но точно так же снова развить его из себя. А в эпохи, в которые действительность представляет собою пустое бездуховное и лишенное устоев существование, индивиду дозволено бежать от действительности в область внутренней духовной жизни.

Выше морали Гегель ставит нравственность. Для него это различные понятия. Мораль характеризует личную позицию индивида, в нравственности проявляются органические формы общности людей — семья, гражданское общество, государство. В этих социальных институтах дух обнаруживает себя как нечто объективное и как подлинная свобода. «Существует ли индивидуум, это безразлично для объективной нравственности, которая одна только и есть пребывающее и сила, управляющая жизнью индивидуумов». Нравственность — вечная справедливость, по сравнению с которой суетные предприятия индивидов являются лишь игрою волн.

Нравственность рассматривается Гегелем прежде всего в ее наличной, то есть современной философу форме. При этом поразительно, что он с легкостью отвлекается от всех тех аспектов, которые так или иначе выпадают из намеченной им схемы. Семья, например, интересует его исключительно в качестве института, в котором реализуется первоначальное единство людей. Любовь для Гегеля не уникальное переживание, а форма нравственной связи двух индивидов. Брак — прежде всего правовое состояние. «Брак отличается от сожительства тем, что в последнем имеет значение главным образом удовлетворение естественной потребности, между тем как в браке эта потребность оттесняется на задний план. Поэтому в браке говорят, не краснея, о таких естественных происшествиях,

упоминание о которых при внебрачных отношениях вызвало бы чувство стыда». Гегель не против развода, он признает возможность расторжения брака, но «законодательства должны в высшей степени затруднять осуществление этой возможности и охранять право нравственности против каприза».

Гегель придает большое значение брачной церемонии. В ней он видит не просто формальность, без которой можно было бы обойтись, так как главным является любовь. Эту идею отстаивал Ф. Шлегель в «Люцинде», но Гегель называет ее аргументацией соблазнителей. «Относительно связи между мужчиной и женщиной следует заметить, что девушка, отдаваясь чувственно, жертвует своей честью, с мужчиной же, имеющим, кроме семьи, еще и другое поле нравственной деятельности, дело обстоит не так. Предназначение девушки состоит существенно лишь в браке». Женщины могут быть образованны, но для высших наук, как философия, и для искусства они не созданы. Государство подвергается опасности, когда женщины находятся во главе правительства, ибо они действуют не согласно требованиям всеобщего, а руководствуясь случайными склонностями и мнениями.

Наиболее содержательный раздел философии права — «Гражданское общество». Этим термином Гегель обозначает социальный строй, покоящийся на личном экономическом интересе, где «каждый для себя — цель, все другие—суть для него ничто». Вместе с тем подобное общество Гегель рассматривает как продукт нового времени, то есть фактически речь идет об обществе буржуазном. Надо сказать, что и термин, которым он пользуется («burgerliche Gesellschaft») имеет двойной смысл: «бюргер» по-немецки и гражданин и буржуа.

В основе гражданского (буржуазного) общества лежит система потребностей. Животное ограничено в средствах самоудовлетворения; существуют насекомые, которые связаны только с одним растением, у животных круг деятельности шире, человек же универсален в своем жизненном поприще. Но человек находит вокруг себя очень мало непосредственно пригодного для себя материала. Лишь путем труда он создает средства для удовлетворения потребностей. Так возникает экономическая система, сходная с планетной тем, что глазу сначала видны лишь неправильные движения, а за ними скрываются определенные законы. Эти законы изучает политическая экономия.

Гегель исследует труд как социальное отношение. Он видит, что всеобщее содержание труда лежит не в единичных произведенных продуктах, а в орудиях труда и навыках. Он показывает, как разделение труда приводит к упрощению

операций, что открывает возможность для применения машин. В мануфактурном и машинном производстве скрыта одна из основных причин духовного оскудения и морального вырождения современного общества.

От взора мыслителя не укрывается и тот факт, что экономические отношения лежат в основе социальной дифференциации. Речь, правда, идет о сословном делении, но фактически Гегель приближается к осознанию существования в обществе классов. Неравенство людей установлено природой и усугублено гражданским (буржуазным) обществом, поднято до уровня различия в имуществе и культуре. «Требование равенства есть черта пустого рассудка». На страже собственности стоит суд.

Правосудие устраняет из жизни общества все случайное — чувства и мнения, их место занимает закон. Однако последний применим лишь к внешним проявлениям деятельности человека. Внутренний мир человека — вне сферы права. У китайцев, правда, существует закон, согласно которому муж должен любить свою первую жену больше других; если его изобличают в противном, то он подвергается телесному наказанию. В обществе с развитым правосознанием человека не могут судить за образ чувств или мыслей.

Право отражает состояние общества. Когда устои общества держатся прочно, оно снисходительно относится к правонарушениям. Если положение общества шатко, суровые наказания призваны укрепить его положение. Поэтому один и тот же уголовный кодекс не может годиться для всех времен.

Перед судом все равны. В том числе представители власти. В эпоху феодализма суд заискивал перед властью; в новейшее время государь в своих личных делах признает власть суда над собою, и в свободных государствах бывает, что он проигрывает процессы. Правосознание требует не только публичного оглашения законов, но и возможности знать как закон осуществляется. Судопроизводство должно быть публичным, только при этом граждане выносят убеждение, что, действительно, совершается правильный суд.

Большое место в жизни гражданского общества Гегель отводит полиции, явно переоценивая ее назначение: «Полицейский надзор и опека имеют целью доставлять индивиду имеющиеся налицо всеобщие возможности достижения индивидуальных целей. Полиция должна заботиться об уличном освещении, постройке и исправности мостов, установлении твердых цен на предметы повседневного потребления, так же как и о здоровье индивидов».

Философ видит, что рост промышленности и

народонаселения ведет не к сглаживанию, а к обострению социальных противоречий. При чрезмерном богатстве общество недостаточно богато, чтобы преодолеть чрезмерность бедности. Эта диалектика заставляет гражданское общество выйти за свои пределы. Внешне это выглядит как колонизация, а внутренне как установление корпоративного строя, где реализуется описанное выше полицейское попечение. Так нравственность достигает своей высшей ступени — государства.

Только в государстве осуществляется подлинная свобода. Еще в «Науке логики» Гегель определил свободу как познание и реализацию необходимости, продемонстрировав на этом примере тождество противоположностей. В социальном плане противоположность свободы — рабство; злые языки уверяли, что для Гегеля между ними нет разницы: тиранию деспотической прусской монархии он выдает за реализацию принципа свободы.

Славословя государство как таковое, Гегель вместе с тем допускает возможность существования «дурного» государства, как и больного тела у человека. Сопоставляя различные государственные формы, он высказывается за такую, которая сводит до минимума влияние личных качеств правителей на судьбы страны. Вопреки логике конституционную монархию он ставит выше демократической республики. Гегель не доверяет демократии; в частности, он опасается излишней свободы печати.

Гарантия прочности государственного строя—чиновничество. В отличие от аристократии чиновники не составляют изолированного слоя, они связаны с народом, воплощая в себе его лучшие качества, ум, образованность, правосознание. Эти иллюзии Гегеля высмеял Маркс: гегелевское описание бюрократии лишь частью соответствует действительности, частью же — тем представлениям, которые бюрократия имеет о себе. На самом деле «дух бюрократии есть всецело дух иезуитства, дух теологии. Бюрократы — иезуиты государства» [19].

Последняя проблема, на которой мы задержим внимание читателя, разбирая философию права, — отношение к войне. В Гегеле принято видеть ее безусловного апологета. Эта широко распространенная точка зрения аргументируется смачными выдержками из «Основ философии права». Здесь речь идет о «высоком назначении войны», благодаря которой «сохраняется нравственное здоровье народов» и т. д. Гегель, не называя ее, цитирует здесь свою, относящуюся к 1802 году работу «О научных способах исследования естественного права». «Основы философии права» вышли в 1820 году. Таким образом, как бы перебрасывается мостик от раннего периода творчества мыслителя к зрелости, и в том и другом случае Гегель предстает

перед нами как безусловный противник вечного мира и сторонник войны.

Вместе с тем мы помним, что в юношеском фрагменте «Первая программа системы немецкого идеализма» (1796) Гегель держался иных взглядов; в свою гуманистическую программу, воспроизводившую идеи Гердера, он включал требование «вечного мира». Переоценку ценностей мыслитель произвел на рубеже веков; война стала представляться ему проявлением борьбы противоположностей, то есть орудием прогресса. В «Феноменологии духа» также отстаивалась аналогичная мысль. Силой оружия на глазах философа разрушался старый режим, и Гегель не мог не приветствовать это поступательное движение истории. Ситуация несколько изменилась после поражения Наполеона. Разрушения по всей Европе, сотни тысяч убитых и искалеченных, и главное — несмотря на все это, реставрация старых, давно отживших порядков. Было над чем задуматься, и в поле зрения философа снова появляется идея всеобщего вечного мира. В первом издании «Энциклопедии философских наук» параграф 446 гласил: «Благодаря состоянию войны происходит взаимное признание свободных народов-индивидов, или же если предпочитают бесконечной чести, свободе и храбрости конечное осуществление особенного бытия, то получают желаемое — подчинение и исчезновение самостоятельности. В этом случае в силу договора наступает мир, который должен длиться вечно».

Идея вечного мира возвращается в философию Гегеля уже не как юношеская мечта о царстве истины и красоты, а как идея нормальных, правовых отношений между государствами. Это уже ориентация не на Гердера, а на Канта. Правовое государство, живущее в правовых отношениях с соседями, — вот идеал Гегеля в Гейдельберге. В Берлине этот взгляд подвергается критическому пересмотру. То обстоятельство, что Гегель включил в «Основы философии права» цитату из своего раннего произведения, говорит о сознательном возвращении к точке зрения, которую он еще недавно отвергал. Теперь ему снова война представляется не только неизбежным, но и благотворным социальным институтом. «Из войны народы не просто выходят укрепленными, но нации, внутри которых существуют непримиримые антагонизмы, обретают внутреннее спокойствие благодаря внешним войнам».

Разбирая кантонский проект достижения вечного мира путем договора, Гегель отвергает его на том основании, что это противоречит диалектической концепции развития: если известное число государств сольется в одну семью, то этот союз должен будет создать противоположность и породить врага. Возражение сугубо умозрительное, к тому же, по сути дела, оно

не связано с замыслом Канта, который намеревался объединить не группу государств, а все государства.

Другое возражение, выдвинутое в «Основах философии права» против попыток достигнуть вечный мир, состоит в том, что «нет претора над государствами; существуют лишь, в лучшем случае, третейские судьи и посредники между ними, да и те существуют лишь случайно», между тем кантовское представление о вечном мире, поддерживаемом союзом государств, предполагает наличие некой верховной власти, признаваемой каждым отдельным господством. Это соображение Гегеля носит более серьезный характер, но надо сказать, что Кант учитывал и его, выдвигая свой проект. Кант рассматривал союз государств как «негативный суррогат», считая, что наиболее решительная мера — «международное государство», составные части которого должны «отречься подобно отдельным людям от своей дикой (беззаконной) свободы», то есть не теряя в целом своего суверенитета, все же поступиться одним из своих прав, а именно правом войны, которое является выражением не независимости государства, а, наоборот, его постоянной зависимости от угрозы нападения. Итак, Гегель в «Основах философии права» не видит ни возможностей, ни даже необходимости для реализации идеи мира. Спор между государствами может быть решен лишь войной. Помыслы Гегеля направлены не на устранение войны, а на ее... гуманизацию, и это выглядит, пожалуй, еще более утопично, чем любой проект вечного мира. Война, говорит Гегель, ведется между государствами, а не между людьми, она не направлена против семейной и частной жизни.

«Новейшие войны ведутся поэтому человечно, и одно лицо не ненавидимо другим лицом. В худшем случае личная враждебность появляется у стоящих на передовых позициях, но в войске как войске вражда есть нечто неопределенное, отступающее на задний план перед долгом, который каждыйуважает в другом». Насколько все это далеко от жизни, говорить не приходится.

Надо, однако, заметить, что «Основы философии права» — это не последнее слово Гегеля по проблеме отношений между народами. Во втором, переработанном издании «Энциклопедии» (1827) параграфы 545—547 посвящены рассматриваемому вопросу. Здесь снова речь о мирных договорах, «долженствующих иметь вечное значение», вместо тезиса «Нет претора над государствами» здесь снова выдвинут другой, уже знакомый нам — международное право ограничивает действия одних народов против других, и это открывает возможность мира.

Как и вся философская система Гегеля, его концепция войны и мира пронизана противоречивыми тенденциями. Гуманистическая традиция Просвещения сталкивается с идеей социальных антагонизмов, борьбы противоположностей. Гегель меняет свои точки зрения; понимая важность проблемы всеобщего мира, поставленной его эпохой, он пытается совместить этот идеал с реальной ситуацией, сложившейся в международной политике.

* * *

Появление «Основ философии права» вызвало разноречивые отклики. Министр Альтеншьейн поздравлял автора: «Как мне кажется, вы придаете философии единственно правильную позицию по отношению к действительности, пытаясь в этом произведении и в своих лекциях с научной глубиной постичь современность и действительность и понять разумное в природе и истории; таким образом, вы наверняка сможете удержать своих слушателей от разлагающих веяний, которые отвергают существующее, даже не пытаясь его познать, и строят произвольные бессодержательные идеалы относительно государственного устройства».

В оппозиционных кругах открыто высказывали недовольство. Фриз, задетый за живое личным выпадом в предисловии к «Основам философии права», в печати ответить не пожелал. «Метафизический гриб Гегеля, — писал он в одном из писем, — вырос не в садах науки, а на навозе низкопоклонства. До 1813 года его метафизика восхищалась французами, затем она стала королевски вюртембергской, а теперь целует плеть господина фон Камптца. ...Научная серьезность не годится в качестве оружия против этого пророка сыщиков».

Публичный ответ в защиту Фриза Гегель получил от анонимного рецензента во «Всеобщей литературной газете», издававшейся в Галле: «Господина Фриза, как мы знаем, постигла тяжелая судьба, и поступок автора сродни издевательству над поверженным. Подобное поведение неблагородно, хотя в полной мере рецензент предпочитает его не характеризовать, предоставляя это думающему читателю».

Гегель был возмущен. Переписав то место в рецензии, которое ему показалось оскорбительным, он послал его в министерство вероисповеданий, присовокупив к нему требование оградить себя от клеветы; возмутительно, писал он, что прусский чиновник подвергается таким нападкам в газете, издающейся в

Прусском государстве, вот до чего доводит слишком большая свобода печати! Гегель хотел репрессивных мер в отношении газеты, по министерство на это не решилось. Альтенштейн ограничился лишь заверением, что он целиком на стороне Гегеля, и обещал поддержку в том случае, если философ потребует удовлетворения через суд или решит в печати оправдать себя перед читающей публикой. Гегель, однако, воздержался и от того и от другого.

Популярность Гегеля росла, но росли (разумеется, в значительно меньшей мере) и ряды противников. В начале 1820 года на философском факультете появился Артур Шопенгауэр, доктор философии, заявивший о своем желании начать преподавательскую деятельность. Соискателя почти никто не знал, хотя основной его труд «Мир как воля и представление» вот уже год, как вышел из печати.

Это была странная книга. Ярко написанная, она выгодно отличалась от суконной прозы профессионального немецкого гелертерства. Но то, о чем в ней шла речь, представлялось непостижимым ни здравому рассудку, ни диалектическому разуму. Кантианство доведено было здесь до абсурда, перемешавшись с древнеиндийскими верованиями и средневековой мистикой. Мир, утверждал автор, есть мое представление. Нет никакого солнца, никакой земли, а только глаз, видящий солнце, рука, осязающая землю. И вместе с тем окружающие нас предметы и мы сами не просто фикция. Материальный мир — это объективированная воля, частица которой воплощена в каждом из нас. Природа образует ряд возвышающихся друг над другом ступеней, высшую из которых занимает человек. Здесь слепая воля как бы прозревает, достигает уровня представления. Воля бесцельна: любое желание, будучи удовлетворенным, рождает новое и так возникает бесконечная цепь действий, лишенных смысла, приносящих лишь горе и страдание. Выход для страдающего человека в бездеятельности, в отрицании воли, воплощением которого является аскетизм. Цель человеческого бытия — нирвана, жизнь умерщвленной плоти, смиренье, бедность, самоистязание, медленная голодная смерть.

Надо сказать, что сам Шопенгауэр был весьма далек от нарисованного им нравственного идеала. Это был человек, не чуждавшийся чувственных удовольствий, любивший плотно поесть в хорошем ресторане, охотно заводивший любовные интрижки. Ему постоянно мерещились грабители, и одно время он спал с оружием в руках. Опасаясь инфекции, он никогда не брился у парикмахера и постоянно возил с собой собственный стакан, чтобы не пить из чужих. Скупой и склочный, Шопенгауэр

по решению суда вынужден был в течение двадцати лет платить 60 талеров пожилой швее за причиненное ей увечье. Эта женщина имела неосторожность болтать с подругой под дверью философа; он спустил ее с лестницы.

На своих идейных противников Шопенгауэр кидался с неменьшим остервенением. Философию Фихте и Шеллинга он называл пустозвонством, Гегеля — шарлатаном. «В целом гегелевская философия состоит на три четверти из чистой бессмыслицы, а на одну четверть из продажных идей. Нет лучшего средства для мистификации людей, как выложить перед ними нечто такое, что невозможно понять. Тогда они, особенно немцы, по природе своей доверчивые, тотчас же начинают думать, что все дело в их интеллекте, которому они вообще не очень-то доверяют; чтобы спасти свою репутацию, они скрывают свое непонимание, а лучшим средством для этого служит похвала непонятной мудрости, авторитет которой от этого все больше растет. И требуется огромная смелость и доверие к самому себе, к своему рассудку, чтобы назвать все это бессмысленным шарлатанством. В гегелевской философии явственно заметно намерение добиться мило-сти монархов сервильностью и ортодоксией. Ясность цели пикантно контрастирует с неясностью изложения, и, как клоун из яйца, вылупливается в конце толстого тома, полного напыщенной галиматьи и бессмыслицы, благодарная салонная философия, которой учат уже в начальной школе, а именно — бог-отец, бог-сын и святой дух, правильность евангелического вероисповедания, ложность католического и т.д. и т.п.».

Гегель и Шопенгауэр сошлись лицом к лицу 23 марта 1820 года во время габилитации последнего. Об их стычке мы знаем по рассказу Шопенгауэра, записанному его учеником Бэром. Речь зашла о сознательной и бессознательной стороне в поведении животных. «Гегель задал вопрос: если лошадь ложится на дорогу, то каков здесь мотив? Шопенгауэр ответил: земля, которую она чувствует под собой, в сочетании с усталостью и общим своим состоянием. Если бы лошадь стояла над обрывом, она бы не улеглась. Гегель перебил: А животные функции Вы также относите к мотивам? Биение сердца, кровообращение и т. д. тоже происходят вследствие мотивов? Шопенгауэр был вынужден объяснить Гегелю, что животными функциями называются не эти неосознанные органические отправления, а сознательные движения тела животного, и сослался в обоснование этой терминологии на физиологию Галлера. Гегель, однако, имел неосторожность настаивать на своем. Тогда в спор вмешался декан Лихтенштейн: «Извините, господин коллега, но, по-моему,

господин доктор прав: во всяком случае, наша наука называет животными функциям иименно то, о чем он говорит». На этом диспут закончился».

Рассказ Шопегауэра, по-видимому, не точен. Сохранились черновые записи, которые Гегель вел во время диспута; в них не упоминаются «животные функции», но зато повсюду фигурирует термин «раздражимость», о котором не упоминает Шопенгауэр. Так или иначе, но Гегель подписал протокол габилитации, и Шопенгауэр был окрылен успехом. Еще до диспута, самонадеянный соискатель поставил перед деканом условие: читать лекции он будет в те же часы, что и Гегель. Декан не возражал, но результат оказался плачевным: Шопенгауэр лишился аудитории. В течение двадцати четырех семестров он числился преподавателем Берлинского университета, но читал только одно полугодие, да и то не полностью. Желающих слушать его лекции не находилось. Иногда к нему записывались один, два, максимум три студента, но этого было недостаточно, и курс отменялся. Причем дело заключалось не в том, что с Гегелем вообще нельзя было соперничать; некоторым это удавалось: Генрих Риттер иногда читал параллельно с Гегелем, собирая даже более многочисленную аудиторию. Главное состояло в том, что время шопенгауэровского пессимизма еще но пришло; немецкий бюргер верил в прогресс и государственное начало.

Выход главного произведения Шопенгауэра «Мир как воля и представление» не вызвал сенсации. Среди немногих появившихся рецензий была одна, написанная коллегой автора по Берлинскому университету приват-доцентом Эдуардом Бенеке. Она появилась в «Иенской литературной газете», была сдержанной по тону и критичной по содержанию. Бенеке признавал талант автора, но был недоволен оскорбительными высказываниями о послекантовской философии. Шопенгауэра взорвало, он написал грубое письмо редактору газеты, которое получил обратно. Тогда он на свои средства в отделе объявлений газеты опубликовал раздраженное опровержение рецензии, которую назвал «возмутительной подделкой и оскорбительной ложью». В Бенеке он увидел заклятого врага.

Здесь антипатии Шопенгауэра неожиданно совпали с гегелевскими. Маститый профессор с неодобрением следил за лекциями молодого приват-доцента, который без году неделя как на кафедре, а уже позволил себе критиковать и его воззрения. Бенеке увлекался эмпирической психологией, считая ее основой любого знания. Летом 1820 года ему, едва достигшему двадцати двух лет, было выдано (вопреки воле Гегеля) разрешение на чтение лекций, а через два года распоряжением правительства

аннулировано. Книга Бенеке «Основы физики нравов» вызвала серьезные опасения: кое-кому показалось, что в ней проповедуется эпикуреизм, а отсюда — рукой подать до открытого атеизма. Гегель крамольной книги не читал, о других же работах высказался, что они «посредственные, очень посредственные, чтобы не дать им более резкой квалификации»; на занятиях Бенеке Гегель не был, но считал его «еще недостаточно подготовленным и неспособным» для чтения лекций. Молодого ученого уволили, и он долго скитался без работы. Впоследствии Бенеке вернулся в Берлинский университет и после кончины Гегеля получил профессуру.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ. РАЗУМ И ИСТОРИЯ

Итак, была некогда история, но теперь ее больше нет.
Маркс о Прудоне

«Основы философии права» — последняя книга, написанная Гегелем. Однако в четырнадцатитомном русском Собрании сочинений философа она занимает лишь седьмой том: почти половину литературного наследия образуют курсы лекций. Они увидели свет посмертно, их основной текст составляют студенческие записи.

Лекции по философии всемирной истории Гегель начал читать в 1822 году и затем успел их повторить четыре раза. В виде написанной Гегелем рукописи сохранилось лишь введение к курсу, озаглавленное «Разум в истории». В этом названии — суть концепции. Вместе с тем здесь сформулирована проблема, которая стоит сегодня гораздо острее, чем сто пятьдесят лет назад. Какова связь между разумным началом и развитием общества? У нас больше оснований задумываться над подобным вопросом, чем у предшествовавших поколений. Гегель поставил его и пытался на него ответить.

Философия истории — важнейшее звено учения Гегеля. Здесь прежде всего находит свое оправдание и применение диалектическая логика, в частности идея тождетства противоположностей, которая и по сей день смущает (если не сказать возмущает) сторонников формального мышления. Здесь возникла идея развития; здесь сконцентрировано политическое кредо мыслителя. И вместе с тем именно в этой области «Гегель наиболее устарел и антиквирован» [20]. В эпоху Гегеля исторический процесс только начинал складываться как единый, глобальный, как всемирная история, наиболее драматические события которой были еще впереди. В эпоху Гегеля знание о прошлом делало только первые шаги; наиболее существенные открытия, их систематизация и осмысление еще ждали исследователя. Не удивительно поэтому, что философско-историческая концепция Гегеля пронизана кричащими противоречиями: гениальные прозрения сосуществуют здесь с удивительной близорукостью, научные выводы с явным мифотворчеством.

Историческое знание имеет свою историю. Аристотель,

опираясь на опыт античной историографии, пришел к выводу, что задача истории — правдивое описание единичных событий, которые происходят в жизни людей. Римский сатирик Лукиан, автор первого теоретического сочинения на эту тему —«Как писать историю», — впервые произнес фразу, которая приобрела характер методологического принципа много веков спустя после того, как Ранке повторил ее: история должна повествовать о том, «как было дело».

С возникновением христианства родилась концепция исторического процесса как некоего целого, проходящего определенные стадии развития. Блаженный Августин насчитывал шесть ступеней в развитии человечества, полагая, что современная ему эпоха открывает последнюю страницу истории перед неким завершением, которое ознаменуется победой сил добра над силами зла. Дальнейшее развитие исторической мысли шло по направлению, указанному Аристотелем и Лукианом, либо по пути Августина. Нередко обе эти тенденции совмещались.

Философия истории Гегеля продолжает и в известной мере завершает «линию Августина», подготавливая почву для системного рассмотрения общества. Было бы, однако, несправедливо утверждать, что великий диалектик не замечал значения эмпирического знания в истории. Гегель различал философскую историю и историческую историю. Первая, по его мысли, исследует «мировой дух» во внутренней необходимой связи отдельных ступеней его развития, вторая преследует ту же цель, но «делает это внешним образом, исследуя события и непосредственные причины, как они видимым образом проявляются в случайных обстоятельствах и индивидуальных характерах». Если первая, отвлекаясь от жизненной пестроты, живописует «серым по серому», то произведения второй «дают достаточно простора для художественной деятельности». В «Лекциях по эстетике» есть несколько интересных страниц, посвященных этой стороне дела. Историческое описание, отмечает Гегель, близко искусству, но не является таковым. Это проза, а не поэзия. Существуют три особенности, отличающие историческое описание от поэзии. Во-первых, история обращает внимание непосредственно на всеобщее — законы, учреждения, общественную жизнь. Во-вторых, она фиксирует индивидуальное и случайное. Поэтому в исторической прозе «гораздо больше причудливого, гораздо больше отступлений, чем у поэтических чудес, которые неизменно должны считаться с общезначимым». Наконец, историк не может не замечать разлада между субъективным своеобразием деятельности людей и неизбежным для общего дела сознанием законов. Короче говоря, история не

знает той гармонии, которая является необходимой характерной чертой поэзии, и историк «должен рассказать то, Что перед ним находится и как оно ему дано, не переиначивая и ничего поэтически не привнося».

Таким образом, не обоснованы упреки, обращенные к Гегелю по поводу того. что он якобы полностью игнорирует описательную функцию истории. Справедливо лишь то, что Гегель стремится к синтезу двух типов исторического знания и отдает явное предпочтение теории.

Философия истории Гегеля занята отысканием и изучением разумного субстанциального начала в развитии общества. Истина есть система, философия есть наука об истине; следовательно, философия истории должна построить систему понятий, выражающих закономерные связи, внутренне присущие развитию человечества.

Но как перейти от индивидуального к субстанциальному? Уже в начале XVIII века Дж. Вико высказал мысль о том, что в результате совокупной деятельности людей возникает нечто иное по сравнению с тем, какие цели ставил перед собой тот или иной человек Цели людей и результаты их деятельности не совпадают. Эта мысль встречается также у Гердера. Гегель шел по стопам Вико и Гердера, формулируя то, что он назвал хитростью разума. Божественный разум, по словам Гегеля, не только могуществен, но и хитер: его хитрость состоит в «опосредующей деятельности, которая, дав объектам действовать друг на друга соответственно их природе и истощать себя в этом воздействии, не вмешиваясь вместе с тем непосредственно в этот процесс, все же осуществляет лишь свою собственную цель».

Живые индивидуумы и народы, ища и добиваясь своего, в то же время оказываются средствами и орудиями чего-то более высокого и далекого, о чем они ничего не знают и что они бессознательно исполняют. Историческая деятельность человечества слагается из действий людей, вызванных реальными интересами каждой личности. Каждый человек преследует свои собственные индивидуальные цели, а в результате из его действий возникает нечто иное, что было в его действиях, но чего не было в его намерениях. Человек, который из мести поджег дом своего соседа, вызвал пожар, уничтоживший целый город. Результат, порожденный действием преступника, вышел далеко за пределы его намерений. Нечто подобное происходит и во всемирной истории.

Средневековая христианская идея истории как промысла божьего, общности людей в осуществлении высших целей выступила у Гегеля в сочетании с пониманием роли, которую

играет индивид, наделенный сознанием и волей. Философия истории Гегеля утверждала творческую активность личности, но предупреждала о том, что в деятельности человека есть нечто надындивидуальное, содержащееся в поступках, но отсутствующее в намерениях. В мистической форме здесь была выражена идея социального начала, порождаемого совокупным действием массы людей.

Гегелю удалось правильно нащупать ту сферу, где взаимно погашаются индивидуальные, а следовательно, незакономерные действия людей, где за выступающей на поверхности игрой случая можно обнаружить железную необходимость. Б § 189 «Основ философии права» (Прибавление) речь идет о ситуации, складывающейся в области народного хозяйства: «Почва здесь или там более или менее плодородна; годы различаются между собой по урожайности; один человек трудолюбив, другой ленив. Но этот кишмя кишащийпроизвол порождает из себя всеобщие определения, и факты, кажущиеся рассеянными и лишеннымивсякой мысли, управляются необходимостью, которая сама собой выступает. Отыскание здесь этой необходимости есть задача политической экономии, науки, которая делает честь мысли, потому что она, имея перед собой массу случайностей, отыскивает их законы». Действительно, экономика представляет собой ту сферу, где жизнь общества приобретает в первую очередь характер массового процесса, где социальная закономерность проявляется с полной определенностью. Чтобы увидеть действие социального закона, надо обратиться либо к массовому процессу, либо к достаточно большому отрезку истории. Законы общества носят статистический характер. Поиски разума в истории привели к обнаружению исторической закономерности.

Диалектика перехода массовой случайности в необходимость открывает соблазнительную возможность экстраполировать действие тех или иных социальных законов на всю историю человечества. Гегель фактически так и поступил, попытавшись представить весь путь, пройденный человечеством, в виде некой единой, замкнутой системы развития разума. Ее внутреннюю структуру должны были выразить формы мысли — категории диалектики, ее реализацию во времени — философия истории.

Молодой Гегель — современник революции, — жил утопической мечтой о возвращении «золотого века», возрождении античной демократии. Он был убежден, что стоит на пороге новой эпохи, которая ознаменуется крушением неравенства и деспотизма и утверждением идеалов разума, свободы и демократии.

Позднее Гегель, переживший крушение французской революции и монархии Бонапарта, судит об истории более осторожно, хотя и не менее мифологично. Философия истории, по его мнению, не вправе давать прогнозы и советы на будущее. Она наука о том, что есть, и как таковая не может выйти за пределы современного мира. Как бы в подтверждение подобной мысли, изложенной в предисловии к «Основам философии права», Гегель заканчивает этот свой труд разделом «Всемирная история», содержащим апологию «нордического принципа германских народов», призванных развернуть государство в «образ и действительность разума». Мифологический строй мышления проявляется в том, что вся предшествующая история рассматривается как некая подготовка ситуации, в которой живет философ, и того развития событий, которое ему представляется желательным. Ф. Энгельс отмечал, что в данном случае речь идет о той «сословной монархии, которую Фридрих-Вильгельм III так упорно и так безрезультатно обещал своим подданным» [21] Политический прагматизм здесь сочетается с разработкой идеи прогресса, поставленной в повестку дня научного исследования революционными бурями XVII — XVIII веков и интенсивным экономическим развитием Европы. Гегель продолжает уже сложившуюся традицию и обогащает идею прогресса новым содержанием. По его мнению, в обществе происходит непрерывное движение от низшего к высшему. В связи с этим Гегель иронизирует над идеей о первоначальном райском состоянии человека и критикует Шеллинга и Шлегеля, считавших, что существовал некий пранарод, который якобы обладал высокоразвитой культурой, утерянной затем человечеством.

Гегеля не смущает и то обстоятельство, что его взгляды не совпадают с утверждениями библии. Не решаясь, однако, полностью отвергнуть авторитет последней, он говорит, что в Ветхом завете первоначальное состояние человечества обрисовано лишь в немногих общих чертах; Адама надо рассматривать как одно лицо, целый народ находиться в райском состоянии не мог. Причем Гегель понимает, что конечный смысл теории Шеллинга и Шлегеля состоит в отрицании естественного происхождения человека. В этом отношении он с ними согласен: человек «не мог развиться из животной тупости».

Гегель сделал значительный шаг вперед по сравнению с немецкими просветителями в понимании диалектики общественного развития, но его успехи были связаны с известной потерей некоторых результатов, достигнутых предшественниками. Для Гердера, например, история

человечества есть непосредственное продолжение естественной истории. Гегель резко противопоставляет человеческое общество природе. Только в обществе происходит развитие. При всем бесконечном многообразии изменений, совершающихся в природе, в них обнаруживается лишь круговращение, которое вечно повторяется: в природе ничто не ново под луной, и в этом отношении многообразная игра ее форм вызывает скуку. Лишь в изменениях, совершающихся в духовной сфере, появляется новое. Природа существует только в пространстве, дух проявляется во времени, и таким его проявлением служит всемирная история.

Начало человечеству кладет дух, однако последний существует сначала «в себе», в свернутом состоянии и лишь постепенно развертывает свое богатство. История для Гегеля начинается с того времени, когда человеческая разумность превращается из возможности в действительность, определяющим признаком чего является возникновение государства. На этом основании Гегель не считает первобытное состояние человечества предметом исторического исследования. «Распространение языка и формирование племен лежит за пределами истории». История начинается с появления государственных образований. Государство, смена его форм «есть точнее определяемый предмет всемирной истории».

История идет вперед в силу необходимости. Учение об исторической необходимости не приводило, однако, Гегеля к фаталистическим выводам. Наоборот, в его философии истории развивалась та «деятельная» сторона, о которой писал Маркс в «Тезисах о Фейербахе». Пафос лекций Гегеля состоит в утверждении активности человека. «Ничто великое в мире не совершалось без страсти». Этот афоризм Гегеля показывает, что он был далек от взгляда на историю как на автоматический процесс, где люди выступают лишь в роли марионеток. И даже государство, которое для Гегеля реально существует как нечто всеобщее, проявляет себя лишь в индивидуальной воле и деятельности.

Вместе с тем великий идеалист был далек и от идеализации исторических личностей. Философское рассмотрение истории, говорил Гегель, не допускает такого рода выражения, как, например: «Государство не погибло бы, если бы нашелся человек и т. д.». На первый взгляд кажется, что великие люди, герои творят историю «сами из себя», произвольно. Однако на самом деле они ограничены эпохой, их заслуга состоит лишь в понимании того, что является своевременным. В этом смысле исторические деятели наиболее проницательные люди. Великий человек для Гегеля тот, чьи личные цели совпадают с

исторической необходимостью.

Жестокому осмеянию подвергает Гегель тех, кто пытается подойти к оценке исторических деятелей с субъективной меркой, кто осуждает их за страсть и настойчивость, проявляемые в борьбе за осуществление своих целей. Для того чтобы понять значение великого человека, надо самому обладать широким кругозором; для лакея не существует героя.

Историческая личность подчас бывает вынуждена растоптать иной невинный цветок, сокрушить многое на своем пути, но оценивать ее деятельность надо с точки зрения не потерпевшего индивидуума, а исторического целого. К историческому процессу неприложимы критерии благих пожеланий и добродетельных сентенций. Развитие человечества — это не гармоническое развертывание добра и счастья. «Всемирная история не есть арена счастья. Периоды счастья являются в ней пустыми листами, потому что они являются периодами гармонии, отсутствия противоположности».

Проникновение в диалектический характер исторического процесса иногда приводит Гегеля к материалистическим идеям: «Человек со своими потребностями относится к внешней природе практически; удовлетворяя «свои потребности с помощью природы, он ее преодолевает, действуя при этом в качестве посредника. Дело в том, что предметы природы могущественны и оказывают всякого рода сопротивление. Чтобы покорить их, человек вставляет между ними другие предметы природы и изобретает для этой цели орудия. Эти человеческие изобретения принадлежат духу, и такое орудие должно быть поставлено выше, чем предмет природы». Это место из «Философии истории» Ленин выписал и охарактеризовал как ростки исторического материализма.

Материалистические нотки звучат и в некоторых гегелевских мыслях о государстве. Он утверждает, например, что настоящее государство и правительство возникают лишь тогда, когда имеется различие сословий, когда очень большими становятся богатство и бедность и когда возникают такие отношения, при которых огромная масса людей уже не может удовлетворить свои потребности так, как она удовлетворяла их раньше.

Однако подобные высказывания носят эпизодический характер. В целом Гегель последовательно развивает идеалистическую концепцию исторического процесса, которая, как говорил Маркс, возводит «религиозную иллюзию в движущую силу истории» [22]. Подлинные движущие силы истории остаются вне его поля зрения.

Субстрат эмпирической истории для Гегеля — развитие

абсолютной идеи, мирового духа. Конкретизируя это понятие, Гегель говорит о народном духе, который воплощает в себе единство законов, государственных учреждений, религии, искусства и философии. Прогресс во всемирной истории осуществляется всегда каким-то одним народом, дух которого является носителем мирового духа на данном этапе его развития. Другие народы либо изжили себя, либо еще не дошли до необходимой стадии развития, поэтому они играют подчиненную роль.

Цель всемирной истории — познание мировым духом самого себя. Такую же цель имеет и каждый определенный народный дух: он не может успокоиться и ничем другим заниматься до тех пор, «пока не узнает, что он собой представляет». Осуществление этой цели означает вместе с тем начало упадка: познавая себя, народный дух видит свою конечность, ограниченность и открывает дорогу другим, более высоким принципам. Зрелость народа превращается в старость; он уступает свое место, однако созданные им плоды не пропадают. Плоды дают семена, но семена другого народа, которому время зреть.

Исходя из своей концепции, Гегель устанавливает и вполне определенный критерий общественного прогресса, на основании которого он строят свою периодизацию всемирной истории. Это прогресс в сознании свободы. Человечество, развиваясь, постепенно приходит все к более глубокому пониманию свободы. Восточные народы еще не знают, что дух или человек свободен как таковой; так как они не знают этого, то они не свободны; они знают только, что один свободен, но именно поэтому такая свобода оказывается лишь произволом, дикостью, тупостью страсти. Следовательно, этот один оказывается лишь деспотом, а не свободным человеком. Только у греков появилось сознание свободы, и поэтому они были свободны, но они, как и римляне, знали только, что некоторые свободны, а не человек как таковой; этого не знали даже Платони Аристотель. Поэтому у греков не только были рабы, с которыми была связана их жизнь и существование прекрасной свободы, но и сама эта свобода отчасти являлась случайным, недолговечным и ограниченным цветком. Лишь германские народы дошли в христианстве до сознания, что человек как таковой свободен, что свобода духа составляет самое основное свойство его природы.

Сказанное, однако, не означает, что в центре философско-исторической концепции Гегеля находится человеческая личность, богатство ее неповторимого духовного мира. Увы, человек, о котором идет здесь речь, всего лишь абстрактный представитель человеческого рода, некий человек вообще.

Индивид, по сути дела, не цель, а средство, средство благоденствия и развития государства. История начинается лишь с появления государства и «завершается» установлением идеального, «истинного» государственного устройства. Для достижения истины мировой дух «делает чудовищные затраты возникающих и гибнущих человеческих сил; он достаточно богат для такой затраты, он ведет свое дело en grand, у него достаточно народов и индивидов для такой траты». Мировой дух расточителен и беспощаден. Ортега-и-Гассет имел все основания назвать учение Гегеля философией Цезарей и Чингисханов.

Двояким образом гегелевская система истории вступает в противоречие с его методом, с идеей историзма. Во-первых, она совершенно произвольно останавливает процесс развития человеческого общества и познания на некоем состоянии, которое представляется философу идеальным. «...Совершенное общество, совершенное «государство», это — вещи, которые могут существовать только в фантазии»[23],— писал Ф. Энгельс.

Интереснее, однако, другое обстоятельство: историзм как метод мышления предполагает рассмотрение социальной структуры в непрерывном развитии, когда исчезают старые закономерности и появляются новые. Если так, то, следовательно, невозможно охватить единой системой понятий развивающееся целое. В этом смысле существует известное противоречие между идеями последовательного историзма, развитыми в «Феноменологии духа», и принципами, которые лежат в основе «Науки логики» и «Философии истории». Любая система категорий, даже самых «гибких», переходящих в свою противоположность и т. д., представляет все же формальную схему, упрощающую действительность, как бы останавливающую процесс развития. А когда перед нами ряд систем, сменивших друг друга в процессе развития, то подойти к ним с единой меркой просто невозможно.

В этом смысле Маркс говорил, что «не существует производства вообще». Уточняя эту мысль, Маркс писал: «Есть определения, общие всем ступеням производства, которые фиксируются мышлением как всеобщие; однако так называемые всеобщие условия всякого производства суть не что иное, как эти абстрактные моменты, с помощью которых нельзя понять ни одной действительной исторической ступени производства» [24]. Марке подчеркивал, что историю нельзя осмыслить, «пользуясь универсальной отмычкой в виде какой-нибудь общей историко-философской теории, наивысшая добродетель которой состоит в ее над историчности»[25].

Каждое общество, каждая эпоха, каждая культура» иногда

даже страна, рождают свои собственные локальные специфические закономерности, которые и раскрывают подлинный смысл исторического бытия на том или ином этапе развития. Исследователь, руководствующийся принципом историзма, выделяет в развитии человечества целостные системы и к каждой из них подходит с соответствующей меркой. Изучение той иди иной завершенной системы, лежащей перед глазами историка, задача хотя и сопряженная с определенными трудностями, но все же поддающаяся безошибочному решению. Путь уже пройден, и никто, кроме мысли историка вторично по нему не пойдет. В гораздо более затруднительном положении оказывается историк современности, которая представляет собой систему незавершенную, открытую, многовариантную в своем поступательном движении, Любая развивающаяся действительность содержит в себе не одну, а ряд возможностей, и диалектическое мышление восстает против попыток игнорировать какую-либо из них.

Существует огромный соблазн а 1а Гегель замкнуть в мыслях открытую систему и через свое представление о будущем истолковать прошлое и настоящее. Марксизму чужд подобный провиденциализм. При составлении социального прогноза марксист всегда учитывает, что общество располагает несколькими вариантами развития, и зачастую трудно предсказать, какой из них будет реализован.

Огромное значение в формировании исторического процесса приобретает случайность. Диалектика позволяет различать два типа случайностей: одни выступают в роли более или менее адекватного воплощения необходимости, взаимно «погашаясь» в массовом процессе или способствуя выявлению и действию определенной закономерности, другой тип случайности, являясь для данного процесса чем-то посторонним, как бы вторгаясь со стороны, может внести в необходимость серьезные, подчас роковые коррективы. Гегель видел в истории только первый тип случайности, марксизм —и то и Другое.

Для Гегеля история всегда существовала как всемирная история, как замкнутая, финалистски детерминированная разумная система. Марксизм рассматривает всемирную историю как систему, возникшую не изначально с появлением общества, а сложившуюся на весьма высоком уровне его развития, как систему открытую, содержащую в себе различные возможности, в том число и такие, которые готовит ей случай.

Мы не можем сегодня разделить уверенность Гегеля в том, что «все действительное разумно», хотя бы потому, что в формировании исторической действительности принимает

участие и случайность. Но не только поэтому. Для материалиста непозволительно отождествлять закономерность и разум. Слишком много социальных явлений, закономерно и необходимо возникших, не могут быть оправданы с точки зрения человеческого разума. XX век в этом отношении дает ярчайшие примеры. Внести разум в историю — это задача, которую человечеству предстоит еще решить. Она равнозначна построению коммунизма.

Таково современное материалистическое прочтение идеи Гегеля о разуме в истории. Аналогичной интерпретации поддается и другая его мысль — о надындивидуальном характере исторического разума. Действительно, задача, вставшая сейчас перед человечеством, не под силу никакому персональному интеллекту. Только совокупная мысль и совокупное действие миллионов людей, сознательно участвующих в общественной жизни, в состоянии предотвратить катастрофическое развитие событий и направить историю по пути, диктуемому разумом.

* * *

Вернемся, однако, к гегелевским «Лекциям по философии всемирной истории». У Гердера есть сравнение человечества с путником, который с востока отправился в дальнее путешествие. Его путь лежит на запад; он отдыхал на берегах Тигра и Евфрата, затем вышел к Нилу, обошел все побережье Средиземного моря и, наконец, углубился в Европейский материк. Нечто подобное мы находим и у Гегеля. Его мировой дух бредет по земной планете, все выше поднимаясь к вершинам самопознания. Древний Восток — его младенческое состояние, Греция — юность, Рим — зрелость, германский мир — старость, однако не Дряхлая, а исполненная сил и разума.

Итак, направление всемирной истории — с Востока на Запад, солнце восходит на востоке, и человек при виде рассвета предается радости и удивлению, затем при свете дня, когда окружающие предметы обретают четкие контуры, он переходит от созерцания к деятельности, в процессе которой создается внутренний мир, внутреннее солнце. И когда вечером, на закате он взирает на это светило, то ставит его выше, чем первое, внешнее солнце.

На Востоке люди являются чем-то несущественным. В одной из ранних работ Гегель писал: «В восточном характере тесно переплетаются между собой два с первого взгляда друг другу противоречащих определения: стремление властвовать над всем и

покорное подчинение любому рабству». В «Лекциях по философии всемирной истории» он пытается проиллюстрировать эту мысль прежде всего на примере Китая. Здесь человек безропотно повинуется либо власти отца в семье, либо власти государя, которая имеет патриархальный характер. Поэтому в Китае господствует абсолютное равенство, но нет свободы. Все частные интересы неправомерны, иерархия чиновников и военных точнейшим образом отрегулирована и целиком зависит от императора, равно как и благосостояние страны и народа. Все здесь контролируется сверху, поэтому нет чувства чести, моральной точки зрения. Здесь не существует на деле различия между рабством и свободой; перед императором все равны, то есть практически бесправны. Здесь преобладает сознание униженности, легко переходящее в сознание низости, и народ считает себя созданным лишь для того, чтобы влачить колесницу императорского величия.

Индия для Гегеля является столь же неподвижной и устойчивой государственной системой. Некоторый прогресс по сравнению с Китаем он видит лишь в том, что из деспотического единства здесь вычленяются самостоятельные общности — касты, которые, однако, настолько окаменели в своей замкнутости, что это сказывается и на внутреннем мире человека. Индийский народ, как и китайский, обречен на унизительное рабство. Здесь нет ни нравственности, ни справедливости, ни религиозности. Индусы не наступают на муравьев, но безжалостно дают гибнуть людям низшей касты. Над этим окаменением господствует произвол. Гегель считает, что значение индийской культуры преувеличивается, а ее влияние может быть отнесено лишь к доисторической эпохе, к периоду, когда еще не сложился государственный принцип.

Впервые этот принцип обнаруживается в Персидском царстве, и персы являются первым историческим народом. Правда, Гегель не слишком утруждает себя подлинной периодизацией и последовательностью изложения, в разделе о Персии он рассматривает судьбы Египта, Вавилона, Мидии и Ассирии; все эти восточные деспотии не в пример Китаю и Индии оказываются ближе к современности. В Персии впервые появляется свет духа. Гегель видит его в принципе единства противоположностей — добра и зла, характерном для персидской религии — зороастризма. Всемирная история начинается с Персии.

Собственно предтечей греческой эпохи в персидском мире выступает Египет, который, подобно Китаю и Индии, погружен в сосредоточенное замкнутое созерцание природы. Египетское государство находится в застывшем состоянии, но египетский дух

уже стремится высвободиться из природных форм, он доходит до внешнего созерцания путем искусства.

«У греков мы сразу чувствуем себя дома», — пишет Гегель, начиная раздел, посвященный античности. Греческий мир для него радостен и привлекателен, он видит в нем юношеский возраст человечества; здесь веет свежестью, жизнь духа выступает как одухотворенная чувственность. Эта эпоха открывается Ахиллесом, юношей поэтического вымысла, а реальный юноша — Александр Македонский завершает ее. В Греции прекращается погружение в природу благодаря расчлененности территории, состоящей из множества островов и земель на материке, похожих на острова. Земноводное существование греков, стихия моря способствовали интенсивному культурному и торговому обмену, колонизации и т. п. Сухопутная раздробленность и чужеродность преодолеваются в течение первого периода греческой культуры, и в процессе этого преодоления развивается прекрасная человеческая индивидуальность — средоточие греческого духа.

Вся жизнь греков пронизана духом искусства, и даже их государство представляет собой «политическое художественное произведение». Оно уже не патриархально, здесь господствует подлинная демократия, покоящаяся на нравственном образе мыслей, привычке жить для отечества. При демократическом строе открывается наибольший простор для сильных характеров. Внимание Гегеля привлекает Перикл, который, по его словам, является «Зевсом в божественном кругу афинских индивидов» — ученых, художников, полководцев, государственных деятелей. Афины были государством, «жившим для прекрасного», соединявшим в себе интерес к общественным делам и к запросам человеческого духа, мужество и практический смысл.

Афинам Гегель противопоставляет Спарту, где абстрактный культ государства отодвигал на задний план свободу индивидуальности. В результате ни наука, ни искусство, ни образованность не привились у спартанцев. Это были упрямые, неуклюжие люди, пригодные лишь для военного дела. Не удивительно, что они одержали победу в Пелопоннесской войне, окончившейся падением Афин. Но победа спартанского государства была началом его конца; упадок наступает в результате испорченности нравов.

Последний взлет греческого духа ознаменовала собой империя Александра Македонского. Азиатский поход Александра решил оружием старый спор между Востоком и Западом, принес на Восток западную культуру и открыл европейцам азиатский мир. Организация и план похода, военный гений и личная храбрость Александра, его покровительство наукам и искусству

всегда будут предметом восхищения. Гегель предпочитает не вспоминать о кровавых расправах, которые учинял царь Македонии над самыми близкими своими соратниками, укрепляя свою абсолютную власть. Александра он идеализирует так же, как в свое время Наполеона, уверяя, что к всемирно-историческим личностям неприменимы критерии морали.

Римская история — эпоха возмужалости человечества. Здесь исчезает свободная индивидуальность как органический элемент культуры, но закладываются формальные основы свободы человека, покоящейся, по убеждению Гегеля, на праве частной собственности. Государство носит аристократический характер и выступает как самоцель. И искусство и религия Древнего Рима отличаются рассудочностью и прозаичностью.

Гегель прослеживает историю возникновения расцвета и распада Римской республики. Ее гибель не была случайной, ее погубил не Цезарь, а необходимость. Римский принцип целиком основывался на насилии и военной власти, республика изжила себя. Цезарь понял это и фактически уничтожил лишь ее тень. Брут и Кассий убили Цезаря под влиянием «замечательного заблуждения», они полагали, что его господство — дело случая, если устранить этого человека, республика восстановится сама собой. Но сразу же выяснилось, что Римом может править только одно лицо, и только тогда римляне поверили в монархический принцип. Любой исторический переворот, подчеркивает Гегель, санкционируется в мнении людей, когда он повторяется. Благодаря повторению то, что сначала казалось лишь случайным, становится действительным фактом.

Императорский Рим столь же необходимо, как и республика, пришел к распаду и гибели. Развитие частного права привело к разложению политической жизни. Император царствовал, но не правил, между ним и его подданными все больше разрывалась живая связь, в народе исчезало сознательное отношение к отечеству, все сильнее распространялось политическое равнодушие. Человек всецело предавался чувственным удовольствиям.

Римский мир с его беспомощностью и страданием оттого, что он покинут богом, подготовил почву для нового возрождения духовной жизни. И она родилась в еще более возвышенной, чем раньше, форме. Гегель имеет в виду появление христианства. Благодаря императору Константину христианская религия стала господствующей в Риме, но это уже не могло спасти его. Империя рухнула под ударами германских племен.

Историю германского мира Гегель расчленяет на три периода. Первый начинается с появления германских народов на

территории Римской империи и завершается империей Карла Великого. Во втором периоде возникают теократические государства и феодальные монархии. В XVI веке начинается третий период, в котором создается государственная жизнь, соответствующая требованиям разума.

Гегель уделяет некоторое внимание мусульманству, правда, лишь для того, чтобы обвинить его в ретроградном стремлении возродить восточный покой и неподвижность. Он едва-едва упоминает о славянах. Хотя славянские племена основывали государства и мужественно боролись с врагами (поляки даже освободили осажденную Вену от турок), Гегель все же исключает их из своего обзора. России, впрочем, в одном из своих писем (мы это уже знаем) он предсказывал большое будущее. Германцы начали с того, что они разлились, как поток, покорили одряхлевшие цивилизованные государства, и лишь тогда началось их развитие, вызванное соприкосновением с чужой культурой, религией, государственным строем. Они восприняли христианство и стали носителями христианского принципа. Проходили века, постепенно возникали отдельные нации и монархии. Суровость дубовой сердцевины германской души обуздывалась и смягчалась дисциплиной церкви и крепостного права. В результате человечество шло к свободе не столько от порабощения, сколько посредством порабощения.

Крестовые походы Гегель объясняет исключительно религиозными мотивами: стремлением христиан «освободить» гроб господний. Обагренные кровью убитого населения Иерусалима крестоносцы пали ниц у гроба Спасителя и обратились к нему со смиренной молитвой. В рассказе об этих неистовствах и контрастах католической церкви у протестанта Гегеля звучат нотки иронии. От самого Христа, говорит он, нельзя было найти никаких реликвий, ибо он воскрес. Христианство нашло пустой гроб, а не связь мирского и вечного, и поэтому потеряло святую землю. Благодаря крестовым походам церковь исказила дух христианской религии, но упрочила свей авторитет.

Развитие государственности подрывало феодальные отношения. Против дворянского партикуляризма было найдено могучее средство — порох. Человечество нуждалось в нем, и он тотчас же появился. Огнестрельное оружие уничтожило замки и укрепленные пункты внутри страны, уравняло в правах сословия. Исчезла рыцарская храбрость, но получила развитие более высокая доблесть, чуждая личной страсти, ибо стреляют в нечто общее, в абстрактного врага.

Для человечества постепенно проясняется небо духа. Изобретение книгопечатания, бегство ученых-греков из Византии,

порабощенной турками, открытие Америки знаменуют собой утреннюю зарю нового времени, наступившую за ночью средневековья. Но подлинный восход солнца пришел лишь с Реформацией.

Реформации Гегель придает особое значение. Лютер, по его мнению, восстановил дух христианства, извращенный католической церковью. В ходе Тридцатилетней войны протестантизм отстоял свое право на политическое существование. Его оплотом стала Пруссия. Если в бытность свою в Иене Гегель весьма отрицательно относился к Пруссии и ее прошлому, то теперь он занимает прямо противоположную позицию. Страницы «Лекций по философии всемирной истории», посвященные прусскому королю Фридриху II, совершенно откровенная его апология. Фридрих — это «герой протестантизма», «король-философ», который «дал единственный пример того, как отец заботится о благе своего домашнего, круга, старательно обеспечивает благо своих подданных и энергично правит ими».

И в ту же эпоху католическая Франция была царством несправедливости, суровых притеснений народа, испорченности нравов. Ликвидация изживших себя порядков могла совершиться лишь насильственно. Началась великая революция. «Все мыслящие существа праздновали эту эпоху. В то время господствовало возвышенное трогательное чувство, мир был охвачен энтузиазмом, как будто лишь теперь наступило действительное примирение божественного с миром». Отношение Гегеля к различным этапам французской революции и последующим событиям мы знаем. Его вывод: без Реформации подлинная революция невозможна, а там, где произошла Реформация, революция не нужна.

Заключительные страницы «Лекций по философии всемирной истории» посвящены снова Пруссии. Говоря словами Маркса, «Гегель доходит здесь почти до раболепства. Видно, как он насквозь заражен жалким высокомерием прусского чиновничества...» [26]. Прусская монархия представляется Гегелю завершением развития мирового духа, идеалом государственного устройства. Характерно, что Гегель видит в Пруссии буржуазную монархию, чем тогда она еще не была, он хвалит ее за то, что в ней еще не было осуществлено. «Ленные обязательства отменены, принципы свободы собственности и личности стали основными принципами. Доступ к государственным должностям открыт каждому гражданину, но умение и пригодность являются необходимыми условиями. Государством управляет мир чиновников, и над всем этим стоит личное решение монарха». В

данном случае Гегель принимал желаемое за действительное, по само желание увидеть в своей стране сочетание буржуазных принципов с абсолютизмом было весьма показательным.

Мировой дух, начавший свой путь в бескрайних просторах Азии, пировавший с греческими богами на Олимпе, водивший в походы римских цезарей, крестоносцев и санкюлотов, ныне обосновался в Берлине; он обрел покой в должности чиновника, одряхлел и мирно дожидается выхода на пенсию. Грандиозный замысел осмыслить всемирно-исторический процесс как единое целое обернулся наивной попыткой оправдать окружающую философа унылую действительность.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ. В ЦАРСТВЕ ПРЕКРАСНОГО

От одного рассудка не может произойти философия, ибо философия есть нечто большее, чем накопленное знание.

От одного разума не может произойти философия, ибо философия есть нечто большее, чем слепое требование бесконечного прогресса в расчленении и сочленении возможных предметов.

Но если порывам разума светит идеал красоты, он знает, к чему и зачем стремится.

Гельдерлин

Закончив свои блуждания по мрачному лабиринту всемирной истории, абсолютная идея вырывается к свету и разуму, она покидает сферу объективного духа в восходит к духу абсолютному. Учение об абсолютном дух» в гегелевской системе охватывает то, что мы называем общественным сознанием, точнее — три его формы: искусство, религию, философию.

Эстетика Гегеля — это теория искусства. Красоту природы философ исключает из своего рассмотрения. В угоду схеме, по которой природа представляет собой пройденный этап. Идея не оглядывается назад; она устремлена вперед и ввысь, к сияющим вершинам духа. Красота искусства, но Гегелю, выше естественной красоты, поскольку дух превосходит природу.

Александр Гумбольдт поразил однажды своих собеседников остротой: для Гегеля, уверял он, любой берлинский анекдот как произведение духа есть нечто большее, чем солнце. Самое забавное заключалось в том, что натуралист ничего не придумал. Вот аргументация философа: «Конечно, по своему содержанию солнце является абсолютно необходимым моментом, а вздорная выдумка, как что-то случайное и преходящее, быстро исчезает. Но такой образец природного существования, как солнце, взятый с точки зрения «для-себя-бытия», есть нечто безразличное, не свободное внутри себя и лишенное самосознания». Гегель знает что термин «выше» относителен. Но «высшее в смысле превосходства духа (и порожденной им красоты художественного

произведения) над природой не есть чисто относительное понятие. Только дух представляет собой истинное как всеобъемлющее начало, и все прекрасное лишь постольку является истинно прекрасным, поскольку оно причастно к высшему и рождено им». Прекрасное в природе только рефлекс красоты духа. Отдельные живые продукты природы преходящи, их наружный вид изменчив, тогда как произведение искусства сохраняется устойчиво.

Рассуждения Гегеля вызвали впоследствии контррассуждения материалиста Н. Г. Чернышевского, который доказывал противоположное: красота природы выше. красоты искусства. Относительно преходящего характера произведений природы он веско замечал, что произведения искусства также не вечны, они гибнут или портятся. Прекрасное в искусстве подвержено капризам моды и обветшанию материала, чего не знает природа. Устаревает язык в поэзии, многое со временем становится бесцветным и просто непонятным. Линяют и темнеют краски в живописи, произведения которой, как и скульптуры, стоят ниже произведений природы и жизни в силу своей мертвенности и неподвижности.

Сегодня этот спор нам представляется искусственным и надуманным. Задача материалиста не в том, чтобы «защитить» природу от посягательств идеалиста. Главное — найти в жизни человека и общества ведущее материальное начало. Не природа как таковая играет определяющую роль в формировании сознания, а ее изменение человеком. И следовательно, вся духовная жизнь, в том числе и искусство, и его основное понятие — прекрасное должны быть поняты как плоды материальной деятельности человека.

Эстетика Гегеля пронизана пафосом деятельности, и в этом, несмотря на ложные исходные посылки, ее ценность, ее близость философии диалектического материализма. «Вещи, являющиеся продуктами природы, существуют лишь непосредственно и однажды, человек же как дух удваивает себя: существуя как предмет природы, он существует также и для себя, он созерцает себя, представляет себе себя... Этой цели он достигает посредством изменения внешних предметов, запечатлевая в них свою внутреннюю жизнь и узнавая в них свои собственные определения. Человек делает это для того, чтобы в качестве свободного субъекта лишить внешний мир его неподатливой чуждости и в предметной форме наслаждаться лишь внешней реальностью самого себя».

Здесь уже фактически сформулированы основные идеи трудовой теории красоты. Анализируя производство, Маркс в

дальнейшем покажет, что процесс труда носит двойственный характер. С одной стороны, происходит потребление вещей, с другой — их превращение во «вместилища субъективной деятельности». Человек как бы «опредмечивает» свою сущность, в созданных или преобразованных предметах он узнает самого себя. Взгляд на вещь как на «предметное человеческое отношение» [27] есть основа того, что мы называем красотой. Мать красоты — природа, труд — ее отец; дитя рождается от соития этих двух начал.

Эстетическое отношение антропоморфно. Мы называем животных красивыми, отмечает Гегель, если они обнаруживают душевные свойства, созвучные человеку: силу, храбрость, добродушие и т.п. Не сам по себе безобразен крокодил, а только лишь потому, что он представляет для нас угрозу. Красота всегда человечна.

Красоту Гегель определяет (вслед за Гердером) как чувственную форму истины. Искусство не может обойтись без чувственного материала. Но далеко не все чувства (точнее ощущения) участвуют в художественном переживании: обоняние, вкус, осязания находятся за его пределами. Лишь так называемые теоретические чувства — зрение и слух — могут воплотить художественное содержание. Зримое и слышимое выступают в качестве оболочки эстетического объекта, которая вместе с тем отличается от непосредственной чувственности материальной вещи. Чувственность в искусстве есть видимость (о смысле и значении этой категории мы говорили выше, разбирая «Науку логики»), художественное произведение лежит посредине между непосредственной чувственностью и мыслью, принадлежащей области идеального. Чувственное в искусстве одухотворяется, с другой стороны, духовное получает в нем чувственную форму.

Эти идеи Гегеля о чувственной природе эстетического получили широкое распространение, вошли в учебники. Вне яркого восприятия нет красоты. На первый взгляд это бесспорно верное положение и возразить здесь нечего. Но только на первый взгляд.

Фактически подобная точка зрения была поставлена под сомнение уже в древности, когда возникли теории о сверхчувственной, умопостигаемой красоте. Позднее было подмечено, что слово лишено наглядности, что действие поэзии покоится отнюдь не на силе чувственных впечатлений. Прочитайте любое стихотворение, и никакой зримой картины при этом не возникнет. Лишь появятся смутные ассоциации; воображение и воспоминание, знание и догадка сольются в целостный комплекс, который и вызовет эстетическое

переживание. Эстетическое всегда эмоционально, но вызывать эмоции способна не только чувственная, но и интеллектуальная деятельность.

Мы говорим о красоте мысли отнюдь не в переносном смысле. Художественное начало пронизывает науку, особенно там, где речь идет о поисках новых теоретических и технических решений, где мысль стремится охватить предмет в его многосторонних связях, в единстве противоречивых тенденций. С другой стороны, интеллектуальное начало оплодотворяет искусство, а ныне между некоторыми областями гуманитарного знания и искусством происходит не только сближение, но и слияние в буквальном смысле слова. Гегель был слишком педантичен в своих систематизаторских устремлениях. Там, где он пытался провести четкие границы, на самом деле происходит взаимопроникновение лежащих рядом сфер духовной жизни — искусства и науки.

Гегелевское определение красоты как чувственной формы истины вызывает еще одно возражение. На этот раз прямо противоположного характера. Истина есть согласие между предметом и знанием; искусство, по Гегелю, представляет собой ступень самопознания абсолютной идеи. Между тем художественная литература дает человеку определенный комплекс знаний, но главным и в прозе и в поэзии все же остается другое — эстетическое переживание. Познавательная функция играет огромную роль в искусстве, но не исчерпывает его. Искусство выполняет и другие функции — общения, воспитания, отдыха, но ни одна из этих функций не выражает специфики художественного творчества. Специфика только в эстетическом переживании — особого рода радости, связанной со способностью человека свободно творить и любоваться творчеством.

Таковы две существенные поправки к гегелевской теории прекрасного, которые позволят нам увидеть корни некоторых других слабых ее сторон. Но пока о достоинствах. К ним, безусловно, относится широта подхода к проблеме. Прекрасное для Гегеля — предельно общая категория искусства. В эстетике ее роль аналогична роли категории бытия в логике. Художественное произведение является произведением искусства лишь постольку, поскольку оно прекрасно. Вне прекрасного нет искусства. Разумеется, это не значит, что художник ограничивает свой материал только красотой жизни и природы. Красивый юноша может быть бездарно изображен живописцем, в результате возникает нечто безобразное, к искусству отношения не имеющее. И в то же время талантливо написанный портрет уродливого старика — феномен искусства и красоты.

Диалектическое мышление анализирует категорию прекрасного во всей полноте ее сложных, противоречивых связей, во взаимных переходах в собственную противоположность. Гегель наметил здесь лишь исходные принципы и, как мы увидим далее, не был достаточно последователен в их проведении. Развитие идей Гегеля мы находим в книге его ученика К. Розенкранца «Эстетика безобразного». Речь, разумеется, идет не о болезненном любовании мерзостями жизни, таковое находится за пределами эстетики и только свидетельствует об испорченности нравов. Не само безобразное доставляет нам художественное наслаждение, а его преодоление красотой. Последнее может совершаться трояким образом. Талант художника облекает в эстетически воспринимаемые формы то, что в жизни выглядит неприглядно и даже отталкивающе. На полотне Паоло Веронезе «Свадьба в Кане» изображен ребенок, отправляющий естественные надобности, и взрослый, которого рвет. Другая возможность открывается перед художником, стремящимся обнаружить за безобразной видимостью прекрасный внутренний мир. Шуты Веласкеса уродливы, но какая человечность светится в их гдазах! И в жизни за отталкивающей внешностью человека скрываются подчас благородство и духовная красота.

И наиболее важное обстоятельство - приговор художника над антиэстетическим: ложью, насилием, злом. Содержание искусства, помимо изображаемого материала, необходимо включает в себя его оценку. Художник, произнося приговор над безобразным, отрицая его, утверждает тем самым эстетический идеал. Отрицание отрицания есть утверждение, в данном случае — прославление красоты как правды жизни. В таком широком понимании категория прекрасного становится исходным понятием реалистического искусства.

Логика Гегеля, как мы помним, представляет собой систему понятий, построенную по принципу восхождения от абстрактного к конкретному. В эстетике принцип систематизации иной — сугубо исторический. Все понятия теории искусства представляют собой конкретизацию исходной категории — прекрасного, но расположены они в той последовательности, в какой, по мнению Гегеля, происходила смена различных художественных форм.

Основная триада состоит здесь из трех форм искусства — символической, классической и романтической. Критерий оценки — соотношение между художественным содержанием и его воплощением. В символическом искусстве содержание не нашло еще адекватной формы, в классическом — они находятся в гармоническом единстве, и в романтическом это единство снова распадается; содержание перерастает форму. Символическая

форма господствует на Востоке, классическая — в античности, романтическая — в христианской Европе. Только классика является подлинным искусством. То, что ей предшествует, по мнению Гегеля, всего лишь предыскусство, а романтическое искусство знаменует собой распад, гибель искусства: мысль и рефлексия обгоняют художественное творчество, которое закономерно уступает место другим видам духовной деятельности. Наше время неблагоприятно для искусства, оно не доставляет того духовного удовлетворения, которое находили в нем прежние эпохи и народы. Настоятельной потребностью в наши дни становится наука об искусстве, искусство приглашает мысленно рассмотреть себя, но только для того, чтобы понять художественное творчество, а не оживить его. Конечно, можно питать надежду, что отдельные виды искусства и дальше будут расти и процветать, но в целом его форма перестала быть высшей потребностью духа.

Плодотворно стремление Гегеля увидеть в развитии мирового искусства определенную взаимосвязь и последовательность. Но взаимные отношения между содержанием и формой не дают оснований для конструирования схемы. Здесь Гегель не в ладах с собственной, диалектической логикой. Разрыв, несоответствие между содержанием и формой возможны только в саморазвивающемся явлении. Произведение же, вышедшее из рук художника, есть нечто завершенное, ставшее. Здесь содержание и форма находятся в единстве. Не может превосходное содержание быть отлито в негодную форму и наоборот. Согласно логике Гегеля они тождественны. Третировать формы азиатского искусства как неразвитые, варварские, как недоискусство, видеть эталон художественности в европейской античности, значит проявить ограниченность и вкуса и мировоззрения. Европа не центр вселенной.

Что касается враждебности нового времени художественному творчеству, то Гегель безусловно прав, хотя это не означает гибели искусства. Речь идет не о том, что искусство изжило себя как форма самопознания абсолютной идеи. Ясность в проблему внес Маркс: искусству враждебен мир капитализма. В основе этой враждебности лежит антигуманистическая сущность буржуазного общественного устройства, которое хотя и освободило человека в значительной степени от подчинения природе, но сделало его «рабом других людей либо же рабом своей собственной подлости» [28]. В обществе, построенном на товарно-денежных отношениях, никто не чувствует себя полноценным человеком, гармонической личностью. Рабочий изуродован эксплуатацией, калечащим разделением труда, одуряющей работой на производстве, где он

выступает в качестве придатка к машине. Капиталист — «раб собственной подлости» смотрит на действительность только с торгашеской, хищнической точки зрения, исключающей возможность эстетического отношения к жизни. Вот почему буржуазный мир враждебен искусству. Он антигуманистичен, следовательно, антихудожествен, антипоэтичен.

Но если капитализм враждебен искусству, то почему именно в эту эпоху некоторые виды искусства достигли небывалого расцвета? Здесь нет ничего удивительного: капитализм создает не только свои опоры, но и своих могильщиков; искусство принадлежит к их числу. Капитализм враждебен искусству, точно так же подлинное искусство враждебно капитализму; рожденное в условиях буржуазного общества искусство всем своим существом выражает протест против бесчеловечности капиталистических отношений. Каждый вид художественного творчества делает это по-своему: и то, что происходит в современной западной живописи, в значительной степени объясняется неприятием художниками окружающего их мира. Накапливая материальные ценности, капитализм растрачивает ценности духовные; искусство пытается этому противоборствовать. Отсюда, кстати, упования многих великих умов на художественное творчество и эстетическое воспитание как на средство решения социальных конфликтов. Искусство — это единственный в своем роде аккумулятор духовной культуры человечества, барометр, чутко предсказывающий социальную погоду, бескомпромиссный борец за человечность. Гегель преждевременно отказал ему в праве на существование. Искусство не перестало быть высшей потребностью духа.

Определив наше общее отношение к схеме Гегеля, последуем, однако, за ходом его рассуждений. Первая ступень символической формы искусства — бессознательная символика. По сути дела, хотя порой и в иных терминах, Гегель разбирает здесь мифологическое сознание. На этой ступени «нельзя говорить о различии между внутренним и внешним, смыслом и образом, потому что внутреннее еще не отделилось от своей непосредственной действительности». Вывод Гегеля умозрителен, в его годы только начиналось научное изучение мифологии и были не известны ее наиболее древние формы, но мыслитель безошибочно постиг суть дела: человек первоначально не способен выделять себя из окружающей среды; весь мир представляется первобытному человеку как нечто единое с ним. В дальнейшем наука подтвердила этот вывод. Наиболее древние памятники искусства (открытые много лет спустя после смерти Гегеля) — наскальная живопись, удивительно точные и

экспрессивные изображения животных. Сознание людей древнего каменного века отождествляло предмет и изображение; совершая ритуальный обряд перед охотой, изображая и поражая подобие животного, они не сомневались в дальнейшем успехе своего дела. Первобытный художник старался как можно точнее воспроизвести натуру.

Затем происходит странная метаморфоза. Художники как бы разучились рисовать. В новом каменном веке изображения становятся условными. Нет прежней яркости и выразительности; появились таинственные знаки, смысл которых невозможно разгадать. Смысл и образ отделились друг от друга. Можно предполагать, что это связано с появлением религиозных верований. Исчезает первозданная псевдогармония, некогда простой и единый мир предстает теперь перед сознанием человека как обиталище сверхъестественных и непонятных сил. И это сверхъестественное, непонятное содержание наполняет образы искусства. Образ становится символом, значение которого далеко не всегда поддается четкому истолкованию. Гегель (которому были неизвестны памятники неолита) примеры подобного искусства находит в Древнем Египте. И наиболее яркий — фигура сфинкса. Он является как бы символом самого символизма.

В древнегреческом мифе об Эпиде сфинкс задает вопрос: кто ходит утром на четырех, днем на двух, а вечером на трех ногах? Эдил быстро нашел разгадку. Он ответил: человек — и сбросил сфинкса со скалы. Разгадка символа, резюмирует Гегель, заключена в душе человека, свет сознания заставляет содержание просвечивать сквозь принадлежащую ему форму. Символика становится осознанной.

Так Гегель подходит к категории возвышенного. Перед его глазами — кантовский анализ проблемы. Кенигсбергский философ правильно видел смысл категории возвышенного в том, что она выражает собой все возвышающее человека. Мы чувствуем прилив духовных сил от созерцания обьектов, величина которых превосходит наш привычный чувственный масштаб, возвышенное но Канту — это безмерное, бесконечное; содержатся возвышенное не в предметах природы, а лишь в нашей душе.

Гегелю близки поиски духовного содержания возвышенного, но он не согласен с перенесением целиком в «субъективность души». Возвышенное выражает собой некое объективное содержание духа, воплощающееся в определенных исторически сложившихся формах искусства — поэзии индийца, персов я древних иудеев.

В символе главным был образ. Последний обладал смыслом, хотя полносью и не мог его выразить. Этому символу с неясным содержанием противостоит теперь смысл как таковой в его ясном понимании; художественное произведение становится носителем чистой сущности, которая, однако, не может найти пластического воплощения. Бог есть творец вселенной — это, по Гегелю, наиболее зрелое выражение возвышенного. Изобразительные искусства здесь бессильны, только посредством слова можно создать возвышенное представление о божестве.

На смену символическому приходит классическое искусство Древней Греции. Основой классического искусства служит абсолютная гармония содержания и формы. «Здесь искусство в такой мере достигло своего собственного понятия, здесь оно приводит идею как духовную индивидуальность в такую непосредственную и совершенную гармонию с ее телесной реальностью, что теперь впервые внешнее существование уже не сохраняет больше никакой самостоятельности по отношению к смыслу, который оно должно выражать. И наоборот, внутреннее содержание в своем образе, выработанном для созерцания, показывает лишь само себя и утвердительно соотносится в нем с собою».

Греческое искусство для Гегеля — реальное бытие идеала. Греки не задержались на ступени восточного деспотизма, про котором человек исчезает во всеобщей субстанции государства, и не достигли субъективизма христианской Европы, где личность отрывается от целого.

Их уделом была счастливая гармония индивидуального и всеобщего, прекрасным воплощением которой стала греческая поэзия и пластика. Последняя (скульптура) является наиболее подходящей формой для воплощения идеала — возвышенного божественного содержания в форме прекрасной человеческой индивидуальности.

Но классические боги несут в себе зародыш своей гибели. Они возникли лишь в камне и металле, антропоморфизму греческих богов недостает действительного человеческого существования, как духовного, так и телесного, Это приносит с собой только христианство, в котором дух человеческий начинает возвращаться в бесконечность внутренней жизни.

Ничего более прекрасного, чем классическое искусство, по мнению Гегеля, «быть не может и не будет». Однако существует нечто более высокое, чем прекрасное явление духа в непосредственном чувственном облике, даже если этот облик создан самим духом как адекватный ему. Возвышаясь, красота становится духовной. Классическое искусство сменяется

романтическим. Здесь все содержание концентрируется во внутренней жизни духа, внешние формы снова играют подчиненную роль. Образ канонически задан, все телесное в нем служит лишь выявлению святости, глубины страдания и божественного покоя. Речь идет о религиозном искусстве средневековья, единственным сюжетом которого было священное писание. Строго говоря, по Гегелю, это уже не искусство: страсти господни, жития мучеников, картины Страшного суда не могут воплотиться в форму прекрасного. «Мучения и неслыханные ужасы, увечья и уродование членов, телесные истязания, действия палачей, обезглавливание, поджаривание, сожжение, погружение в кипящее масло, колесование и т. д., взятые сами по себе, являются безобразными, противными, отвратительными внешними фактами. Они настолько далеки от красоты, что здоровое искусство не должно избирать их своим предметом. Способ трактовки этих предметов по своему исполнению может быть превосходным, но в этом случае интерес, вызываемый превосходным исполнением, всегда относится только к субъективному аспекту, который хотя и может представляться отвечающим художественным требованиям, все же тщетно старается согласовать со своим совершенством неподходящий материал».

Романтическое искусство связано с утверждением некоторых новых эмоциональных сторон жизни, которых в полной мере не знал древний мир. Таковы понятия о чести, чувстве половой любви и верности господину. В комплексе они образуют духовную характеристику рыцарства — светский материал средневекового художественного творчества.

Дальнейшее движение романтического искусства на заключительном его этапе ведет к все большему внутреннему разложению самого материала искусства. Чем больше совершенствуется мастерство, тем решительнее исчезает субстанциальное начало. Искусство исчерпывает свое содержание. А когда исчерпано содержание предмета, к нему пропадает интерес. «Дух трудится над предметами лишь до тех пор, пока в них есть некая тайна, нечто нераскрывшееся». Искусство уже не содержит больше тайны, перед аналитическим взором исследователя оно как труп в анатомическом театре. Его место давно заняла религия.

Похоронив, таким образом, художественное творчество, Гегель, однако, не спешит с ним распрощаться. В рассмотрении его «Лекций по эстетике» мы достигли только середины. Историческую схему развития искусства философ дополняет схемой логической — анализом системы отдельных видов и

жанров.

Начало искусства — архитектура, она соответствует в целом символической ступени развития художественного творчества. Классическое искусство — скульптура; романтические искусства, призванные «оформлять внутренние переживания субъекта», — живопись, музыка, поэзия.

Архитектура — это предыскусство, ее назначение служебно, отягощено внехудожественной потребностью, ее форма целиком символична. Подлинное искусство в его завершенной, классической форме начинается и кончается скульптурой. Пластика либо оставалась греческой, либо шла назад, сказал когда-то Гердер. Гегель разделяет эту точку зрения. Пластические изображения можно, правда, найти и в более древние времена, но это еще не сама скульптура, а лишь путь к ней. Египетским изваяниям недостает грации и жизненности, их контуры прямы, поза кажется неестественной и принужденной, ноги с неестественно широкими ступнями тесно прижаты друг к другу, руки висят вдоль тела как плети, жилы, мускулы и суставы только намечены. В выражении лиц не заметно одухотворенности, она не нашла внешнего воплощения. Но все это не результат неумения, это канон, традиция.

Греческая скульптура лишена благоговения перед традицией, сковывающей художника. Здесь открывается подлинная свобода творчества, которой удается, с одной стороны, полностью включить всеобщность значения в индивидуальность образа, а с другой стороны, возвысить чувственные формы до высоты подлинного выражения их духовного смысла. Единство всеобщности и индивидуальности — этот высший, по Гегелю, принцип искусства — находит здесь наиболее полное воплощениеВ анализе античной пластики Гегель опирается в основном на Винкельмана, величайшего знатока античного искусства, в частности скульптуры. Он вспоминает знаменитый спор, возникший полвека назад вокруг винкельмановского описания скульптурной группы Лаокоона, задыхающегося в кольцах огромной змеи. Винкельман считал, что гибнущий герой издает не безумный крик, а приглушенный стон, ибо это соответствует греческому идеалу красоты: человек даже в самую трагическую минуту не должен терять величия и спокойствия. Винкельману возражал Лессинг в работе «Лаокоон», которая посвящена выяснению границ между изобразительным искусством и поэзией. Сдержанность Лаокоона, писал Лессинг, выражает не рассудочное величие греков как нации; это следствие ограниченных возможностей скульптуры вообще, которая имеет предел в передаче страстей и заставляет

художника ограничиться изображением телесной красоты. Включившийся в полемику Гердер стремился занять промежуточную позицию: он принимал лессинговский анализ особенностей скульптуры, но считал, что Винкельман историчнее в своем подходе. Гегелю представляется весь этот спор надуманным, хотя он явно усваивает положительные его результаты. В анализе группы Лаокоона он тонко подмечает, что по пониманию позы и способу разработки это произведение принадлежит не к классическому периоду, а к более поздней эпохе, которая стремится заменить простую красоту и жизненность тем, что выставляет напоказ свое знание строения и мускулатуры человеческого тела, желает нравиться утонченной прелестью обработки. «Шаг от наивности и величия искусства к манерности уже сделан».

Дальнейшая история пластики для Гегеля — это ее распад. В романтическом искусстве скульптура не задает тона, уступая свое место живописи, музыке, поэзии как более подходящим для передачи внутренних переживаний. С пластикой Возрождения Гегель в прелом был незнаком. Он говорит, правда, с восхищением о Микеланджело, но описанный им надгробный памятник графу Нассау в Бреде не принадлежит резцу гениального итальянца.

Переходя к анализу живописи, Гегель отмечает, что она «абстрактнее», чем скульптура. II хотя живописцы берут предметом своего изображения конкретные вещи — людей и их окружение, ландшафты, здания, корабли и т. д., но во всех этих произведениях зерно их содержания составляют не сами предметы, а характер их восприятия, чувство художника. Картина не копия внешних объектов, а раскрытие внутреннего мира творца. Объект в живописи более или менее безразличен. Ф. Шлегель назвал архитектуру окаменевшей музыкой; Гегель считает, что из изобразительных искусств к музыке ближе всего живопись, она как бы составляет переход от изображения к звуку. Картина двойственна: одна ее сторона — «глубина сюжета», другая — «субъективное искусство созидания», каждая из них имеет самостоятельное назначение.

Обе эти стороны живописи Гегель подвергает обстоятельному рассмотрению. Он характеризует различные душевные состояния, которые могут стать содержанием картины, — любовь, страдание, примирение и т. д. Даже в ландшафтной живописи важно не простое подражание пейзажу, а уменье подчеркнуть родство внешней стороны природы определенному настроению; только тогда этот жанр живописи имеет право на самостоятельное существование. Рабское копирование натуры вообще

недопустимо. Гегель пишет о портретах Деннера: «они действительно являются подражаниями природы, но большей частью не улавливают живого характера как такового, который здесь имеется в виду; в этих портретах все заключается в том, чтобы воспроизвести волосы, морщины — вообще то, что, правда, не сводится к чему-то абстрактно мертвому, но столь же мало составляет живое человеческое лицо».

Что касается подлинной портретной живописи, то Гегель ставит ее очень высоко: прогресс живописи, начиная с ее несовершенных опытов, заключается в том, чтобы «доработаться до портрета». Это очень важная для понимания эстетической концепции Гегеля идея. Он видит прогресс не только в развитии всего искусства в целом, но и в каждой его разновидности. Первоначально живопись ограничивается религиозными сюжетами, воплощаемыми в стандартные образцы при элементарной архитектонике и неразработанном колорите. Затем в религиозные ситуации все больше и больше привносятся индивидуальность, живая красота образа, глубина внутренней жизни, волшебство колорита, пока искусство не обратится к мирской жизни и с такой же любовью, с какой оно отдавалось религиозным сюжетам, не усвоит до мельчайших деталей природу, повседневную жизнь или исторически важные события прошлого. Византия, Италия, Нидерланды — такова схема поступательного развития живописного искусства.

Как все схемы, она страдает натяжками. По-настоящему Гегель знал только голландскую и немецкую живопись (он их отождествлял). С византийскими и итальянскими мастерами философ был знаком в основном по литературе. В угоду схеме «Сикстинскую мадонну» Рафаэля, которую он неоднократно лицезрел в Дрездене, в отношении колорита Гегель ставит ниже картин голландцев. А овладение колоритом, линейная перспектива, передача движения, по Гегелю, служат важнейшим признаком прогресса в живописи.

Краски в картине должны слиться в единое целое. Здесь Гегель опирается на авторитет Гёте, учение о цвете которого было величайшим теоретическим предвосхищением последующего развития искусства живописи. Раньше, чем живописцы вдохновились задачей воспроизведения всей сложности реальных цветовых отношений, Гёте на страницах «Очерка учения о цвете» решал эту проблему. Он сформулировал аксиому современной живописи: окраска вещей есть цветовое соотношение между ними. Он подробно описал физиологическое и эстетическое воздействие цвета как такового: желтый цвет производит теплое и приятное впечатление, синее вызывает в нас чувство холода и

уходящего вдаль пространства, красное настораживает и возвеличивает.

Гегель убежден, что живопись развивается в сторону свободы видимости, которая «больше не связана с образом как таковым, ей разрешено самостоятельно отдаваться игре сияния и отблесков, волшебству светотеней, самих по себе». Уничтожение в этой игре пространственности превращает ее в музыку, в искусство, которое непосредственно обращено к самому чувству. Музыка живет в сфере, совершенно противоположной архитектуре, и все же Шлегель был не так уж не прав, сопоставляя эти два вида искусства. И там и здесь действуют законы гармонических соотношений, которые могут быть строго исчислены. С поэзией музыку роднит один и тот же чувственный фундамент — звук. Меньше всего сходство у музыки со скульптурой. Скульптор выявляет вовне, выставляет то, что уже дано в представлении. Композитор творит в свободной стихии внутренней жизни. Как художник он «свободен от содержания».

Речь, правда, в данном случае идет о самостоятельной, инструментальной музыке. Другая ее разновидность — аккомпанемент, музыка, связанная с текстом, с практическими устремлениями человека. С песнями шли в бой спартанцы, боевые трубы воодушевляли гезов, и нельзя представить себе французскую революцию без «Марсельезы». Итальянская публика в опере во время менее значительных сцен болтает, ест и даже играет в карты, но все затихают, когда начинается исполнение выдающейся арии, немцы же, по мнению Гегеля, — немузыкальные педанты, их больше всего интересует судьба оперных принцев и принцесс, и они досадуют, когда пение мешает пониманию текста.

Двум типам музыки косвенно соответствует два типа исполнения: виртуозное воспроизведение и импровизация. Во втором случае исполнитель поступает как художник, он творит, дополняя, углубляя, одухотворяя написанную музыку. Так, Россини облегчает и в то же время затрудняет задачу певцов, нередко предоставляя им свободу сотворчества.

В инструментальной музыке искусство впадает в «необъяснимую субъективную сосредоточенность»; тон сам по себе бессодержателен, для сохранения содержания музыка нуждается в тексте, в искусстве слова, то есть в поэзии. Это третье романтическое искусство, «снимающее», то есть объединяющее на высшем этапе живопись и музыку. Поэзия в состоянии выразить не только субъективную проникновенность, но и своеобразие внешнего бытия. На место чувственных форм она выдвигает духовные.

Еще Гердер, полемизируя с Лессингом, подметил, что автор «Лаокоона» не чувствует принципиального различия между живописью и поэзией. Знаки, которыми пользуется изобразительное искусство, основаны на свойствах изображаемого предмета. Средства выражения поэзии условны, это членораздельные звуки, общепринятые символы, не имеющие ничего общего с предметом, который они обозначают. Другими словами, действие живописи основано на непосредственном восприятии, действие литературы опосредовано существованием мышления и языка.

Гегелю это известно, и он дает поэзии совет держаться середины между абстрактной всеобщностью мышления и чувственно конкретной телесностью. Но подлинное художественное творчество для Гегеля чувственно-конкретно. Поэтому для него «поэзия раскрывается как то особое искусство, в котором одновременно искусство само начинает распадаться».

Поэтическое (более древнее) сознание Гегель противопоставляет (возникшему позднее) прозаическому, которое хотя и оперирует языком, требует мастерства, но находится уже целиком или частично за пределами художественного творчества. Один пример искусства прозы — историческое описание — мы рассмотрели в предыдущей главе, другой пример — красноречие. Оратор обращается не только к разуму аудитории, но и к ее чувству, его задача не только доказать свою правоту путем строгих умозаключений, но возбудить страсть, увлечь за собой. И все же это не искусство, не поэзия. Ибо произведение искусства не преследует никакой другой цели, кроме создания прекрасного и наслаждения им, «художественная деятельность не есть средство в отношении результата, вне ее находящегося». В красноречии мастерство выполняет функцию вспомогательной деятельности, цель в собственном смысле не имеет отношения к искусству. Оратор всегда учитывает место, где он выступает, степень образованности, способность восприятия и характер слушателей, чтобы не упустить желаемого практического результата.

Призывая поэзию остерегаться цели, лежащей за пределами искусства и чистого художественного наслаждения, Гегель приближается к Канту с его теорией незаинтересованной красоты и удаляется от исходной своей посылки о красоте как форме истины. Поэзия и проза для Гегеля — антиподы. «В прозе выделяется не образ, а смысл как таковой, становящийся содержанием: благодаря этому представление превращается в голое средство, чтобы довести содержание до сознания... В качестве закона для прозаического представления мы, с одной

стороны, можем выставить верность, а с другой стороны — отчетливую определенность и ясное уразумение, между тем как метафорическое и образное вообще до известной степени всегда неотчетливо и неверно». Вслед за Шеллингом Гегель характеризует поэтическое произведение как «бесконечный организм», проза же всегда однозначна.

Гегель, правда, замечает, как рождается и набирает силы новый вид искусства — художественная проза. Он называет роман «современной буржуазной эпопеей», но не делает его предметом детального анализа. Это не случайно. Развитие художественной литературы, достигшей высокого уровня в XIX и XX веках, убедительнее всего опровергает тезис Гегеля о гибели искусства. Правда, литература — особый вид искусства, она существует на его границах, то переступая их, то снова к ним возвращаясь. Первоначально литературное и научно-философское творчество слиты воедино: диалоги Платона — это памятники и науки и искусства. В новое время художественная литература выделяется как нечто самодовлеющее. Но в новейшее время происходит «отрицание отрицания», в наши дни снова возникает своеобразный симбиоз научного (гуманитарного) знания и искусства. Многие современные литературные произведения имеют и художественную и теоретическую ценность. И надо сказать, что в эпоху Гегеля эта проблема вставала перед его оппонентами-романтиками. Их интерес был прикован к судьбам романа (отсюда и название направления — «романтизм») как к универсальной форме искусства. Заглядывая в будущее, они предрекали не гибель искусства, а его расцвет на путях взаимного сближения литературы и философии.

Художественные интересы Гегеля почти целиком в далеком прошлом. Рассматривая проблему эпоса, он с большой любовью и знанием дела говорит об «Илиаде» и «Одиссее». Меньше симпатии вызывает у него «Песнь о Нибелунгах». Правда, в этом «подлинно германском» произведении имеется «национальное субстанциальное содержание», но характеры слишком прямолинейны, напоминают «грубые деревяшки» и не идут в сравнение с развитыми духовными индивидуальностями гомеровских героев.

Подлинный эпос невозможен в нашу прозаическую эпоху. Гегель настолько убежден, что ни один современный писатель не в состоянии окунуться в атмосферу древней народной жизни, что не сомневается в подлинности поэм Оссиана; те критики, которые выдают их за изделия Макферсона, по его мнению, проявляют удивительную слепоту и непонимание законов искусства.

От эпоса к лирике, от объективной, всеобъемлющей картины

жизни к миру внутренней субъективности. Если для расцвета эпоса необходимо такое состояние народа, которое в целом еще не созрело для прозы действительности, то для лирики благоприятна эпоха, когда тот или иной порядок жизни сложился; лишь в такую пору отдельный человек замыкается в мире своих чувств и начинает рефлектировать.

Рассматривая исторические этапы развития лирической поэзии, Гегель начинает с народного творчества. Он отмечает заслуги Гердера, пробудившего интерес к песням, в которых проявилось своеобразие различных наций; он славит лирику античности и находит даже проникновенные слова для современности, в частности для Гёте: «Редко встречается человек с такими разносторонними интересами, как он, однако, несмотря на эту бесконечную широту, он постоянно жил внутри себя и все, что его затрагивало, превращал в поэтические образы».

Высшая форма поэзии — драма, которая соединяет объективность эпоса с субъективностью лирики. Необходимым условием драмы является изображение человеческих действий; здесь перед нашим взором предстают и побудительные мотивы, и конечные результаты «всей этой людской сутолоки». Там, где для обычного взгляда царят неясность, случай и произвол, поэту-драматургу раскрывается разумный порядок вещей.

Драма как произведение искусства имеет свои каноны. Гегель подвергает их критическому рассмотрению. В отношении единства места он рекомендует «средний путь», чтобы не оскорблять «прав действительности», но и не быть педантичным. Аналогичным образом дело обстоит и с единством времени. Неприкосновенным законом драмы является, по мнению Гегеля, единство действия. Современные произведения по сравнению с античными представляют собой нечто более рыхлое, однако и здесь видна связь эпизодов, представляющих некое законченное целое.

«Средний путь» выбирает Гегель и при ответе на вопрос, каким должен быть язык драмы. Дидро, Лессинг, Гёте и Шиллер в своем творчестве берут сторону «так называемой естественности в противоположность условному театральному языку и его риторике». Говорить сегодня на сцене, как в античной трагедии или французской комедии, действительно, нельзя. Но и избыток реальности может, с другой стороны, вылиться во что-то сухое и прозаическое. Грубость речи есть достояние отдельного лица, поддающегося вспышкам бесформенного настроения, вежливость, наоборот, представляет собой абстрактно всеобщее. «Между этой исключительно формальной всеобщностью и этим естественным выражением необструганного своеобразия находится подлинно

всеобщее, не остающееся ни формальным, ни лишенным индивидуальности». И здесь философ строит триаду. Аналогичным образом, преодолевая крайности, решает он и проблему характера: не должно быть ни «абстракции определенных страстей», ни «лишь поверхностной индивидуальности», только синтез того и другого приводит художника к успеху.

Что касается актерской игры, то в этой области, по мнению Гегеля, существуют две системы. В первом случае театр является «живым органом поэта», здесь господствуют «высокий тон» и сценическая условность. Противоположную установку театрального искусства надлежит искать там, где все доставляемое поэтом является лишь рамкой для естественной игры актера. Актер не имеет права ограничиваться «ходячей естественностью», он должен постоянно иметь в виду публику, обращаться к ней и возвыситься, таким образом, до подлинной виртуозности, которая роднит его в этом отношении с музыкантом, выступающим в роли сотворца исполняемого произведения. Этот принцип игры в равной мере применим и в трагедии и в комедии.

Трагическое действие есть сфера столкновения субстанциальных сил. В основе трагедии лежит конфликт, при котором обе стороны одинаково правы, но достичь своей цели они могут только за счет того, что одна уничтожает или подавляет другую. В результате гибели индивидуальности, нарушившей покой, вновь обретается равновесие. В трагической развязке, вызывающей страх и сострадание, наступает примирение. Страх может внушить нам негодяй и сострадание вызвать оборванец, но в данном случае речь идет об ином, содержательном аффекте. И не всякая грустная история есть трагедия. Подлинно трагическое страдание возникает не в результате случайных обстоятельств, а предопределено сознательным поведением одновременно и оправданным и преисполненным вины, за которую действующее лицо отвечает всем своим «я». Трагические герои столь же невинны, как и виновны. Человек виновен только в том случае, если ему предоставили выбор и по собственной вине он решился на определенный поступок. Герои античной трагедии выполняют высшие предначертания, у героев позднейших времен тоже нет выбора, они сознательно избирают единственно возможный для них, роковой путь. Поэтому трагическая гибель неизбежна, случайность выступает здесь лишь как форма проявления необходимости. Если подойти с внешней стороны, то смерть Гамлета кажется случайной развязкой поединка с Лаэртом. Но в

глубине души Гамлета с самого начала таится смерть. Грани конечного бытия его не удовлетворяют, при такой грусти и мягкости, при такой скорби, таком отвращении ко всем условиям жизни, мы с самого начала чувствуем, что в этом чудовищном окружении он потерянный человек.

Гегель пытается наметить исторические границы трагических коллизий. Для подлинно трагического действия необходимо, чтобы уже проснулся принцип индивидуальной самостоятельности, желание самому постоять за собственный поступок и его последствия. Восток не знает трагедии; ее родина —Греция; последняя эпоха, исполненная трагизма, — исход средних веков. «Эпоха Геца и Франца фон Зикингена интересна тем, что в это время рыцарство дворянская самостоятельность его представителей гибнут от рук вновь возникшего объективного порядка и законности. То обстоятельство, что Гёте избрал темой своего первого драматического произведения эту коллизию между средневековой эпохой героев и законоупорядоченной современной жизнью, свидетельствует о его большом уме. Ибо Гец и Зикинген являются еще героями, которые самостоятельно хотят регулировать условия своего более широкого или узкого круга, опираясь лишь на свою личность, и дерзновение, и незамутненное чувство справедливости; однако новый порядок вещей делает самого Геца неправым и проводит к гибели».

«Новый порядок» — это буржуазное общество с его развитыми правовыми и политическими условиями, оно чуждо героике и лишено трагических коллизий. В современном мире каждый отдельный человек принадлежит существующему общественному строю и выступает не как самостоятельный, целостный и индивидуально живой образ этого общества, а как его клеточка. Содержание интересов и целей индивида носит сугубо частный характер, отдельное лицо не является больше носителем общественных сил. С другой стороны, по мнению Гегеля, буржуазный порядок закономерен и разумен. Восставать против него — значит восставать против разума. Избранный Карлом Моором, героем Шиллера, путь борьбы является роковой ошибкой, «этот разбойничий идеал может соблазнить лишь детей».

Историзм Гегеля и здесь целиком обращен к прошлому. История была когда-то, а теперь ее больше нет. Проза буржуазной жизни душит любые благородные порывы. Рано или поздно, Гегель твердо убежден в этом, «субъект обламывает себе рога» и вплетается в существующие отношения. Сколько бы тот или: иной чечеловек в свое время ни ссорился с миром, сколько бы ни бросало его из стороны в сторону, он в конце концов находит себе

какую-нибудь службу, женится и делается таким же филистером, как все другие. Жена будет заниматься домашним хозяйством, не преминут появиться дети; женщина, которая еще недавно казалась единственной, ангелом, будет вести себя приблизительно так, как и все прочие. Служба заставит работать и будет доставлять огорчения, брак создаст домашний крест. Таким? образом, ему выпадает на долю ощутить всю горечь похмелья. Трагедия вырождается в фарс.

Современная эпоха, по Гегелю, развивается под знаком антипода трагедии — комического. Это тоже способ решения коллизий, но только сугубо личный, приносящий, по сути дела, псевдорешение, вернее — просто успокоение. Это «блаженство и удовлетворение субъективности, которая в своей самоуверенности может переносить разрушение своих целей».

Во суть комического не только в индивидуальных способностях, должна быть и некая объективная подоплека, острый ум замечает ее быстрее других. Комическим оказывается любой контраст, любое несоответствие между внутренним и внешним, сущностью и проявлением, целью и средством и т. д. Если предмет не содержит в себе самом внутреннего противоречия, то комизм получается поверхностным.

Смеяться — значит осознавать одновременно и свое превосходство, и свое бессилие; комедия — это своеобразная вершина искусства, но одновременно и его полный распад. Гегель не видит а смехе созидательного начала и весьма озабочен его разрушительными возможностями. Больше всего его пугает ирония, незаметно подтачивающая глубинные основы существующего миропорядка, которые, по Гегелю, разумны и незыблемы. Именно здесь коренится главное расхождение великого диалектика с романтической школой, отказавшейся от революционной борьбы, но взявшей иронию на свое вооружение.

Подведем некоторые итоги. Эстетика Гегеля — это грандиозное здание, которое и сегодня, хотя лежит наполовину в руинах, поражает величием замысла и исполнения. Это дерево-исполин, листва которого засохла и облетела, но благородные очертания все еще привлекают взор. Живое здесь сочетается с мертвым.

Живет идея о деятельном характере красоты, о всеобъемлющем значении этой категории для эстетики, живет исторический взгляд на искусство, на смену, расцвет и увядание различных его форм. Но давно рассыпалось в прах прокрустово ложе системы, в которое невозможно уложить сложный и развивающийся мир искусства. Гегель вынес художественному творчеству смертный приговор, исполнение которого не

состоялось, Эстетика Гегеля, как и вся его диалектика, обращена лицом к прошлому; мыслитель, настойчиво проводивший идею о прогрессе искусства, ограничивает этот прогресс давно ушедшими временами. Нельзя сказать, чтобы Гегель не знал современного искусства (далее мы убедимся в его отнюдь не кабинетном интересе к живописи, театру, музыке), но ничто не могло сломить глубоко укоренившееся предубеждение, порожденное всей системой взглядов: век искусства позади, наступает эпоха науки.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ. БОГ УМЕР

Христос умер за наши грехи так давно, что скоро это станет неправдой.
Гегель

Вопросы веры всегда волновали Гегеля. Размышляя над ними, он создавал свое учение. Его лекции по философии религии пользовались неизменным успехом. Курс о доказательствах бытия божьего собрал максимальное количество слушателей — 200 человек.

Для нас гегелевская философия религии интересна прежде всего как наиболее слабое звено концепции. Слабое в том смысле, что именно здесь лопнула железная цепь системы. К проблемам религии было приковано главное внимание учеников Гегеля, в этой области разгорелись наиболее оживленные споры после смерти философа, и как логическое их завершение возник антипод гегельянства — атеизм Фейербаха. Это произошло с той же необходимостью, с какой гегелевская теория религии пришла на смену наивному безбожию просветителей.

В течение веков свободная мысль, боровшаяся с верой в бога, смотрела на религию как на мошенничество, выдумку ловких обманщиков, предназначенную для обуздания темного человека. «О трех обманщиках» — так прямо и назывался напечатанный в XVIII веке атеистический трактат, посвященный основателям трех религий — иудейства, христианства, мусульманства. Просветители были правы, утверждая, что религиозные догмы и мифы не содержат истинного знания, но они ошибались, усматривая в одном только знании средство для преодоления веры. Получалось, что лишь образованный человек может стать атеистом. Беда просветителей состояла в том, что общество представлялось им конгломератом изолированных индивидов. Изменить жизнь людей, в частности устранить религию, они надеялись, апеллируя к разуму и знаниям отдельного человека. Между тем в образованной среде возникали свои предрассудки.

Столь же утопической была идея освобождения общества от религии путем моральной компрометации духовенства. «Я знаю только одно-единственное средство уничтожить религию, — писал Дидро, — именно: сделать ее служителей презренными в глазах общества благодаря порокам и убожеству. Сколько бы философы ни доказывали нелепость христианства, эта религия погибнет лишь тогда, когда у врат Собора богоматери или св.

Сульпиция нищие в разодранных рясах станут предлагать по дешевке обедни, отпущение грехов и причащение и когда можно будет получать через этих мошенников девок». Увы, история церкви опровергла это представление: нравственный упадок католицизма привел в свое время не к исчезновению веры, а к Реформации.

Пути, по которым шли просветители, не могли привести к устранению религии. Для решения подобной задачи нужно было распрощаться с установкой на «разумного индивида» и рассмотреть религиозное сознание как социальный институт. В этом именно и состоит значение философии религии Гегеля. Его богословская концепция парадоксальным образом оказалась существенным и необходимым моментом в истории атеизма.

Уже в «Феноменологии духа» Гегель писал о том, что нелепо рассматривать веру в бога как некий «фокус-покус фиглярствующего духовенства». Религия с необходимостью возникает и видоизменяется в ходе развития духа», то есть общественного сознания. Исторический подход к религии — такова вторая важная особенность гегелевской концепции.

Вместе с тем, как и в других областях философии, результаты, достигнутые Гегелем, были связаны и с некоторыми потерями по сравнению с его предшественниками. Кант подверг критическому рассмотрению и отверг все логические доказательства бытия бога. Гегель попытался восстановить их.

Искусство, по Гегелю, постигает истину в форме чувственного созерцания, религия достигает следующей ступени — представления. Гегель не согласен с Шлейермахером, который ограничивал веру в бога сферой чувства, чувства зависимости. Если так, иронизировал Гегель, то собака лучший христианин: она вся живет этим чувством, ей ведомо даже чувство благодати, когда хозяин бросает ей кость. Религиозное переживание необходимое, но недостаточное условие веры. Любое чувство, любое переживание субъективно, а бог должен быть постигнут в его всеобщности. Форма всеобщности — разум.

Полемику с Кантом Гегель начинает с так называемого космологического доказательства. Суть оного состоит в том, что, как все на свете, сам мир должен иметь свою причину, каковой и является бог. На философском жаргоне это звучит следующим образом: если нечто существует, то должна существовать и безусловно необходимая, всереальнейшая сущность. В этом космологическом доказательстве, писал Кант, сосредоточено столько софистических хитросплетений, что кажется, будто спекулятивный разум пустил в ход «все свое диалектическое искусство», дабы возможно больше запутать дело. В слово

«диалектика» Кант вкладывал сугубо дурной смысл; для него это сфера противоречий, в которых запутывается человеческий ум. В космологическом доказательстве он обнаружил целый ряд уязвимых с точки зрения логики мест. Рассуждения о всеобщей причинной зависимости, говорит Кант, приложимы к сфере чувственного опыта, но нет оснований переносить их в сверхчувственный мир (где эта сущность должна находиться). Тем более нет оснований отрицать возможность бесконечного ряда случайных причин и следствий. Где доказательство того, что наш разум требует завершения этого ряда? И наконец, никак нельзя смешивать наши рассуждения на эту тему с фактом реального существования. Допускай себе на доровье любую высшую необходимую сущность, но не заходи так далеко, чтобы утверждать, что такая сущность необходимо существует. Таково резюме соответствующего раздела «Критики чистого разума».

Слабое место в этих рассуждениях Канта — противопоставление чувственного мира явлений сверхчувственному миру «вещей самих по себе». Гегель не замедлил этим воспользоваться. Бог не непознаваемая «вещь сама по себе», познанию доступно все; Кант принижает разум, истинной сферой которого как раз является не чувственный, а умопостигаемый мир — таково первое возражение Гегеля.

Второе его возражение демонстрирует во всем блеске то самое «диалектическое искусство», которого не без оснований опасался Кант. Кто дал право, спрашивает Гегель, противопоставлять случайность необходимости? Где случайность, там и необходимость, субстанциальность, которая и является предпосылкой случайности. Мысль о связи необходимости со случайностью противоречива. Ну и что? Это слишком большая нежность по отношению к вещам полагать, что они лишены противоречий. И поверхностный повседневный и самый глубокий опыт свидетельствуют об обратном — о всеобщности противоречия.

Далее Гегель переходит к телеологическому доказательству бытия бога (оно же физико-теологическое). Весь мир свидетельствует о мудрости творца, настолько все в нем упорядочено и целесообразно, для поддержания жизни нужны пища, вода, воздух, ни в чем этом нет недостатка. Слишком сложна цепь существующих на земле взаимодействий, чтобы мыслить ее не созданной по разумному плану. Телеологическое доказательство, говорит Кант, заслуживает того, чтобы о нем говорили с уважением: это самый ясный, наиболее соответствующий обыденному рассудку аргумент. Контраргумент Канта гласит: целесообразность и гармония природы касаются

формы вещей, а не их материи (содержания), следовательно, самое большее, чего можно достичь при помощи физико-теологического аргумента, — доказать существование зодчего, мастера, обрабатывающего готовый материал, но не творца мира.

Возражая Канту, Гегель опять пускает в ход диалектику. Разве можно рассматривать форму в отрыве от содержания? Лишенная формы материя — это бессмыслица. Точно так же нельзя изолировать цель от средства. Цели не существуют сами по себе. В природе много целесообразного, но не меньше и бесцельного, бессмысленного. Миллионы зародышей гибнут, не превратившись в живые существа; жизнь одних основана на смерти других; да и человек, преследуя высокие цели, совершает бездну бесцельных поступков; созидая, разрушает. Разум диалектичен, и наивно думать, что в мире все продумано до мелочей: неужели пробковое дерево бог создал для того, чтобы было чем затыкать бутылки? Гегель не замечает, что здесь его слова не только не подкрепляют, но, наоборот, опровергают идею божественной целесообразности.

И наконец, третье — онтологическое доказательство. Сравнительно молодое по возрасту (его автор — средневековый схоласт Ансельм Кентерберийский), оно сводится к следующему: бог представляется нам самым совершенным существом. Если это существо не обладает признаком бытия, значит оно недостаточно совершенно, и мы впадаем в противоречие с самим собой, устранить которое можно, лишь признав существование бога. Найти формальную ошибку в этом рассуждении нетрудно: по количеству признаков реальный и воображаемый предмет не отличаются друг от друга; сто действительных талеров ни на йоту не больше, говорит Кант, чем сто возможных, все дело только в том, лежат ли они у меня в кармане. Понятие не есть бытие. Смешение того и другого лежит в основе и первых двух «доказательств».

Гегель в третий раз обращается к параграфам «Науки логики». Прежде всего мысль о ста талерах не есть понятие, это абстрактное представление, результат рассудочной деятельности; подлинное понятие конкретно, оно продукт разума. Что касается взаимоотношения понятия и бытия, то для выяснения вопроса достаточно взглянуть на систему диалектических категорий: бытие — исходный пункт, понятие венчает собой логику, содержит в себе все предшествующие определения, в том числе и бытие. Обычно понятие рассматривается как нечто субъективное, противостоящее объекту и реальности, для Гегеля понятие объективно, обладает самостоятельным бытием.

В целом Кант безусловно прав: доказать существование бога нельзя. Но логика, на которую опирается Кант, формальна,

поэтому диалектик Гегель в деталях берет верх. На слабость аргумента Канта о воображаемых и действительных талерах обратил внимание Маркс: «Если кто-нибудь представляет себе, что обладает сотней талеров, если это представление не есть для него произвольное, субъективное представление, если он верит в него, то для него эти сто воображаемых талеров имеют такое же значение, как сто действительных. Он, например, будет делать долги на основании своей фантазии, он будет действовать так, как действовало все человечество, делая долги за счет своих богов. Наоборот, пример, приводимый Кантом, мог бы подкрепить онтологическое доказательство. Действительные талеры имеют такое же существование, как воображаемые боги. Разве действительный талер существует где-либо, кроме представления, правда, общего или, скорее, общественного представления людей? Привези бумажные деньги в страну, где не знают этого употребления бумаги, и всякий будет смеяться над твоим субъективным представлением. Приди со своими богами в страну, где признают других богов, и тебе докажут, что ты находишься во власти фантазий и абстракций... Чем какая-нибудь определенная страна является для иноземных богов, тем страна разума является для бога вообще — областью, где его существование прекращается» [29].

Действительно, чего добился Гегель? Доказал ли он существование бога? Увы, он показал лишь ограниченность логики Канта и неисчерпаемые возможности диалектического способа мышления. Не более того.

Бог Гегеля, если разобраться по существу, — это саморазвивающийся мир, в котором главное место отведено деятельности человека, превращающей идеальное в реальное. Ортодоксальные представления о божестве Гегель отвергал в зрелые годы так же, как и в юности. В лекциях о доказательствах бытия бога он высмеивает верующего обывателя: «Кум Бризе говорил мне вчера о величии господа бога, и мне пришло в голову, что всемилостивый господь знает по имени каждую пташку, каждого мотылька, каждого жучка, каждого комарика, как мы своих в деревне: Грегор Шмидт, Петер Бризе, Ганс Хайфрид. Вы только подумайте, господь знает каждого комарика, а они так похожи друг на друга, как братья и сестры, вы только подумайте!» Такого бога господин профессор не признает. Может быть, господин профессор верит в бога Спинозы, тождественного с природой? Упаси боже, от пантеизма Гегель открещивается столь же решительно, как и от обывательских представлений о Саваофе, восседающем в небесах на золотом троне. Для пантеиста дух и материя равноправны, бог не создал природу, он слит с ней.

Гегель настойчиво подчеркивает приоритет духа, природа для него — инобытие идеи. Пантеист одухотворяет природу, Гегель третирует ее как бездуховное начало, не желая замечать даже ее красоты.

«Однажды вчером,— вспоминает Г. Гейне, слушавший в Берлинском университете лекции Гегеля, — когда звезды ярко сияли на небе, мы стояли вдвоем у окна, и я, двадцатидвухлетний юноша, мечтательно говорил о звездах и назвал их обителью блаженных. Учитель пробурчал: «Звезды, гм, гм! Звезды — это лишь светящаяся сыпь на небе». — «Боже мой! — воскликнул я. — Значит, там нет юдоли счастья, где после смерти вознаграждается добродетель?» А он, бросив на меня мутный взгляд, резко ответил: «Вы хотите, следовательно, получить на чай за то, что вы ухаживали за больной матерью и не отравили вашего брата?» Характеристика звездного неба, вложенная Гейне в уста Гегеля, почти цитата. Вот соответствующее место из «Энциклопедии философских наук»; «Эта световая сыпь так же мало достойна удивления, как сыпь на теле человека или как многочисленный рой мух». И относительно посмертного воздаяния Гейне, видимо, столь же адекватно передал мысли своего учителя. Нигде Гегель не говорит об индивидуальном бессмертии. Душа — это «сон духа», дух просыпается в сознательной деятельности человека и снова засыпает после ее прекращения.

А как обстоит дело с догматом о сотворении мира? Следует ли понимать переход логической идеи в свое инобытие, в природу именно в этом смысле? С одной стороны, вроде бы да. «Почему бог определил сам себя сотворить мир?» — спрашивает философ в «Энциклопедии». А с другой стороны, Гегель так запутывает вопрос о «сотворении природы», что ни один ортодокс-церковник с его взглядами не согласился бы. Дело в том, что логическое развитие идеи предшествует природе не во времени. Категория времени появляется лишь в природе, а развитие во времени идея совершает только на ступени «духа», то есть в жизни человека и общества.

Столь же запутана у Гегеля и проблема появления человека. Библейская версия для него — поэтическая легенда, но и эволюционная точка зрения ему представляется несостоятельной. Он убежден, что в природе высшее не возникает из низшего, неорганическая природа не существует без органической, без жизни. Следовательно, без человека? Гегель не доводит свою мысль до конца. Надо сказать, что у средневековых еретиков, восставших против авторитета священного писания, можно найти идею вечности человеческого рода. Об интересе Гегеля к мистике и ересям мы уже говорили.

В лекциях по философии религии Гегель цитирует Мейстера Экхардта: «Глаз, которым видит меня бог, есть глаз, которым я его вижу; мой глаз и его глаз суть одно и то же. Истинно, что я на весах бога, а он на моих. Если бы бога не было, не было бы и меня, если бы меня не было, не было бы и бога». Учение знаменитого мистика, осужденное в свое время церковью, превращало человека-тварь христианской религии в человека-творца, равного богу. А обожествление человека (как и очеловечивание бога) — путь свободной мысли, ведущей к устранению религии.

Гегель ходит где-то рядом. Всеми силами старается он укрепить устои религии, но на самом деде незаметно подрывает их. Религия важна для него прежде всего как социальный институт. В этой связи чрезвычайно интересны рассуждения Гегеля об абсолютных основаниях религии, о способе ее возникновения. Люди не создают веру, а воспринимают ее исторически от самого естественного из всех авторитетов — духа нации и семьи, из которого они происходят и с которым усваивают данную форму религиозного культа. Сила этого естественного авторитета чрезвычайно велика в духовной жизни народа, и что бы индивид ни воображал о своей самостоятельности, он не может выпрыгнуть за пределы веры, так как в ней заключена сама духовность этого индивида.

Другое обстоятельство, на которое обращает внимание Гегель, — отношение религии к государству. Религиозный культ, то есть ритуальные действия и обряды, регламентирующие жизнь народа, закладывает основы нравственности, которая находит свое полное воплощение, по Гегелю, в государстве. Молодой Гегель обвинял церковь и государство в том, что они действовали заодно, насаждая деспотизм. Теперь для него религия и государство — воплощение свободы. Вместе с тем цели, которые преследуют в своем стремлении к свободе религия и государство, различны: религия хочет свободы от мира, государство — свободы в мире. Эти цели могут быть прекрасно согласованы, но они могут также резко противостоять друг другу, как это имеет место в католической религии, требующей себе беспрекословного подчинения.

Протестантское богословие всегда было проникнуто духом историзма: задача состояла в том, чтобы оправдать и обосновать появление новой веры. Гегель продолжает эту традицию, рассматривая смену религиозных верований как необходимые ступени все более глубокого познания бога. Религии, следуя одна за другой, объединены не внешними признаками, а самой природой духа, который заставляет себя идти к самопознанию. В

ходе развития религии образ бога все более и более очеловечивается. Этот процесс идет рука об руку с углублением сознания свободы, что составляет, по Гегелю, содержание всемирной истории.

На первой стадии, в так называемых естественных религиях, идея бога выявляется как абсолютная сила природы, перед которой человек сознает себя ничтожным и порабощенным. Здесь Гегель вступает в противоречие с оценкой Просвещением первобытной религии как наиболее разумной и простой. Гегель, напротив, подчеркивает состояние крайней скованности, с которого начинается прогресс. Только покидая первозданную несвободу, человек познает различие между добром и злом. Райское неведение есть состояние грубости, а вовсе не невинности, оно должно быть покинуто, и глупо считать рай идеалом нравственного и интеллектуального совершенства. Идеал религии находится не в прошлом, а в будущем.

Возвышение и расцвет религиозного сознания достигаются борьбой и страданием; роза и крест связаны друг с другом; чтобы сорвать розу на кресте, необходимо взвалить на себя самый крест. Здесь содержится объяснение к туманному афоризму из предисловия к «Философии права»; «Разум есть роза в кресте настоящего времени». Черный крест на фоне сердца, увенчанного белыми розами, — герб Лютера.

Первая форма религиозной духовности человека проявляется в колдовстве, когда человек своей волей пытается прекращать или вызывать опасные для человеческой жизни явления. Затем в колдовские действия вовлекаются предметы и волшебные средства, колдовство становится косвенным, превращается в фетишизм культ животных и предков. На этой почве вырастает «огромная глупость суеверия».

Следующая ступень в развитии религии состоит в том, что силы, действующие в различных вещах, централизуются, и представляются как единая всеохватывающая, абсолютная божественная мощь, а человек осознает себя как существо ничтожное и бессильное. Это религия природы или субстанции, и только она является по-настоящему пантеистичной. В первоначальном варианте этой религии — в китайской религии — центральным моментом является чувственное представление мирового целого: всеохватывающая сущность есть небо, середину его занимает земля, в середине земли лежит Срединное царство, то есть Китайская империя, в центре которого — сын неба, богдыхан, главный волшебник, господствующий над царством живых и царством мертвых. Небо китайцев фактически находится на земле, управляет не небесный владыка, а император. В этом

царстве все регламентировано, все измерено, словно по циркулю, каждый шаг человека определен законом. Гегель называет поэтому верования китайцев — религией меры. Культ в этой религии носит всеобъемлющий характер, внутренний мир человека заменен внешними церемониями.

В индийской религии — брахманизме монархическая форма пантеизма сменяется монистической. Высший бог Брахман — скорее единое, чем единый, сущность среднего рода. Из него все возникает, к нему все возвращается. Первоначально по индийским представлениям «не существовало ни бытие, ни ничто, ни верх, ни низ, ни смерть, ни бессмертие, а было только единое, замкнутое в себе и темное; кроме этого единого, не было ничего, и оно одиноко набухало в себе самом, силою созерцания оно произвело из себя мир». Брахман расчленяется на трех богов: себя самого, Кришну, олицетворяющего жизнь в образе человека, и Шиву, начало всякого созидания и разрушения, рождения и смерти. Такова индийская троица — Тримурти, изображаемая в виде символической и, по мнению Гегеля, «некрасивой» фигуры о трех головах. Цель человеческой жизни — воссоединение с Брахманом, всеединым. Это достигается аскетическим образом жизни, медленным самоумерщвлением, отказом от интересов и склонностей, полной неподвижностью. Индийская религия антропоморфна, насквозь пронизана поэтическим творчеством, Гегель называет ее религией фантазии.

Следующая ступень — буддизм, религия «в-себе-бытия», имеющая наибольшее количество последователей. Здесь бог представляется как ничто: из ничего все произошло, в ничто все обратится. Но познается бог как вполне определенный человек — Будда, далай-лама и т. д. В этой религии высшую цель для человека составляет углубление в вечный покой, где нет воли и разума. Буддист борется не против внешнего мира, а лишь с самим собой. Высшая цель состоит в достижении нирваны, прекращении всякого волнения души и тела.

Древнеперсидская религия добра или света выступают в качестве переходной формы к более высокой стадии в развитии религиозной идеи. Всякая целесообразная деятельность наталкивается на препятствие, добру противостоит зло, свету — мрак. Эта борьба двух начал — Ормузда с Ариманом — составляет содержание древне-персидской религии, основанной Зороастром. Зороастризм импонирует Гегелю также и потому, что в нем ярко выражен государственный принцип: царь — представитель Ормузда.

Дуализм персидских верований устраняет финикийская религия страдания. Божество имеет здесь свою

противоположность не вне себя, а в себе: бог Адонис умирает и преодолевает свою смерть, рождаясь заново. Весенний праздник Адониса продолжался несколько дней. Двое суток искали умершего Адониса, предаваясь печали, поминая усопших. На третий день бог воскресал, и это был праздник радости, жизни, пробуждения природы.

В культе Адониса в чувственной, символической форме выражен бесконечный процесс жизни. Но здесь еще нет идеи бессмертия. Она появляется лишь у египтян. Египетская религия загадки занята великой тайной жизни и смерти, она сделала эту тайну предметом культа. Нигде такое внимание не уделялось погребальному обряду, воплощением которого являются гигантские пирамиды. Дворцы царей и жрецов превратились в груды мусора, а могилы их сопротивляются времени.

Загадки жизни и смерти, заданные египетской религией, разгадываются в религиях «духовной индивидуальности», к которым Гегель относит иудейскую, древнегреческую и древнеримскую веру, где бог выступает уже как некая выделившаяся из природы «свободная объективность». Характерной чертой иудейской религии возвышенности представляется впервые высказанная в ней идея творения мира богом из ничего. Эта идея, с точки зрения Гегеля, возвышеннее любых представлений о происхождении мира и богов из хаоса. Здесь сам хаос создается, а. затем формируется единым богом, который по своему образу и подобию творит человека. Несмотря на то, что человек в сравнении с богом не самостоятелен, бессилен и ничтожен, он реализует свое богоподобие в деятельности, последовавшей за актом грехопадения. Бог запретил человеку вкушать плодов от древа познания добра и зла, но соблазненный дьяволом человек вкусил запретный плод, обрел знание и стал подобен богу. Эту библейскую притчу Гегель оценивает как великую истину: знание возвышает. «Адам стал, как один из нас», — говорит бог в библии. Но за обретенное знание надо расплачиваться, человек теперь проклят, обречен на смерть и труд: «В поте лица своего будешь есть хлеб, доколе не возвратишься в землю, из которой ты взят, ибо прах ты и в прах возвратишься». В иудейской религии, отмечает Гегель, отсутствует идея бессмертия.

Страх смерти превращает человека в раба, но рабское сознание (это мы знаем по «Феноменологии») открывает путь к самосознанию личности и общности. Иудейский ли бог партикулярен, это господин и покровитель одного избранного народа. Иудейский фанатизм отличается от мусульманского: последний не знает национальных границ, направлен на

обращение в истинную веру всех народов, первый служит самоутверждению одной нации.

В преодолении этой национальной ограниченности видит Гегель задачу дальнейшего развития религиозной идеи. Следующая ступень — религия красоты, созданная «самым человечным из всех народов», древними эллинами. Здесь конкретный человек со всем, что в нем есть, со всеми своими потребностями, склонностями, страстями, привычками, нравственными и политическими свойствами находит себя в своих богах». Свобода, духовность и красота проникают в повседневную жизнь греков, и их религиозный культ представляет собой продолжение поэзии жизни.

В отличие от греческой римская религия, по мнению Гегеля, глубоко прозаична. Ее боги — сухие и серьезные, лишены идеальной красоты, и религиозная идея подчинена одной цели — государству. Это религия целесообразности. В римской религии личность служит безраздельно делу государства. Когда возникла Римская империя и император предстал как властелин мира, он оказался выше формального права, он стал римским богом. Обоготворение единичного человека стало причиной всеобщего страдания, которое превратилось в муки рождения религии истины — христианства.

Гегель называет христианство абсолютной и бесконечной религией, которая уже не может быть Превзойдена. В христианстве, по его мнению, произошло, наконец, примирение бога и человека, религия достигла самосознания. Гегель, однако, был слишком интеллектуален, чтобы принимать на веру каждое слово священного писания, оправдывать любой христианский обряд. К тому же ему надлежало объяснить, каким образом в течение многих столетий господствовало католичество, оказавшееся ложной формой христианства. Здесь философа выручает понятие позитивности. В молодости этим термином он обозначал искусственность, омертвение любой традиционной религии. Теперь позитивность — случайная форма обретенной истины, неразумное проявление разума. «Законы свободы всегда имеют позитивную сторону, внешнюю, случайную сторону своей реализации». Библия позитивна («дьявол тоже цитирует библию»), описанные в ней чудеса не существуют для разума. Рассудок может стремиться к тому, чтобы дать чудесам естественное истолкование; позиция разума: духовность нельзя подтвердить внешними проявлениями.

И Гегель пытается подать пример. В его интерпретации божественная троица (бог-отец, бог-сын, бог — дух святой) предстает как своего рода триада, лежащая в основе его

философской системы. «Царство отца» — бытие бога до сотворения мира, сфера логических категорий. «Царство сына» — сотворенный мир (не только природы, но и конечного духа); Христос умирает в этом мире и воскресает в «царстве духа», которое представляет собой синтез первых двух «царств», духовную общину верующих, объединенных едиными принципами нравственной и государственной жизни. Но эти принципы, как мы знаем, — предмет философского знания. Не преодолевает ли философия веру? Ответ Гегеля поразителен: «Философию упрекают в том, что она ставит себя выше религии; однако это фактически неверно... она ставит себя только выше формы веры, содержание их одинаково». Великий диалектик упустил из виду, что в его логике форма и содержание тождественны.

Гегелевские лекции по философии религии содержат блестящий для своего времени очерк истории религиозных верований. В угоду схеме Гегель, правда, «забыл» о мусульманстве, которое появилось несколькими столетиями спустя после христианства и не укладывалось в дефиниции философа. Не довел он до логического конца и процесс «очеловечивания» бога. Но задача была сформулирована достаточно четко.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ. ПУТЬ К ИСТИНЕ

Самое существенное — путь.
Гегель

Завершающая ступень гегелевской системы — философия. Здесь находится «абсолютный конечный пункт» саморазвития духа; учение Гегеля — последняя остановка.

Надо сказать, что Гегель менее всего был склонен приписывать заслугу обретения абсолютной истины лично себе, своему гению. В своей философии он видел лишь последний, завершающий этап длинного пути самопознания духа, как бы заключительную главу в коллективном труде.

Истории философии создавались и до Гегеля. Но все они страдали недостатком двоякого рода. Иной автор видел перед собой лишь «галерею бессмыслиц» и наивно полагал, что усилием своего интеллекта ему удалось эти бессмыслицы устранить. В других книгах дело ограничивалось лишь перечислением существовавших на свете мнений. Авторов таких «историй» Гегель сравнивал с животными, прослушавшими все звуки музыкального произведения, но не уловившими главного — их гармонии.

История философии — это внутренне необходимое, последовательное, поступательное движение мысли. История философии знакомит нас не с «галереей бессмыслия», а с «галереей героев мыслящего разума», которые проникали (каждый все глубже!) в сущность вещей, природы и духа и добывали для последующих поколений величайшее сокровище знания. История философии — это путь к истине.

События и деяния этой истории такого рода, что меньше всего их можно вменять в вину или заслугу отдельному индивиду, они представляют собой составную часть области свободной мысли, и эта мысль сама по себе есть творческий субъект. В этом отношении, по мнению Гегеля, история философии противоположна политической истории, где каждый индивид волен поступать по-своему, в зависимости от своих способностей и страстей. Здесь же решающую роль играет традиция, которая, как священная цепь, тянется к нам из прошлого. Каждая система философии возникала с необходимостью и с той же необходимостью уступала свое место другой.

Бывает, правда, замечает Гегель, что новое философское

учение выступает с претензией на полное опровержение всего предшествовавшего и обретение истины. Но согласно прежнему опыту оказывается, что к таким философским системам приложимы елова апостола Петра, сказанные Ананию: «Смотри, ноги тех, которые тебя вынесут, стоят уже за дверью». Смотри, система философии, которая опровергнет и вытеснит твою, не заставит себя долго ждать. Для себя Гегель, видимо, делал исключение.

Но ни одна система не исчезает бесследно, она продолжает существовать в «снятом» виде, то есть каждая последующая ступень в развитии философии не только необходимо вытекает из предыдущей, но вбирает в себя все ценное, в ней содержащееся. Мы помним идею Гегеля о совпадении исторического и логического: теория познания сливается в общем и целом со своей историей, последовательность понятий в системе философии соответствует исторически возникавшим этапам ее развития. Поэтому, делает вывод Гегель, изучение истории философии есть изучение самой философии.

В последнем он безусловно прав: ни в одной науке история не включена столь непосредственно в предмет исследования, как в философии. И дело здесь не только в том, что тот или иной мыслитель прорубал очередную ступень на пути к вершине познания; создавая единую лестницу философских систем, воспроизводящих последовательность категорий в логике, Гегель не обошелся без натяжек. Важнее другое: философское знание в силу своего характера обращено к миру как целому, вырабатывает общие принципы подхода к действительности, которые непрерывно совершенствуются, но в каких-то основах остаются незыблемыми. В этом отношении философия аналогична искусству, где изучение истории есть освоение самого предмета.

В основе исторического движения философского знания лежит тот же принцип, что и при построении системы категорий — восхождение от абстрактного к конкретному. Чем древнее философское учение, тем оно абстрактнее, чем ближе к современности, тем содержательнее, конкретнее. Мы не должны надеяться, что найдем у древних ответы на вопросы, которые поставлены современностью. Гегель решительно и справедливо восстает против модернизации прошлого, но он явно увлекается, изображая то или иное учение лишь как разработку какой-то одной категории в его логической системе. Древние философы не знают наших проблем, но в постановке своих они обладают достаточной широтой и конкретностью.

Гегель узрел не только единую цепь учений, но и зависимость

каждого звена этой цепи от окружающих условий. В этом он также не имел предшественников. Философия, говорил он, есть эпоха, схваченная в мыслях. Всякая система философии есть философия своей эпохи, поэтому в наши дни Ее могут существовать ни платоники, ни аристотелики, ни стоики, ни эпикурейцы, а только их эпигоны. Восстановление этих систем было бы равносильно превращению зрелого мужа в ребенка. Дайне всякая эпоха благоприятствует философствованию; лишь высокая степень зрелости культуры открывает путь для философского мышления.

Философия, по Гегелю, начинается лишь в греческом мире. Дух, правда, зарождается на Востоке, но здесь он не поднимается выше религии. Мы не станем повторять те пристрастные характеристики индийской и китайской культур, с которыми уже знакомы по философии истории Гегеля. Вывод его неумолим: восточную мысль следует исключить из истории философии.

В Греции берет свое начало европейская наука. Гегель называет имена семи греческих мудрецов, стоявших у ее колыбели: Фалес, Солон, Периандр, Клеобул, Хилон, Биант, Питтак, Гермип. Это были практики и политики, люди дела, дававшие мудрые советы согражданам, прославившиеся крылатыми изречениями. «Законы подобны паутине: маленькие попадаются, а большие разрывают их», — говорил Солон. Хилону приписывают такой афоризм: «Поручись — и попадешь в беду»; Клеобул будто бы сказал: «Мера — важнее всего». Только один из семи был подлинным философом — фалес, уроженец Милета.

От Фалеса до Аристотеля, с VI по IV век до н. э., продолжается первый период истории греческой философии, ее становление и расцвет. Рассказ о Фалесе Гегель начинает с анекдота: подняв глаза к звездам и наблюдая их ход, Фалес упал в яму, и народ смеялся над ним, говоря, как может он познать то, что происходит на небе, когда он не видит того, что у него под ногами. Упасть в яму, замечает Гегель, не может только тот, кто раз и навсегда улегся в ней и не решается даже поднять глаза ввысь. Что касается Фалеса, то не следует полагать, будто он витал в сфере чистой мысли и был далек от реальной действительности. Скорее наоборот. Он впервые определил значение для мореплавания Полярной звезды, измерил высоту египетских пирамид (по отбрасываемой ими тени), предсказал солнечное затмение, установил продолжительность года в 365 дней.

Как философу Фалесу принадлежит первая попытка объяснить единство мира, свести многообразие явлений и предметов к единому первоначалу. Таким первоначалом Фалес

считал наиболее широко встречающееся в природе вещество — воду. Вода, соединяющая в себе вечное движение с вечным покоем, растворяющая в себе все тела, является материальным источником всего сущего, в том числе и жизни. Фалес отвергал существование мертвой, неощущающей материи, считал, что все предметы имеют душу. Используя современную терминологию, мы можем назвать Фалеса наивным материалистом-гилозоистом. Гегель, однако, дает иную интерпретацию: он уверяет, что первоначально у Фалеса — «не чувственная вода», а «вода как мысль». Это характерная деталь: для Гегеля история философии — прежде всего история идеализма, материалистические учения он либо замалчивает, либо извращает.

Столь же пристрастен Гегель и в изложении взглядов Анаксимандра — Друга и ученика Фалеса. Первоосновой сущего Анаксимандр считал не воду и не какое-либо иное конкретное вещество, а некое неопределенное и бесконечное начало — «апейрон». Ему приписывают изобретение солнечных часов, изготовление карты мира и небесного глобуса. Он был первым, изложившим письменно свои философские взгляды. Анаксимандр утверждал, что человек произошел от рыбы.

Одновременно с милетской школой возникает школа пифагорейцев. Пифагору принадлежит термин «философия» — любовь к мудрости. Он ввел преподавание (Фалес и Анаксимандр лишь делились своими мыслями с друзьями) и основал нечто вроде философского общества, члены которого носили одинаковую одежду, вели скромный образ жизни, занимаясь гимнастическими упражнениями, музыкой и наукой.

Согласно учению пифагорейцев в основе бытия лежат числа и их отношения. Первоначало всех вещей - единица, все остальные цифры представляют собой комбинации единиц. Единица — это бог. Соединение двух единиц пифагорейцы называли материей и видели в ней единство противоположностей. Большое значение придавалось троице, триаде, в которой единица, пройдя через двоицу, снова обретает свою завершенность. Культ троицы от пифагорейцев перекочевал в христианство. Выше триады для пифагорейцев была тетрада — напоминание о четырех первостихиях (вода, воздух, земля, огонь) и четырех странах света. Далее совершался переход сразу к десяти — числу, которое возникает как сумма единицы, двух, трех и четырех, как высшее их единство.

Гегель обращает внимание на то, что за мистикой чисел у пифагорейцев скрывалась разработка первых абстрактных философских понятий — единства, противоположности, множества; в зародыше здесь возникает идея таблицы категорий,

разработанная впоследствии Аристотелем.

У пифагорейцев можно обнаружить зачатки современных представлений о нашей планетной системе, В центр вселенной они помещали огонь; Землю рассматривали как звезду, вращающуюся вокруг этого огня, который, однако, они не отождествляли с Солнцем. Неподвижные звезды; видимые невооруженным глазом планеты — Сатурн, Юпитер, Марс, Венера, Меркурий, Луна и Солнце, а также Земля и некая Противоземля — таковы десять движущихся сфер. Здесь, отмечает Гегель, перед нами первая мысль о системе мироздания.

Сферы поют, каждая издает особый звук соответственно своим размерам и скорости движения. Эти величины находятся в гармоническом соотношении друг к другу и соответствуют музыкальным интервалам. Мы не слышим музыки вселенной, но ведь мы не видим и движения Земли. У пифагорейцев зарождается мысль о том, что вещи сами по себе не похожи на то, как они выглядят.

Противоречие между вещью и внешним проявлением занимает главное место в учениях элейской школы. Отсюда, отмечает Гегель, берет начало диалектика. Чувственное, изменчивое бытие не обладает истинностью, если мы хотим постичь его разумом, мы наталкиваемся на противоречие. Ярче всего эта мысль выражена в апориях Зенона, целью которых было опровержение движения. Чувства говорят нам о том, что предметы движутся, но понять движение невозможно, мысль о нем всегда содержит противоречие, следовательно, делал вывод Зенон, движения не существует.

Вот апория «Летящая стрела». Стрела во время полета находится в данный конкретный момент в данном конкретном месте. В следующий момент она находится в другом месте и т.д. Но если стрела находится в данном месте, то значит, что она стоит в нем, а из суммы состояний покоя не может получиться движения. Движущийся предмет не движется ни в том месте, где он находится, ни в том, где его нет.

Другая апория — «Ахиллес быстроногий». Логически рассуждая, нельзя доказать, что бегун Ахиллес догонит медленно ползущую черепаху. Пока он пробежит расстояние между ними, она хоть и немного, но уйдет вперед. Когда Ахиллес преодолеет это расстояние, она снова, хоть и самую малость, но все же продвинется, и так до бесконечности.

По преданию, философ Диоген опроверг рассуждения Зенона о невозможности движения тем, что встал и начал ходить. Однако своего ученика, который удовольствовался таким «опровержением», он побил палкой за нефилософский подход к

делу. Диоген понимал, что Зенон не думал отрицать чувственной достоверности движения, а лишь поставил вопрос о том, как выразить его в логике понятий.

Опровержение апорий Зенона может дать только диалектическая логика, признающая существование противоречий в самой действительности. Движение противоречиво. Когда мы желаем уяснить вообще движение, поясняет Гегель, мы говорим, что тело находится в одном месте, а затем идет в другое место. Во время движения оно ужо не находится в первом месте, но вместе с тем еще не находится во втором месте; если бы оно находилось в одном из этих мест, оно пребывало бы в покое. Но где же оно находится? Если скажем, что оно находится между этими двумя местами, то этим в действительности ничего не скажем, ибо в таком случае оно также находилось бы в одном месте, и перед нами возникло бы, следовательно, то же самое затруднение. «Двигаться же означает быть в этом месте и в то же время не быть в нем, — следовательно, находиться в обоих местах одновременно; в этом состоит непрерывность времени и пространства, которая единственно только и делает возможным движение». Ленин, конспектируя гегелевские лекции по истории философии, обратил внимание на это место, подчеркнул двумя жирными чертами и написал «Верно».

Элейцы открыли диалектику с негативной стороны, то есть поставили проблему, решить которую не смогли; Гегель в этом плане сопоставляет Зенона с Кантом. Положительную разработку диалектических идей содержит философия Гераклита. «Нет ни одного положения Гераклита, — пишет Гегель, — которого бы я не принял в свою «Логику». Согласно Гераклиту «мир единый из всего не создан никем из богов и никем из людей, а был, есть и будет вечно живым огнем, закономерно воспламеняющимся и закономерно угасающим». Таким образом, первоначало для Гераклита — огонь. Превращение огня — основа многообразия вещей и явлений. Угасание огня — это «путь вниз», превращение его во влагу, воду и землю. Обратный процесс—воспламенение земли. Природа есть круг, где начало и конец совпадают. Совпадают и другие противоположности; бытие и небытие есть одно и то же. Догераклитовские учения, считает Гегель, находятся на уровне первой диалектической категории — бытия. Гераклит перешел к следующей —становлению.

Дальнейшая ступень в системе категорий Гегеля, как мы помним, — туманное понятие «для-себя-бытие». Под эту категорию он подводит учение атомистов Левкиппа и Демокрита. Здесь уже явная натяжка. Бегло изложив атомистическую

концепцию, согласно которой существуют лишь атомы и пустота, Гегель называет ее «скудной». Не по вкусу ему и материалистическое истолкование сознания. Душа, учили Левкипп и Демокрит, представляет собой шарообразные атомы. От каждой вещи истекают тончайшие оболочки, попадающие в органы чувств человека, так возникают ощущения. Некоторые высказывания Демокрита дают основания полагать, что он различал качества, присущие самим вещам, — протяженность, форму, непроницаемость, и качества, существующие лишь в представлении человека, — цвет, запах, звук. Такое воззрение, замечает не без злорадства Гегель, «открывало настежь дверь дурному идеализму, который полагает, что справился с предметным, когда он соотносит его с сознанием и лишь говорит о нем: оно есть мое ощущение». Гегель имел в виду субъективный идеализм.

Новый этап в развитии античной философии начинается с софистов. Слово «софистика» пользуется дурной репутацией: оно означает либо произвольное опровержение чего-то истинного, либо мнимое доказательство чего-то ложного. Но этот смысл возник позднее, а первоначально софист значило — учитель мудрости. Софисты повернули философию лицом к человеку, к мирским делам, пропитали ею человеческие отношения. Софисты были носителями образования, они учили математике, музыке, красноречию. Но софисты не нашли в мышлении никакого твердого основания, поэтому их учение и выродилось в беспринципную игру словами.

Наиболее известные софисты — Протагор и Горгий. Первому принадлежит знаменитое изречение: «Человек есть мера всех вещей». Протагор — скептик. О богах, говорил он, я не могу ничего знать: ни того, что они существуют, ни того, что они не существуют. Так начиналась его книга, которая по приказу Афинского государства была сожжена; автор подвергся изгнанию. Все на свете Протагору представлялось относительным: когда дует ветер, одному холодно, а другому нет, следовательно, нельзя сказать о ветре, что он сам по себе холодный или теплый.

Эти принципы довел до логического завершения Горгий. Его книга «О природе» состояла из трех частей. В первой он доказывал, что ничего не существует. Во второй — даже если предположить, что нечто существует, то все равно оно не может быть познано. В третьей — если бы бытие существовало и открывалось познанию, то невозможно было сообщить знание другому человеку.

И вот появляется Сократ. Он, по словам Гегеля, представляет собой одну из самых интересных фигур в древней философии.

Сократ непосредственно примыкает к софистам в стремлении низвести философию с небес на землю, «очеловечить» ее, но он противостоит софистам, утверждая наличие неких абсолютных начал, которые наодятся выше частных интересов. Это истина, добро, красота и закон. Каждый человек должен самостоятельно, «исходя только из себя», прийти к их познанию и жить в соответствии с ними. Сократ открыл мораль. Афиняне до Сократа были нравственными, а не моральными; они жили, руководствуясь обычаями и разумно приноравливаясь к обстоятельствам, Сократ показал, что существует добро как таковое. Мы помним: нравственность Гегель ставил выше морали; но в данном случае, отмечает он, Афинское государство находилось в состоянии упадка, нравы стали шаткими, и индивид сам должен был заботиться об устоях.

Гегель прежде всего воздает должное Сократу как человеку. «Сократ был невозмутимым и благочестивым образцом моральной добродетели: мудрости, скромности, воздержания, умеренности, справедливости, храбрости, непреклонности, твердой законности перед лицом тиранов и народа; он был далек как от корыстолюбия, так и от властолюбия». Далее, внимание Гегеля привлечено к способу, каким Сократ искал истину. Здесь, по мнению Гегеля, берет начало проблема философского метода.

Сократ охотно вступал в беседу с гражданами своего родного города Афин, простыми людьми или государственными деятелями, мудрецами или ремесленниками. Он выбирал в качестве темы то, что непосредственно интересовало их, а затем уводил от данного определенного случая к всеобщим проблемам. Первая задача состояла в том, чтобы внушить недоверие к укоренившимся представлениям. С видом простака, у которого нет задних мыслей, он задавал собеседнику вопросы, будто хотел сам учиться у него. Это была знаменитая сократовская ирония, которая учила человека знать, что он ничего не знает, вызывала замешательство и приводила к размышлению.

Далее вступало в свои права то, что Сократ называл искусством повивальной бабки. Нужно было помочь появиться на свет мысли, которая уже возникла в сознании собеседника. Метод Сократа состоял здесь в том, чтобы правильно задать вопрос, к которому надлежало отнестись с вниманием и уважением. И тогда возникал искомый ответ.

Сократ не пытался создать систему, он апеллировал к совести, интуиции, размышлению отдельного человека. Поэтому в целом дух его учения неприемлем для Гегеля, который не только оправдывает Аристофана, сделавшего в своей комедии «Облака» Сократа объектом насмешек, но в какой-то мере и

афинский суд, признавший философа виновным в непочитании богов и развращении молодежи.

На суде Сократ отвел оба эти обвинения. Но суд вынес свой вердикт и, как было принято в Афинах, предложил осужденному самому выбрать наказание: штраф или изгнание. Сократ отказался это сделать, не признав тем самым компетенцию суда. Тогда его приговорили к смерти. Этому решению он подчинился, в назначенный час выпив чашу с ядом.

В судьбе Сократа Гегель видит трагедию Греции. Два противоположных права выступают друг против друга, и одно разбивается о другое. С одной стороны, божественное право существующих законов, с другой — не менее божественное право знания, плод с древа познания добра и зла, всеобщий принцип философии последующих времен. Конец судебной истории Сократа тривиален: посмертно приговор был отменен, а неправедные судьи наказаны смертью или изгнанием.

Следующая крупная фигура, на которой останавливает внимание Гегель, — ученик Сократа Платон. Окружающий нас мир чувственно воспринимаемых, изменчивых, непостоянных вещей, по Платону, есть лишь бледное отражение действительного сверхопытного мира людей. Каждая вещь имеет свою идею, которая существует независимо от вещи и является ее истинным бытием, ее сущностью. Каждый конкретный дом — это лишь проявление соответствующей вечной и неизменной идеи дома вообще. Идея, по Платону, есть не что иное, как общее понятие, метафизически противопоставленное чувственно воспринимаемым единичным вещам и наделенное самостоятельным существованием.

Люди не подозревают о существовании мира идей. Платон сравнивал их с узниками, прикованными в пещере лицом к скале и никогда не бывшими на свободе. Мимо входа в пещеру проходят носильщики и проносят различные сосуды, статуи, фигуры; узники видят на скале лишь их тени, но принимают эти отражения за сами предметы, так как реальных предметов они никогда не видели. Поскольку окружающие нас вещи не истинные, то и наши ощущения, воспринимающие их, не могут дать подлинного знания. Мир идей может быть познан лишь мудрецом, который, отрешившись от показаний чувств, припоминает, что его бессмертная душа созерцала в потустороннем мире до появления на этот свет.

Все эти рассуждения, разумеется, из области мистики. Но Платон — философ, и внимательно читающий его обнаружит за мифологической оболочкой глубокие мысли о диалектической природе знания. (Кстати к термин «диалектика» впервые

встречается у Платона.) Гегелевский анализ учения Платона интересен именно в этом плане. Ленин отметил в лекциях Гегеля следующую цитату из Платона: «Трудное и истинное состоит в том, чтобы показать, что то, что есть другое, есть то же самое, а то, что есть то же самое, есть другое, и именно в одном и том же отношении». Речь идет о совпадении противоположностей. Нечто подобное в образной форме говорил Гераклит, наблюдая окружающий его мир. Здесь эта идея выражена в форме понятия и отнесена к знанию, которое, как и сам мир, должно включать в себя единство противоречивых определений. Истина есть тождество противоположностей, резюмирует Гегель рассуждения Платона.

Платон был учеником Сократа, но в отличие от учителя в делах человеческих апеллировал не к личности, а к общности людей. Платон не проповедует мораль, а излагает систему нравственности. Этим он особенно близок Гегелю. Афинский мудрец, как впоследствии и берлинский философ, целиком уповает на государство как на основу нравственного мира. Однако каждый — сын своего времени. Для Гегеля государство — орудие укрепления частной собственности; Платон в своем «идеальном государстве» упраздняет не только частную собственность, но даже и институт брака; его утопические взгляды — реминисценция ушедших времен: если не родового, то кастового строя.

Как Платон со своим учителем Сократом, так еще более решительно был несогласен с Платоном его ученик Аристотель. Воспитатель Александра Македонского, он сыграл в греческой философии примерно такую же роль, как его наперсник в области политики. Владения македонского царя включали в себя весь цивилизованный мир; система Аристотеля охватывала все существовавшие тогда области знания.

Основной упрек, который бросает Аристотель Платону заключается в том, что невозможно отделить сущность от того, сущностью чего она является. Сущность заложена в самих вещах, а не находится в потустороннем мире. В аристотелевской критике Платона содержались определенные материалистические черты, однако Гегель в своем изложении их тщательно затушевывает. Материя для Аристотеля лишь некая абстрактная возможность вещи — хаотический, инертный материал. Реальностью, действительностью она становится лишь после соединения с формой — активной идеальной сущностью. Форма превращает материю из возможности в действительность, в чувственно-ощутимую субстанцию. Более высокий вид субстанции — ум, душа человека. Наконец, по Аристотелю, существует и некая

абсолютная субстанция, неподвижная, но движущая, форма форм — бог. «Отвратительно читать, — пишет Ленин, — как Гегель выхваливает Аристотеля за «истинно спекулятивные понятия (о «душе» и многое другое), размазывая явно идеалистический (мистический) вздор.

Скрадены все пункты колебаний Аристотеля между идеализмом и материализмом!!!» [30] Эти колебания отчетливо видны в теории познания. Начало познания Аристотель видел в ощущениях, которые он сравнивал с отпечатком перстня на воске. В достоверности показаний органов чувств о единичных вещах Аристотель не сомневался. Но он не мог объяснить перехода от ощущений к мышлению. Мышление, по Аристотелю, — некая «форма», познающая сущности вещей, то есть их «формы», на том основании, что последние ей сродни, одной и той же божественной природы. Нет ощущения без тела, ум же согласно Аристотелю от тела отделим. Большое значение Гегель придает учению Аристотеля о государстве. Человек, по Аристотелю, — «политическое животное»; государство есть сущность отдельного человека, оно выше и личности и семьи. В отличие от Платона Аристотель не пускался в описание идеальных форм государственного устройства и лишь отмечал, что править должны «лучшие».

Аристотель — отец логики. Подобно тому, как естественник описывает различные виды животных, Аристотель впервые описал формы рассудочного мышления: понятия, суждения, умозаключения. Аристотелевская логика вплоть до Канта не претерпела существенных изменений. Эта логика формальна, хотя в учении о категориях у Аристотеля сквозит идея связи форм мышления с содержанием, с бытием. Категории — это предельна общие понятия, высказывания о действительности. Аристотель насчитывал их десять (сущность, качество, - количество, отношение и т. д.). Главная категория — сущность, остальные раскрывают различные ее стороны.

Формализацию логики довершила стоическая школа. Столь же формально и ее моральное учение, особенно прославившее римских стоиков Сенеку и Марка Аврелия. Основной принцип стоической этики — согласие духа с самим собой. Когда такое согласие достигнуто, никакие внешние обстоятельства не могут его нарушить, никакая утрата, никакая боль. Мудрец, господствующий над своими страстями и своим страхом, — идеал человека. Но, ядовито замечает Гегель, это царское достоинство без царства, стоик уходит из мира, спасая свой внутренний мир и оставляя внешний мир таким, каков он есть.

Прямую противоположность стоицизму представляет собой

эпикурейская философия. Если для стоиков истина в мыслимом бытии, Эпикур исходит из бытия в его единичном, чувственно осязаемом виде. Эпикур — материалист, и Гегель, излагая его взгляды, не скрывает отрицательного отношения к ним, а подчас и просто искажает их. Ленин в своем конспекте «Лекций по истории философии» неоднократно отмечает это обстоятельство. Эпикур открыл эмпирическое естествознание. Рассудочным понятиям стоиков он противопоставил чувственную достоверность. В этике это означало признание удовольствия целью человеческого бытия. Эпикур рекомендовал избегать излишеств; жить свободно, легко, без душевного беспокойства — вот его идеал.

Боги не вмешиваются в жизнь людей. Эпикур отвел им место в промежутках между мирами, где они ведут бездеятельное существование, любуясь и наслаждаясь самими собой. У Эпикура, констатирует Гегель, нет конечной цели мира, мудрости творца. Тут Ленин не выдерживает: «Бога жалко!! Сволочь идеалистическая!!»— пишет он на полях своей тетради.

Третья послеаристотелевская школа — скептицизм. Здесь философия от категории бытия поднимается к кажимости (видимости). Для скептика все мнимо: и мысль и показания чувств, его цель — невозмутимость, атараксия. Однажды на корабле во время бури скептик Пиррон, указав своим оробевшим спутникам на свинью, которая сохраняла полное равнодушие и спокойно продолжала жевать, сказал: «Вот в такой атараксии должен пребывать мудрец».

Скептицизм принадлежит эпохе упадка жизни и философии, но, с другой стороны, это и шаг вперед. В лице скептицизма, отмечает Гегель, разум шагнул так далеко, что все предметное исчезло для самосознания, осталось лишь «одиночество духа внутри себя». Причем паралич мысли — это только одна сторона скепсиса, есть еще мыслящий скептицизм, выступающий против ложных авторитетов, открывающий дорогу исследованию; положительная философия содержит его внутри себя как некое бродило.

Последний этап в развитии греческой философии — неоплатонизм, фантастически сочетавший в себе почти все основные предшествующие учения: Платона и Аристотеля, стоиков, эпикурейцев и скептиков. Согласно Плотину, наиболее авторитетному из неоплатоников, мир возникает вследствие эманации (истечения) бога. Чистое бытие, «всеединое», бог, выделяет из себя дух, который, в свою очередь, порождает мировую душу, дробящуюся на отдельные души. Последней ступенью эманации, угасания божественного начала служит

материя.

Так заканчивается более чем тысячелетняя история греческой философии, которой Гегель в своем курсе уделяет главное внимание (ей посвящены две трети текста лекций). Следующее тысячелетие — с VI по XVI век— Гегель пробегает, «надев сапоги-скороходы».

Рассмотрение средневековой философии начинается с арабов. Но Гегель лишь перечисляет имена: Аль-Фараби, Авиценна, Альгазали, Аверроэс. Заслугу этих мыслителей он видит в том, что они сохранили Аристотеля, которого в течение долгого времени на средневековом Западе знали лишь по арабским переводам и комментариям. В целом, по произвольному утверждению Гегеля, арабская мысль «малоинтересна» и «не составляет самостоятельной ступени в истории философии».

Впрочем, то же самое Гегель говорит и о западной схоластике, которую он рассматривает лишь как богословие. Схоластика — это «блуждание сухого рассудка в ветвистом лесу северной германской природы». Наука выродилась, превратилась в игру силлогизмами, тон задавали невежественные монахи. Мировой разум свихнулся. (Гегель употребляет слово «verruckt», что означает одновременно «сместился» и «сошел с ума».) Альберта Великого Гегель изображает чем-то вроде колдуна и рассказывает анекдоты о его невежестве. Будто бы он представлял себе стоиков как певчих в хоре: они-де облекали свою философию в стихи и стоя распевали их, отсюда и название «стоики». Пифагора и Платона он считал стоиками.

Фоме Аквинскому Гегель посвящает один абзац, Роджеру Бэкону — две строчки, Сигеру Брабантскому, знаменитому аверроисту, вольнодумцу и еретику, ни слова. Впрочем, ни слова не говорит он и о Мейстере Экхардте, немецком мистике, которым увлекался в молодые годы. Следовательно, дело не в том, что Гегель недостаточно знал средневековую философию, а в том, что она не укладывалась в его схему прогрессивного развития логического мышления. Средние века, как и восточная мудрость, привлекали романтиков, Гегель не разделял их симпатий. Сказывалась также и его, характерная для протестанта, вражда к духовному миру католической религии, безраздельно господствовавшей в эпоху феодализма.

Конец господству католической схоластики кладет Возрождение. Возрождается прежде всего интерес к античной культуре — искусству и философии. Только теперь Европа по-настоящему знакомится с Аристотелем. Самым выдающимся аристотеликом и аверроистом того времени был итальянец Помпонаци. Аверроисты утверждали, что всеобщий, «активный»

интеллект имматериален и вечен, а индивидуальная душа смертна. Это учение давно было осуждено церковью, и Помпонаци чудом избежал расправы.

Во Флоренции возникает академия, где изучают Платона и неоплатоников. Сообщая об этом, Гегель умалчивает о важной детали: в средние века неоплатонизм подчас выступал как оболочка вольнодумных идей, направленных против ортодоксального христианского учения о персонифицированном боге-творце: теория эманации сближала бога и природу, подготавливала почву для их полного слияния, для пантеизма.

Впрочем, разбирая взгляды Джордано Бруно, которому он уделяет большое внимание, Гегель фактически это признает. «Великому воодушевлению, которым горела его душа, — пишет Гегель о Бруно, — он жертвовал своим благополучием. Это воодушевление не давало ему жить спокойно. Скажут сразу: это была беспокойная голова, человек, который не мог уживаться с людьми; но откуда у него такое беспокойство? Он не мог уживаться с конечным, дурным, пошлым, отсюда его беспокойство. Он поднялся до сознания всеобщей субстанциальности и устранил то разлучение самосознания с природой, которое одинаково уничтожает обоих». Две идеи Бруно особенно близки Гегелю: идея единства противоположностей и попытка понять вселенную в ее развитии. За последнее Бруно заплатил жизнью.

Средневековая философия отрывала мир мысли от мира реального существования. Философия нового времени ищет пути их слияния. Дух и природа, мышление и бытие — такова основная противоположность, и философия распадается на две формы ее разрешения, реалистическую и идеалистическую. Реализм выводит содержание мысли из восприятия, из физической природы, идеализм исходит из самостоятельности мышления. Здесь Гегель подошел к постановке основного вопроса философии; то, что он неточно характеризует как «реализм», есть материализм. Бэкон и Бёме, родоначальники новой философии, противостоят друг другу как две первые попытки подойти к решению проблемы духа и природы с противоположных позиций.

Фрэнсис Бэкон — родоначальник опытных наук. Их требованиям Бэкон и подчинил свою философию. Впервые в истории он всесторонне разработал индуктивный (то есть идущий от частных фактов к обобщениям) метод познания. Обоснованию этого метода посвящено основное произведение философа — «Новый органон». Здесь содержится анализ деятельности человеческого интеллекта и критика ложных понятий, препятствующих опытному знанию. Четыре группы ложных идей

и предрассудков — «идолов», как их называет Бэкон, — мешают познанию. Во-первых, это «идолы рода», коренящиеся в ограниченности человеческого ума и несовершенстве органов чувств. Ум человека Бэкон сравнивает с неровным зеркалом, которое примешивает к изображению свои дефекты. Во-вторых, это «идолы пещеры», то есть особенности отдельных людей, которые в силу воспитания по-своему, как бы из пещеры, наблюдают вещи. В-третьих, это «идолы рынка», то есть ошибки познания, вызванные двусмысленностью слов, употребляемых учеными и толпой. Наконец, познанию мешают «идолы театра», то есть слепая вера в авторитеты, в каноны, в идеалистические догмы. Чтобы освободиться от «идолов», нужно исходить только из опыта, из непосредственного исследования природы.

Более пространно и с большей симпатией, чем об английском лорде-канцлере Бэконе, Гегель пишет о немецком сапожнике Якобе Бёме. Мечтательный фантаст, начитанный в библии и немецких мистиках, то и дело впадавший в состояние экзальтации, Бёме писал книги, полные грубых образов, религиозной фразеологии и диалектических идей. «Поди сюда, — обращается он к дьяволу, — ты, черняк, чего хочешь? Я тебе пропишу рецепт». Никакой системы, да и просто логики у Бёме нет. Единственная идея, проходящая красной нитью через все его творчество, — это троичность сущего. Бёме — пантеист; бог для него есть все: тьма и свет, любовь и гнев. Противоположности погружены друг в друга; все вещи пребывают в «да» и «нет», причем «да» не существует отдельно от «нет», две вещи суть одна вещь; сущее разделяется на два начала, которые находятся в постоянной борьбе, если бы этого не было, все вещи были бы ничто и стояли бы тихо, без движения.

XVII век — период рассудочного мышления. Эмпиризм спорит с рационализмом, но расхождения их носят второстепенный характер, оба не выходят за пределы метафизического метода, господствующего и в частных науках и в философии. Основоположником рационализма — философского направления, признающего рациональное мышление единственным источником истинного знания, является Рене Декарт. Мышлению нужно расчистить дорогу при помощи сомнения. Однако Декарт не скептик, усматривающий в самом сомнении цель философского исследования, он выступает не против рассудка, а против предрассудка. Сомнение — это лишь средство найти незыблемый исходный пункт философии. Сомневаться можно, по Декарту, в показаниях органов чувств, в подлинности окружающей человека действительности, в существовании собственного тела. Нельзя только усомниться в

реальности самой сомневающейся мысли. Мышление, следовательно, единственно достоверный факт. Отсюда Декарт выводит свое знаменитое положение: «Мыслю — следовательно, существую».

Отправляясь от факта существования собственного «Я», то есть мыслящей души, Декарт переходит к доказательству существования бога, а затем и материального мира. Бог — творец вселенной, состоящей из двух независимых субстанций — духовной и телесной. Атрибутом тела служит протяженность, атрибутом души - мышление. В качестве посредника между этими двумя субстанциями выступает бог, установивший точное соответствие между изменениями в теле и душе. Истина постигается непосредственно мышлением. Наряду с идеями, возникшими на основе показаний органов чувств, Декарт признавал существование врожденных идей. К числу последних он относил, в частности, математические аксиомы и на этом основании Ставил математику выше других наук.

Декарт — один из родоначальников точного знания, отцов механики. Принципы механики он стремился распространить на все естествознание, в том числе и на понимание жизни. Отсюда ведет происхождение механицизм как упрощенное рассмотрение природы. Животное, для Декарта, — машина.

Дуализму Декарта противостоит учение о единой субстанции, выдвинутое Бенедиктом Спинозой. Субстанция не находится в зависимости от какого-либо находящегося вне ее божественного творца, она есть «причина самой себя», она есть бог, она же природа. Мышление наряду с протяженностью Спиноза считал атрибутом субстанции, то есть всей природы. Движение Спиноза рассматривал лишь как модус (временное свойство) субстанции. В состоянии движения находятся единичные вещи, представляющие собой временное состояние, видоизменение неподвижной субстанции, бога. Скептик Бейль острил по этому поводу: бог Спинозы, модифицированный и в турка и в австрийца, ведет войну с самим собою.

Богословская терминология Спинозы открывает возможность идеалистической интерпретации, чем Гегель не преминул воспользоваться. Он отводит от Спинозы обвинение в атеизме. Между тем яростные нападки духовенства и приверженность к Спинозе всех вольнодумцев не оставляет сомнений в истинном характере его учения. Спиноза подрывал религию не только растворением бога в природе, но и научной критикой священного писания, основоположником которой он явился. Значительное место в учении Спинозы занимает этика. Человек, руководствующийся аффектами, находится у них в рабстве.

Выйти из этого состояния можно только посредством знания, самым высшим видом которого является интеллектуальная интуиция. Когда дух приходит к пониманию вещей как необходимых, он обретает власть над аффектами, обретает свободу. «Свобода есть познанная необходимость» — автором этой полюбившейся Гегелю формулы был Спиноза.

Несколько иного рода материалистическое учение возникает по ту сторону Ла-Манша, где идеи эмпирика Бэкона нашли питательную почву. Метафизирующий эмпиризм — так Гегель определяет философию Джона Локка. Спиноза начинал с аксиом и дефиниций. Локк прежде всего интересуется происхождением общих понятий. Существование врожденных идей он отрицает: в интеллекте нет ничего, чего бы ранее не было в чувствах. Ощущение — источник любого знания; до чувственного общения с миром душа — «чистая доска», опыт пишет на ней свои письмена.

Науки, построенные на опыте, приняли логику рассуждений Локка. Но философа, отмечает Гегель, она не может удовлетворить. Остается по-прежнему неясным, каким образом единичное восприятие принимает форму всеобщности, характерную для понятия.

В рассуждениях Локка есть еще одно слабое место — разделение качеств вещей на первичные и вторичные. Первые (протяженность, плотность, движение и т. д.) являются реальными, объективными, вторые (цвет, запах, звук, вкус) порождены нашими органами чувств. Отсюда ведет свое происхождение субъективный идеализм Беркли, для которого и первичные качества вещей суть человеческие представления. Существовать, для Беркли, значит быть воспринимаемым. Гегель называет это учение «самой плохой формой идеализма». Отрицательно оценивает он и позицию Юма, «завершившего локкеанизм». Согласно Юму человек имеет дело с ощущениями, использует их данные, но ничего не может сказать об их источнике; всеобщность знания — лишь результат привычки.

Скептицизм Юма был направлен не против научного знания, а против религии и догматизма. Поэтому он пользовался широкой популярностью у французских просветителей. Их философию Гегель справедливо характеризует как материализм и атеизм. «Природа не бог», — утверждал Дидро, как бы отмежевываясь от пантеизма Спинозы, Гегель видит во французском материализме необходимую ступень развития философской мысли, но признает за ним в основном «негативное» значение как силы, разрушавшей выродившуюся религию, изживший себя политический строй, устаревшие правовые и

моральные нормы. Некоторое позитивное содержание — «идею всеобщего конкретного единства» — он отмечает в «Системе природы» Гольбаха и еще больше у Робине. По-прежнему, как и в молодые годы, Гегель полон симпатий к Руссо. Здесь он особо фиксирует внимание на руссоистском учении о всеобщей воле, отличающейся от суммы всех единичных воль. (Иначе было бы верно положение, гласящее, что там, где большинству подчиняется меньшинство, нет свободы.) Немецкое Просвещение имело свои отличительные особенности. Здесь живы были традиции Лейбница, философия которого в равной мере противостояла как Спинозе, так и Локку. Лейбниц выдвинул идею бесконечного множества индивидуальных субстанций. Он называл их монадами и видел в каждой замкнутый, неповторимый мир. Лестница монад ведет от неорганической природы к живому организму и сознанию. Между монадами отсутствует какая-либо связь, поэтому эмпирические основы познания Лейбницем отвергаются. Знание истины возможно только как «предустановленная» богом гармония в движении мыслящих и телесных монад, подобно тому, как двое часов с одинаковым ходом независимо друг от друга показывают одно и то же время.

Систематизатор Лейбница Христиан Вольф первоначально чуть не заплатил головой за неудачную популяризацию идей своего учителя. Прусскому королю Фридриху Вильгельму почудилось, что учение о предустановленной гармонии означает отрицание свободы воли и, следовательно, солдаты, дезертирующие из его армии, выполняют особые предначертания бога и не ответственны за свои действия. Под страхом виселицы Вольфу было приказано покинуть прусские владения в течение сорока восьми часов. Впоследствии, однако, Вольф был признан и в Пруссии. От него ведут происхождение так называемые «популярная» философия, ставившая целью повсеместное распространение философских знаний, не выходивших за пределы рассудочной метафизики.

Решительный поворот к диалектике происходит лишь в «новейшей немецкой философии» (мы теперь называем ее классической), которую Гегель начинает не с Канта, а с Фридриха Якоби. Значение Якоби состоит в том, что он четко указал на ограниченный характер рассудочного мышления, всегда остающегося в пределах механистического миропонимания. Только внутреннее откровение, интуиция, вера дают истину, знание о боге. Бог не может быть доказан. В связи с Якоби Гегель мельком упоминает о распространении в Германии идей Спинозы, который в не меньшей степени, чем Лейбниц, был

властителем немецких умов во второй половине XVIII века.

Канту Гегель посвящает самый большой раздел из тех, что написаны о послегреческой философии, примерно столько же, сколько о Сократе (но в два раза меньше, чем о Платоне). Для Канта у него припасены и похвальные оценки и резкая хула: «Человек не так глуп, как эта философия». После Канта — Фихте; затем коротко о романтиках, о Шеллинге, скромно о себе: «Теперешняя стадия философии характеризуется тем, что идея познана в ее необходимости». Вот и все.

Цель достигнута, два с половиной тысячелетия понадобились на достижение истины, и Гегель не может не посетовать на то, как «лениво и медленно работал мировой дух». В заключение Гегель еще раз окидывает взором путь, пройденный философской мыслью, фиксируя основные вехи. Он говорит о том, что пытался развернуть перед слушателями поступательное движение духовных формаций человечества. Эта длинная процессия духов суть отдельные биения пульса единой субстанции, которая живет в каждом человеке. Завершая курс, Гегель, перед тем как покинуть кафедру, на прощание желает студентам всяческих благ. Впереди — каникулы.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ. БРЮССЕЛЬ. ВЕНА. ПАРИЖ

Не зная чужих языков, не знаешь
и своего собственного.
Гёте

Летний семестр заканчивался в августе, зимний начинался в октябре. Сентябрь был предназначен для отдыха. В 1819 году Гегель побывал с женой на острове Рюген, затем два года подряд ездил на короткий срок в Дрезден. В 1822 году ему захотелось предпринять более длительное путешествие, выбраться наконец в Нидерланды к своему давнему другу и ученику ван Герту. Но такая поездка требовала больших затрат, не предусмотренных бюджетом философа.

Когда Альтенштейн приглашал Гегеля в Берлин, он рисовал радужные перспективы: избрание в академики и увеличение доходов. Минуло четыре с половиной года, но ничего подобного не произошло. Увеличивались не доходы, а расходы. Росли дети и соответственно затраты на их воспитание. Здоровье начинало сдавать и требовало к себе большего, чем раньше, внимания. Приходилось лечиться и жене.

Еще в начале лета Гегель решил просить вспомоществование у правительства. В письме, адресованном министру, он обрисовал свое положение, намекнул о несбывшихся надеждах. Собственные деньги, напоминал Гегель, он принес в жертву своему образованию, которое теперь полностью посвящает разработке наиболее сложной сферы знания. Гегель всегда любил подчеркивать, что философия не чета другим наукам. В данном случае он писал буквально следующее: «Не таясь, я смею добавить, что моя научная дисциплина, которой я отдаю силы на королевской службе, такого рода, что основательная и добросовестная ее разработка требует гораздо больше времени и совсем иных усилий, нежели предметы многих других профессоров, а потому оставляет мне мало времени для восполнения моих доходов с помощью писательской работы».

Альтенштейн, в свою очередь, обратился с письмом к канцлеру Гарденбергу. Он не отрицал, что обещал Гегелю место оплачиваемого академика и что пока из этого ничего не вышло; хвалил Гегеля как педагога, ученого, человека и просил разрешения выдать единовременное пособие. Впрочем, Гарденберга не нужно было убеждать: автора «Основ философии

права» он помнил хорошо. «На покрытие расходов для путешествий, имеющих целью улучшить пошатнувшееся здоровье», профессору Гегелю было предоставлено 600 талеров.

Окончив дела в университете, Гегель двинулся в путь. Первая остановка — Магдебург. Здесь пришлось провести двое суток: не было кареты. В поисках достопримечательностей Гегель набрел на знаменитого физика Карно. Французский ученый и революционер, военный министр при директории, граф при Наполеоне доживал свой век под полицейским надзором в немецкой провинции. Философ нанес ему визит и был любезно принят.

Магдебург Гегель покинул днем 15 сентября, вечер и ночь провел в дороге и лишь на рассвете прибыл в Брауншвейг. Сразу же принялся осматривать город, побывал в музее, вечером в театре. Ночью отправился дальше, рассвет снова встречал в пути; унылые равнины Бранденбургской марки сменились красивой пересеченной местностью, напоминавшей родную Швабию. Философ с удовольствием смотрел в окно кареты. К трем часам приехали в Нортхайм. Карета на Кассель уходила лишь вечером, но это значило третью ночь провести без сна. Гегель решил воспользоваться курьерской почтой, направлявшейся в Мюнхен. Переночевав там в гостинице, утром он со свежими силами добрался до Касселя. Здесь философ провел два дня, осмотрел город и окрестности, библиотеку, картинную галерею. Лучшие ее экспонаты были похищены Наполеоном, который подарил их своей первой жене Жозефине, а та продала их русскому царю Александру. Война давно окончилась, но картины в Кассель не вернулись. Философ посетовал на превратности судьбы и удовлетворился осмотром того, что оставалось в музее.

Из Касселя в Кобленц, затем водой по Рейну в Бонн и Кельн.

«Кельн — весьма просторный город, — писал Гегель жене, — я сразу же отправился в собор. Величественное и изящное в нем, вернее в том, что существует от него, стройные пропорции, вытянутые, как если бы нужно было не подниматься, а взлетать вверх, — все это заслуживает внимания и изумления, тем более как замысел одного человека и начинание одного города; тут рождается иное состояние духа, иной человеческий мир, перед глазами живо встают иные времена. Тут нет какой-либо пользы, наслаждения, удовольствия или удовлетворенной потребности, тут можно лишь бесконечно бродить по высоким залам, каждый из которых сам по себе. Им нет дела до того, используют ли их люди и в каких целях; пустой оперный театр или пустая церковь — это нечто дурное, а здесь высоченный лес, лес духовный, художественный, который вырос и существует сам по себе;

ползают ли у его подножия люди, ходят ли они или нет, ему безразлично — он сам для себя; все, что бродит по нему, все, что молится, все, что лазает, — с зеленым клеенчатым ранцем и с трубкой, правда, незажженной, во рту, — все это, вместе взятое с пономарем, теряется в нем; все это, стоит ли, движется ли, бесследно пропадает в нем».

Еще в Бонне Гегель познакомился со вдовой Хирн, владелицей преуспевающей торговой фирмы в Кельне. Здесь она пригласила философа на обед, после которого ее сын показал свое уникальное собрание витражей. Гегель бродил по городу, осматривал церкви, художественные коллекции, древнеримские укрепления, любовался видами Рейна.

В воскресенье 28 сентября гостеприимный Кельн скрылся вдали, впереди лежал Аахен. Осмотр города и здесь Гегель начал с собора, где находится мраморный трон Карла Великого. Философ не мог отказать себе в удовольствии усесться на трон, на котором короновались 32 императора. Пономарь, водивший Гегеля по церкви, рассказал ему легенду, как триста лет спустя после смерти Карла Великого его нашли однажды восседающим на своем троне в императорской мантии и короне со скипетром и державой в руках. Шесть часов Гегель уделил осмотру частного собрания живописи. Взглядом знатока он определил близость одной нидерландской картины другой, некогда увиденной у профессора Буассре. Оба произведения действительно представляли собой створки одного и того же алтаря, впоследствии они были приобретены из частных собраний и объединены с центральным изображением в церкви святого Петра в Лувене.

Конечный пункт путешествия — Брюссель, где Гегеля встречал ван Герт. Нидерланды произвели на философа сильное впечатление всеобщим достатком, благоустроенностью дорог и городов. «Куда они девают нищих и простолюдинов, не могу понять. Нет ни одной развалины, подагрической крыши, прогнившей двери и разбитого окна». Осмотр окрестностей привел Гегеля в Ватерлоо. «Я увидел эти навеки достопамятные луга, холмы и ориентиры — особенно запомнилась мне поросшая лесом высота, откуда можно видеть на много миль вокруг; здесь установил свой трон Наполеон, князь битв, и здесь потерял его. В полуденную духоту мы бегали часа два-три по окрестным дорогам, где под каждым клочком земли лежат доблестные воины».

После Брюсселя — Гент, Антверпен, Бреда, Гаага, Амстердам, все новые и новые впечатления. «Мои описания становятся весьма беспорядочными, — признавался Гегель жене,

—и я не знаю, как привести их в порядок, если попытаться наверстать все, что не успел описать. Последний раз речь шла о церквах. Церкви, как сказано, в Генте, Антверпене — нужно видеть их, если хочешь узнать возвышенные, богатые католические храмы, — огромные, просторные, готические, величественные, с витражами (самые великолепные, которые я когда-либо видел, находятся в Брюсселе), у колонн мраморные статуи в рост человека, поставленные выше коленей, а другие — сидящие или лежащие — их дюжины; картины Рубенса, Ван Эйка и их учеников, большого размера, великолепные, по две-три дюжины в одной церкви; мраморные колонны, барельефы, решетки, исповедальни, полдюжины или даже целая дюжина в антверпенской церкви, — каждая украшена превосходными вырезанными из дерева фигурами в человеческий рост». В Бреде Гегель любовался величественным мавзолеем графа Нассау — шесть фигур: две белого мрамора — изображение усопшей четы, и четыре по углам — Цезарь, Ганнибал, Регул и воин — как бы охраняют их покой. Гегель дал подробное описание этой скульптурной группы в своих «Лекциях по эстетике». В Амстердаме он видел огромное множество подлинных работ Рембрандта.

В Утрехте Гегель распрощался с благодатными Нидерландами. Через Оснабрюк и Бремен он проследовал в Гамбург, где предстояла встреча с Дюбо.

Они познакомились заочно. В начале июня 1822 года Гегель получил письмо от гамбургского фабриканта Дюбо с просьбой изложить свое понимание истины. Философ тогда не ответил, но через полтора месяца пришло второе письмо, более обширное, с той же просьбой. Дюбо писал, что все свое свободное время он посвящает изучению философии, но, не имея надлежащего образования, в поисках истины предоставлен самому себе; выходец из Франции, он в течение многих лет исповедовал господствующий там скептицизм; знакомство с немецкой философией направило его мысли по другому пути, однако ни Кант, ни Шеллинг не удовлетворили его, сейчас он приступил к изучению гегелевской философии и просит у господина профессора совета и помощи. Отмалчиваться более было неудобно, и Гегель ответил Дюбо, популярно изложив соответствующие параграфы «Науки логики» и «Энциклопедии». Дюбо был удовлетворен, но при встрече засыпал философа новыми вопросами. Расстались они друзьями.

В Берлин Гегель вернулся переполненный впечатлениями. Он скорее устал, чем отдохнул. Генрих Гото, тогда еще студент, пришедший к Гегелю записаться на зимний курс лекций,

рассказывает о своих впечатлениях от первый встречи с философом: «Он сидел перед широким письменным столом и в эту минуту рылся в беспорядочно валявшихся друг на друге книгах и бумагах. Рано состарившаяся фигура его была сгорблена, однако сохраняла первоначальную стойкость и силу; удобный серо-желтый халат небрежно спадал с его плеч до земли по его худощавому телу; в нем не было никаких внешних следов ни импонирующего величия, ни притягательного добродушия; первой чертою, обращающей внимание в его поведении, была стародавняя бюргерская почтенная прямота. Я никогда не забуду первого впечатления, произведенного на меня его лицом. Все черты его, будто угасшие, имели вялый и поблекший вид; в них не было видно никакой разрушительной страсти, но зато отражалась вся прошлая молчаливая работа мышления, продолжавшаяся денно и нощно. Муки сомнения, смятение душевных бурь, казалось, не бичевали и не выбивали из колеи этот сорокалетний труд мышления, исканий и открытий; только неустанное настойчивое стремление все богаче и полнее, все строже и неотразимее раскрыть зерно давно счастливо обретенной истины избороздило лоб, щеки и рот. Как достойно выглядела голова, как благородно был сложен нос, высокий, хотя и несколько покатый лоб, спокойный подбородок. Благородство верности и чувства глубокой правоты в большом и малом, ясного сознания, что лучшие силы истрачены только на поиски истины, были своеобразно и отчетливо выражены в его чертах. Я ожидал разговора на научную тему и был весьма удивлен, услышав из его уст нечто совсем иное. Этот изумительный человек, вернувшийся только что из Нидерландов, говорил только об опрятном виде городов, красоте и плодородии сельских местностей, бескрайних зеленых лугах, стадах, каналах, высоких ветряных мельницах, шоссейных дорогах, сокровищах искусства, обеспеченной жизни; обо всем этом рассказывал он столь обстоятельно, что за полчаса, проведенные у него, казалось, я побывал в Голландии».

Гото был в числе первых, кто слушал лекции Гегеля по философии всемирной истории. Содержание этих лекций мы уже знаем. Внешне, со слов Гото, дело обстояло следующим образом: «Ему предстояла задача извлечь самые серьезные мысли из глубочайшей основы вещей, и хотя эти мысли были продуманы и разработаны им много лет тому назад и много раз, тем не менее для того, чтобы живо воздействовать, они всегда должны были вновь в нем рождаться. Нельзя себе представить более наглядного пластического выражения подобных трудностей и тяжкого труда, чем в форме его лекций. Как древние пророки, чем настойчивее они боролись с языком, тем выразительнее высказывали то, что

боролось в них самих — отчасти побеждая, отчасти побеждаемые, — точно так же боролся и побеждал и он с неуклюжей серьезностью. Весь углубившись лишь в свою мысль, он, казалось, развивал ее для слушателей из нее самой, ради нее самой, как бы не из своего духа, и тем не менее она возникала из него самого, и забота о ясности почти отечески смягчала его упорную серьезность, которая могла бы отпугнуть от восприятия таких трудных мыслей. В самом начале он еще запинался, потом опять повторял фразу, останавливался, говорил и думал; казалось, ему никогда не удастся найти подходящего слова, но вот он с уверенностью произносил его; оно оказывалось простым и тем не менее было неподражаемо уместным, неупотребительным и в то же время единственно правильным. Всегда казалось, что самое важное должно быть высказано еще впоследствии, и тем не менее оно незаметно и в совершенно полной форме было уже высказано. Наконец, ясное значение мысли было схвачено, и являлась надежда на желанное движение вперед. Напрасно. Мысль, вместо того чтобы двигаться вперед, вращалась на одном и том же месте, выражаемая в похожих друг на друга словах. Однако если утомленное внимание рассеивалось и слушатель спустя несколько минут испуганный внезапно возвращался к лекции, он находил в наказание себе, что утратил связь мыслей. Медленно и обдуманно подвигаясь вперед сквозь мнимо незначительные посредующие звенья, Гегель ограничивал до односторонности какую-либо полную мысль, различая в ней несколько сторон, и приходил к противоречиям, победоносное разрушение которых должно было мощно воссоединить наименее согласуемое... Таким образом, ему превосходно удавалось изображать эпохи, народы, события, индивидуальные характеры; его глубоко проникающий взор открывал ему везде сущность вещи, и энергия его первоначальной способности созерцания даже и в старости не утратила своей юношеской свежести и силы».

Гегель покорял не внешним блеском своих лекций, а глубиной их содержания. Труднодоступная форма изложения, свидетельствовавшая в молодости лишь о неопытности преподавателя, теперь, когда он близился к зениту славы, в глазах аудитории была признаком величия идей, не укладывающихся в нормы обыденной речи. Слава Гегеля перешагнула границы Германии.

Забегая несколько вперед, расскажем о тех впечатлениях, которые вынес от лекций Гегеля и встреч с ним Иван Киреевский. Будущий славянофил приехал в Берлин в феврале 1830 года. Сначала Гегель, читавший лекции по истории философии, ему не

понравился: «Говорит он несносно, кашляет почти на каждом слове, съедает половину звуков и дрожащим, плаксивым голосом едва договаривает последнюю. Есть, однако, здесь один профессор, который один может сделать ученье в Берлине полезным и незаменимым, — это Риттер, профессор гео-графии». Мнение Киреевского о Гегеле затем постепенно меняется: «Я начал мириться с его гнусным образом преподавания: с некоторого времени я променял на него моего Риттера, который читает с ним в одни часы». В конце концов великий диалектик покорил юношу. Киреевский написал ему «письмо отменно вежливое» с просьбой о встрече. В назначенный час он явился в дом на улице Ам Купферграбен и, в свою очередь, очаровал философа. На следующий день Киреевского разбудил посыльный: Гегель приглашал его прийти еще раз, в любой вечер, когда ему будет угодно. «Только господин профессор хотел бы это знать заранее, так как будут приглашены и другие». Посмотреть на одаренного русского студента собрались ученики Гегеля Ганс, Михелет, Гото, писатель Раупах, некая генеральша и заезжий американец. «Во весь вечер разговор был живой и всеобщий, хотя я по большей части говорил с Гегелем особенно. Гостеприимнее, приветливее и добродушнее его быть невозможно». И, заканчивая письмо домой, содержавшее отчет о жизни в Берлине, Киреевский обращался к отчиму: «Милый папенька! Выпишите, если нет в Москве, «Энциклопедию философских наук» Гегеля. Здесь вы найдете столько любопытного, сколько не представляет вся новейшая немецкая литература, вместе взятая. Ее трудно понять, но игра стоит свеч».

* * *

В начале сентября 1824 года Гегель отправился в новое большое каникулярное путешествие. На этот раз его целью была Вена. Путь лежал через Дрезден, и здесь снова философ наслаждался сокровищами всемирно известной картинной галереи. Был в гостях у романтика Тика на одном из его знаменитых литературных вечеров. В этот вечер читалась новая комедия. Гегель слушал с интересом, но до конца не досидел: утром в половине пятого надо было следовать дальше.

Подъезжая к австрийской границе, Гегель в письме напоминал жене, что здешние власти проявляют повышенный интерес к частной переписке, поэтому просил не писать о политике, только о сугубо личных вещах, приятных и радостных. В Праге философ провел неделю. По приезде он сразу отправился

в Градчаны, но там шли военные маневры, палили из ружей и пушек, все было заполнено войсками. Гегелю пришлось ретироваться. Лишь на следующий день ему удалось подняться на знаменитый холм и полюбоваться золотой Прагой (наступала осень, листья начинали желтеть). С утра до вечера Гегель бродил по городу, осматривая старинные церкви, дворцы, картинные галереи.

В Вене самым сильным впечатлением была итальянская опера. «До тех пор, пока у меня будут деньги на итальянскую оперу и на обратный путь, я останусь в Вене»,— сообщал он домой, подробно описывая свои театральные впечатления. «Позавчера и вчера выступила госпожа Федор. Какая школа, возвышенность исполнения, нежность, выразительность, вкус! Это великолепный мастер оперы!» Гегель был не только любителем, но и знатоком оперного пения. Итальянцы его настолько покорили, что он не выезжал за город, чтобы успеть попасть в театр и не быть утомленным. Днем, когда выдавалась свободная минута, он гулял в городских парках — особенно полюбился ему Пратер, — а вечером шел в театр. Если не было спектакля в. опере, отправлялся в известный Леопольдштадтский театр Петрушки. В первый раз Гегель попал здесь на представление, состоявшее из двух частей: сначала сентиментальная Драма, а затем буффонада — «сплошное переплетение забавных бессмыслиц, уличные песенки, танцевальная музыка, — все это шумит и неистовствует в течение трех четвертей часа без остановки и отдыха... Потешно и талантливо».

Побывал Гегель в зоологическом саду, где к нему как к профессору Берлинского университета отнеслись с вниманием и пиететом. Посетил императорскую библиотеку — крупнейшее по тем временам книгохранилище (300 тысяч томов в одном зале!). В казначействе ему показали алмаз ценою в миллион. Директора музеев лично сопровождали философа, и он подолгу любовался богатейшими художественными коллекциями, понимая, что он знакомится лишь с малой, самой выдающейся их частью. Иногда Гегель приходил в неурочный час, но перед ним всегда открывались двери даже частных собраний: это была дань уважения, к тому же философ не скупился на чаевые. В Вене его поразила одна деталь: доступ к сокровищам искусства был бесплатным. В галерее Эстергази — крупнейшего магната, чьи владения простирались от Вены до турецкой границы, Гегель побывал трижды. Но сильнее всего его по-прежнему влекли к себе итальянцы.

«Пополудни снова провел несколько часов в Бельведере, а потом «Севильский цирюльник» Россини. Какой великолепный

Фигаро этот Лаблаш, а госпожа Фодор — какая Розина! Это совершеннейшая певица! Какая красота, задушевность, мастерство, свободное владение голосом и вкус в пении».

«Севильского цирюльника» Гегель слушал два раза. Мадам Фодор пробудила у философа восхищение не только своим искусством, Гегель чистосердечно признался в этом своей жене и в знак супружеской верности отправил в письме лепестки груши, которая вдруг на его глазах расцвела осенью во второй раз. Письма домой он сочинял каждый день, сразу же описывая увиденное. Фейерверк впечатлений ослеплял память: Гегель уже не Помнил, что было накануне. «Ты мне потом должна будешь рассказать, как я проводил здесь время», — писал он жене.

Но все имеет конец, особенно деньги и время. После двухнедельного пребывания в австрийской столице Гегель пустился в обратный путь. В Дрездене его ждала приятная встреча: Виктор Кузен.

Издатель Декарта и Платона, Кузен в глазах немецких профессоров был единственным французом, поднявшимся до уровня современной теоретической философии. Гегель познакомился и подружился с ним в 1817 году в Гейдельберге. Молодой французский философ прибыл тогда в Германию с целью углубить свои познания в немецкой науке. Его эрудиция кончалась на Канте. Во Франкфурте-на-Майне он познакомился с Фридрихом Шлегелем и историком Шлоссером. Первый поведал ему, что в настоящее время в Германии есть три великих философа: Якоби, Шеллинг и Фриз. Второй, направлявшийся на работу в Гейдельберг, уговорил Кузена заглянуть в этот университетский город. Кузен предполагал задержаться там не более двух часов, но когда его познакомили с Гегелем, то пробыл двое суток, а на обратном пути — еще три недели. До Якоби и Шеллинга, проживавших в Мюнхене, Кузен так и не добрался, а Фриз на него впечатления не произвел. Кузен побывал у Гёте в Веймаре и у Шлейермахера в Берлине, но его помыслами владел теперь только Гегель. Тогда только что вышла «Энциклопедия». Кузен, плохо владевший немецким языком, пытался проникнуть в ее смысл с помощью Карове. Они гуляли вдвоем по аллеям дворцового сада с томиком в руках, и ученик Гегеля переводил ему с листа «Энциклопедию». Вечером они шли к профессору, за чаем тот растолковывал обоим непонятные места, устраняя, впрочем, далеко не все неясности. Кузена прежде всего привлекала в Гегеле общность политических убеждений. Впоследствии он говорил, что не было на свете другого человека, с которым в такой степени совпадали его взгляды. Как и Гегель, Кузен высоко оценивал французскую революцию, живо

интересовался ее событиями, но был монархистом и либералом, был «синим», если использовать выражение Наполеона, который так обозначал свое место в политике, имея в виду французские национальные цвета (между белым и красным).

Теперь Кузен приехал в свите герцога Монтебло. Вот уже несколько лет, как французского друга Гегеля отстранили от чтения лекций в Сорбонне: он вызвал подозрения властей. Освободившееся время Кузен использовал для литературной работы. Гегель радовался успехам друга и встрече с ним.

Домой Гегель вернулся отдохнувший и веселый. Вскоре, однако, пришла неприятная новость, испортившая строение: Кузена арестовали. Вначале Никто толком не знал, как это случилось, кем арестован, за что. Потом картина немного прояснилась: арестован в Дрездене саксонской полицией, передан прусским властям, содержится в кепеникской тюрьме, обвиняется в преступных связях с немецкими бунтовщиками. Будто бы еще в 1820 году Кузен заключил с двумя немецкими профессорами и каким-то торговцем соглашение о подрывной деятельности; с целью установления преступных контактов он до этого дважды приезжал в Германию; компрометирующий материал находится в прусском министерстве внутренних дел, куда своевременно поступил донос от правительственного агента.

Кое-кто из немецких друзей Кузена сразу отшатнулся от француза-крамольника. В Пруссии приучили видеть в любом задержанном опасного преступника: полиция знает свое дело, а с иностранцами вообще лучше не вступать в контакт. Гегель тоже полностью доверял властям, но, с другой стороны, он привык верить и самому себе, а Кузена он давно уже назвал другом. И каковы бы ни были эмпирические данные, Гегель не сомневался в его невиновности, в том, что случилось недоразумение. Именно поэтому он счел своим долгом выступить в защиту арестованного и обратиться за поддержкой к самому министру внутренних дел. Поскольку Кузен, писал он Шукману, «находится под следствием и его вина еще не доказана, я могу позволить себе сохранить свое прежнее представление о нем и свое уважение к нему».

Следствие длилось четыре месяца. «Дело Кузена» разбухало от новых и новых бумаг, но ни одна из них не содержала никаких убедительных данных о том, что Кузен нарушил действующие в Пруссии законы. В начале февраля 1825 года его выпустили, а в конце месяца дело было окончательно прекращено. С письмом Гегеля к Гёте Кузен выехал в Веймар.

Год назад Гёте прислал философу записку с очередным комплиментом: «Пусть все, что я еще способен совершить, примыкает к тому зданию, что Вы основали и ныне возводите».

Гегель тогда не ответил, теперь же он нашел нужные слова: «Если я бросаю взгляд на ход моего духовного развития, я вижу повсюду Вас, и мне хотелось бы называть себя одним из Ваших сыновей; мой внутренний дух находил у Вас новые силы в борьбе против абстракций и равнялся на Ваши создания, как на свою судьбу». Гёте постарался загладить у Кузена неприятные впечатления от пребывания на немецкой земле.

* * *

Следующая встреча Гегеля с Кузеном произошла в Париже, куда философ, осуществляя свою давнюю мечту, отправился осенью 1827 года.

Проезжая по дорогам Франции, Гегель вспоминал свою юность, свое восторженное увлечение революцией. Вот и Вальми. Здесь впервые санкюлоты разбили союзные армии, сражение видел Гёте, сказавший на поле боя прусским офицерам: «Отсюда и с сегодняшнего дня начинается новая эпоха мировой истории, и вы можете сказать, что присутствовали при этом».

В Париже Гегеля поджидал Кузен. С его помощью философ устроился в недорогих меблированных комнатах близ Люксембургского сада. Вместе они побывали всюду, где происходили важнейшие события революции, осмотрели Лувр и окрестности Парижа. Посетил Гегель и Монморанси, где находится знаменитый собор с усыпальницей королей; философа, впрочем, больше интересовало имение, в котором когда-то жил Руссо и сохранился посаженный им розовый куст.

Вечера, как и в Вене, Гегель проводил в театре. На этот раз его увлекла драма. В Париже, писал он жене, играют «значительно сдержаннее, с меньшим пафосом, чем наши актеры и актрисы... Французы вообще спокойнее и определеннее в выражении своих чувств, чем мы, особенно ты. Сколько раз я говорил тебе, что ты должна заниматься делами и говорить без аффектации».

Знаменитая Марс сразу покорила философа. «Нельзя не восторгаться ее спокойной осанкой образованной женщины, которая, несмотря на возраст, выглядит прекрасно, особенно анфас; у нее живые красивые глаза и чистый, отчетливый, выразительный голос. Особенно в «Эмилии» [31] зритель не может удержаться от слез. Ее глаза открыты, но не столь тупо, как у Мюллер, зрачки и веки ее в движении, но обращены в пустоту. Она трогает необычайно, правильно играя эту роль, показывая ее внутреннюю глубину. Мне мешали возгласы «тс», «тс», которыми

публика старалась устранить другие помехи: вздохи, всхлипывание и рыданья зрителей. Только благодаря игре Марс я понял, что «Тартюф» — это комедия и почему именно».

В Париже Гегель встретил берлинца Раумера, который был также без ума от Марс и уже познакомился с ней. Гегель попросил Кузена и его представить великой актрисе. Француз был в смущении. «Это невозможно, — высказывал он Раумеру свои спасенья, — при внешности Гегеля и его манере говорить их наверняка скопируют и высмеют на подмостках». Раумер посоветовал Кузену сослаться на то, что в Париже порядочные люди не ходят за кулисы, сказать, что он, Раумер, своим знакомством нарушил правила хорошего тона. Кузен так и поступил, Гегель ему поверил и посетовал на своего коллегу в письме к жене: «Сегодня днем Раумер пойдет на аудиенцию к мадемуазель Марс, он должен побывать у всех актрис; Кузен находит это смешным». Кузен вообще старался не водить Гегеля в частные дома, говорил, что весь Париж разъехался и что подобные визиты здесь не приняты. Познакомился Гегель лишь с Минье и Тьером. Однажды ему довелось побывать на заседании Академии наук; усиленно посещал он библиотеки, пытаясь читать и даже работать.

Из Парижа Гегель писал далеко не с тем энтузиазмом, что из Вены. Он жаловался на безалаберный уклад французской жизни. Гегель привык обедать в час, плотно, но умеренно. Здесь за стол садились в пять и пировали до вечера. После того как у него однажды разболелся живот и несколько дней ему пришлось провести в постели, он категорически отказался обедать с Кузеном и вернулся к привычному режиму.

Месяц в Париже пролетел быстро, и в первых числах октября Гегель покинул французскую столицу. Кузен сопровождал его до Кельна. В Брюсселе их принимал ван Герт. Затем Гегель направился в Веймар, к Гёте. «Я должен был подробно рассказывать Гёте о политических и литературных взглядах во Франции, он очень интересовался всем; он полон сил и здоров, в общем, старик, вернее — вечный юноша, стал несколько спокойнее; он такой почтенный, добрый, дружески настроенный человек, что в нем забываешь гения. Мы встретились как старые друзья, не с целью наблюдать и слушать друг друга, не ради славы или чести, а сердечно. Сын говорил мне за столом, как обрадовался Гёте, узнав, что собираюсь заехать к нему на обратном пути из Парижа».

А вот сведения о той же встрече из другого источника (запись П. Эккермана, секретаря Гёте от 18 октября 1827 года): «Здесь Гегель, которого Гёте лично очень уважает, хотя некоторые

порожденные его философией плоды ему и не совсем по вкусу. Гёте устроил в честь Гегеля званый вечер, на котором присутствовал также и Цельтер, намеревавшийся уехать в ту же ночь.

Много говорили о Гамане, причем особенно обстоятельно высказывался Гегель, который развил относительно этого выдающегося мыслителя такие основательные соображения, какие могут быть только результатом самого серьезного и добросовестного изучения предмета. Затем беседа коснулась сущности диалектики.

— Это в основе своей не что иное, — сказал Гегель, — как урегулированный и методически разработанный дух противоречия, который присущ каждому человеку, — дар, обнаруживающий всю свою важность в различии истины от лжи.

— Жаль только, — вставил Гёте, — что такого рода изысканными приемами мышления часто злоупотребляют и применяют их для того, чтобы истинное представить ложным, а ложное истинным.

— Да, это, конечно, бывает, — возразил Гегель, — но только с людьми, которые духовно больны.

— Поэтому-то я и стою, — сказал Гёте, — за изучение природы, которая не позволяет возникнуть такого рода болезни; ибо здесь мы имеем дело с бесконечно и вечно истинным; но истина покидает как недостойного всякого, кто при рассмотрении и изучении своего предмета поступает недостаточно чисто и честно. Я вполне уверен, что многие больные диалектикой в изучении природы найдут благодетельное исцеление».

Гёте и Гегель как мыслители, по сути дела, решали одну и ту же теоретическую задачу — познание органического целого. Гегель в своем учении о конкретности понятия искал пути к решению проблемы средствами диалектической логики; система категорий, подвижных и переходящих в свою противоположность, по его мнению, дает возможность понять развивающийся организм. Перед Гёте открылась иная возможность. Согласно его учению о «первичном феномене» человек в единичном может увидеть всеобщее, в явлении раскрыть сущность. Это видение есть нечто большее, чем простое восприятие, но оно носит все же чувственный характер.

Учение о «первичном феномене» — центральная идея философии Гёте. В естествознании она, правда, не нашла применения: Гёте безуспешно искал «первичное растение», конструировал образ «первичного животного». Но в эстетике идея «первичного феномена» оказалась исключительно плодотворной. Здесь берет свое начало учение о типическом в жизни и

искусстве.

Гегель однажды получил от Гёте в подарок Желтый бокал богемского стекла, выложенный изнутри черным бархатом; на свету стекло приобретало голубую окраску. Гёте считал, что это наглядная демонстрация правильности его учения о природе цвета. Приложенная к подарку записка гласила: «Абсолюту рекомендует себя лучшим дружеским образом первичный феномен».

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ. НЕСТЬ ЕМУ КОНЦА

... Весь я не умру.
Гораций

Пятидесятишестилетие Гегеля было отпраздновано с помпой. Обычно день своего рождения философ отмечал в семейном кругу, начиная праздник в полночь накануне. В этом году все сложилось иначе: еще в июле жена с детьми уехала к матери в Нюрнберг, Гегель пребывал в одиночестве, и друзья решили придать юбилею торжественный характер. Вечер 26 августа он провел за карточным столом: .играли в вист у банкира Блоха. Когда ночные сторожа просвистали наступление нового дня, в ответ им зазвенели бокалы, поднятые в честь того, кто появился в этот день на свет.

Утром Гегель принимал поздравления. Приезжали знакомые, друзья, официальные лица. Неожиданно собственной персоной с визитом пожаловал шеф полиции тайный советник фон Кампц. Это была кульминация дня. После обеда философ отдыхал, набирая силы для вечера. Торжественный ужин состоялся в новом ресторане на Унтер-ден-Линден. За столом сидели ученики — Фёрстер, Ганс, Гото, композитор Цельтер, художник Рёзель, всего двадцать человек. Одного из присутствующих Гегель не знал, его немедленно представили: профессор Вихман, скульптор, ему заказан бюст юбиляра. (Бюст был готов через два года, он достался Гёте, который держал его на своем письменном столе.) С музыкой явилась делегация студентов и преподнесла серебряный кубок с надписью: «Великому учителю». Глава делегации произнес речь, Гегель ответил. Затем началось чтение поздравительных стихов. Часы пробили полночь, и энтузиазм вспыхнул с новой силой: наступило 28 августа — день рождения Гёте. Посыпались новые тосты, новые стихи. Дружно выпили присутствующие, обращаясь к Гегелю и Гёте, за то, Чтоб никакая в мире сила Вас, братья, не разъединила.

«Фоссише цайтунг» поместила подробный отчет с торжестве в честь двух великих умов Германии. Этим-то и воспользовались недоброжелатели. Статью в газете показали королю. Что-то было сказано о поэтах и ученых, пытающихся затмить державную славу. В результате главная цензура получила указание следить за тем, чтобы в печати никогда более не освещались никакие торжественные события, кроме как в королевской семье и

правительстве. Для Гегеля это уже не имело значения, ибо ни один его дальнейший юбилей не отмечался с такой торжественностью, как этот.

Пожалуй, самым ценным подарком, полученным к пятидесятишестилетию, было для Гегеля исполнение его давней мечты — издание научно-критического журнала. Этим он был обязан исключительно энергии Ганса.

В конце 1825 года Ганс в Париже познакомился со штутгартским издателем Котта, и уговорил его финансировать издание нового журнала. Вернувшись домой, Ганс поспешил обрадовать Гегеля. «Я застал его в зеленом меховом халате и черной беретоподобной шапке, одной рукой он держал щепотку табака, а другой искал что-то в бумагах, беспорядочно наваленных перед ним.

— А вы уже снова здесь, — сказал он мне, улыбаясь, — мы ждем вас уже целый месяц, тайный советник Шульце думал, что вы совсем не вернетесь.

— Мое опоздание имеет добрую причину, — возразил я. — я прибыл не один, я привез большую «Берлинскую литературную газету».

— Литературная газета, это великолепно. Но где вы нашли предпринимателя? — Он неплохой человек. Его зовут Котта. В Штутгарте мы почти обо всем договорились.

— Котта? Не забыл ли он «Хоры»? И те трудности, которые появляются на второй год после того, как первый, казалось, начался удачно? Но Котта знает свое дело лучше нас, и, если он за что-то взялся, на него можно положиться. Он вам сделал предложение? — Собственно, я ему. Я полагал, что такой университет, как Берлинский, не может дальше существовать без литературной газеты, а тот произвол, та негативность, которые господствуют на предприятиях подобного рода, обязывают к позитивному решению вопроса.

— Я тоже так думаю, и потому еще несколько лет назад я направил наверх, в министерство записку, по которой до сих пор не принято никакого решения. Если они не желают вмешиваться, обойдемся без них».

В упомянутой Гегелем записке речь шла об издании правительственного органа. Теперь появилась возможность частного издания, но это не меняло сути дела, и философ согласился возглавить журнал. Варнхаген фон Энзе был готов разделить ответственность. Для поднятия авторитета журнал решили сделать органом ученого общества. 23 июля 1826 года на квартире Гегеля было основано Общество научной критики с тремя секциями — философской, естественнонаучной, историко-

филологической. Секретарем философской секции стал Ганс. На него же было возложено делопроизводство общества и журнала.

«В течение четырех или пяти заседаний, — рассказывает Ганс, — обстоятельно и всесторонне обсуждали мы устав. Тот, кто присутствовал на этих дебатах и видел, с каким жаром идет спор по отдельным деталям, должен был понять, что уставные положения долго не продержатся. Но в том и состоит отличие англичан и французов от немцев, что первые инстинктивно держатся формы, вторые предпочитают содержание, а третьи из любви к мнимому содержанию готовы разрушить любую форму».

Решено было поставить дело критического обзора литературы на научную высоту. Избегать случайных тем и случайных авторов. Заниматься наиболее актуальными проблемами в свете новейших завоеваний науки. Каждую рецензию предварительно обсуждать, тщательно редактировать и публиковать только под фамилией автора.

Общество научной критики стремилось объединить в своих рядах представителей разных убеждений и областей знания. Помимо Гегеля и Варнхагена, здесь-были Гёте, Риттер, В. Гумбольдт, А. Шлегель, Буассре, Раумер и др. Только когда речь зашла о приглашении Шлейермахера, Гегель вскипел и заявил, что это будет равнозначно его уходу. Приглашение не состоялось, но пошла дурная молва о том, что готовится издание «газеты Гегеля». Еще не вышел ни один номер, но уже посыпались критические отклики. В прессе писали о том, что новый журнал будет выступать против свободы науки, излагая лишь принципы одного учения, угодного государству. Последнее явно стоит за спиной этого журнала. И отказ от анонимности авторов есть не что иное, как средство задушить свободу высказываний. Людвиг Берне умудрился даже выпустить брошюру против анонсированного журнала, в которой собрал все выдвинутые против него аргументы. Новому журналу предрекали фиаско.

Но все обошлось благополучно. «Ежегодники научной критики» начали свое существование в январе 1827 года. Ежемесячно выходило десять двойных выпусков. Гегель руководил журналом до конца дней своих. Уже в № 7—8 он приступил к публикации своей обширной рецензии на работу В. Гумбольдта «Об эпизоде из Махабхараты, известном под названием Бхават-Гита». В октябре было напечатано окончание рецензии.

Известный филолог и знаток древностей, основатель Берлинского университета, старший из братьев Гумбольдтов опубликовал в 1826 году исследование об индийской философии, основанное на изложении и анализе дидактического отрывка из

известного эпоса. Военачальник Ардшунас во время начавшегося боя вдруг прекращает сражаться и спрашивает бога Кришну, в чем смысл жизни. После чего в восемнадцати песнопениях следует изложение мировоззрения йогов. Деятельность, разъясняет; Кришна, сковывает человека, поэтому нужно стремиться к освобождению от этих оков, а если уж действовать, то отнюдь не ради достижения какого-либо результата. Долг надо выполнять ради самого долга. Гумбольдту, кантианцу по убеждениям, эти идеи были дороги и близки. Гегель хвалил автора за кропотливый труд, но давал свою интерпретацию индийской философии. Последняя, утверждал он, коренным образом отличается от современного, рационалистического типа мышления, ныне она представляет лишь исторический интерес.

Статья Гегеля В. Гумбольдту не понравилась. «В ней, — писал он в марте 1828 года, — перемешана философия с баснями, истинное с ложным, древнее с современным; разве это философская история? Вся рецензия направлена против меня, хотя и скрыто; исходный ее пункт — убеждение в том, что я кто угодно, только не философ». Гегелю, правда, он писал другое: благодарил за обстоятельный разбор книги и поздравляя с выходом «Ежегодников». В. Гумбольдт не хотел ссоры, тем более что его родной брат к этому времени уже отплатил философу той же монетой.

Александр Гумбольдт приехал в Берлин весной 1827 года. После многолетних зарубежных странствий Нестор немецкого естествознания вернулся наконец на родину. Король положил ему ежегодно 5000 талеров и четыре месяца отпуска в Париж. Ученик и друг Георга Форстера, реформатор Академии наук, виднейший натуралист и путешественник, исколесивший Южную Америку, изумлявший даже Гёте разносторонностью своих знаний и интересов, младший Гумбольдт пользовался широкой известностью во всех слоях общества. Осенью он стал читать бесплатные публичные лекции по «физическому мироописанию». Зал был набит до отказа. Здесь сидели не только студенты и профессора, но рабочие и министры, появлялся даже король. Значительную часть аудитории составляли женщины. Гегель на эти лекции не ходил, но его жена была в числе слушательниц.

Картина мира, которую рисовал Гумбольдт в своих лекциях, поражала грандиозностью и поэтичностью. С жаром и художественным мастерством говорил ученый о космосе и о Земле, о диковинных минеральных и экзотических растениях, знакомил с теориями и фактами, почерпнутыми из истории науки и современного естествознания. Шестая лекция была явно направлена против умозрительной философии. Гумбольдт не

одобрял позитивистских наскоков на философию, которые уже в его время стали модны во Франции, но ему претили и менторские замашки немецкого идеализма. В гегелевском учении его не устраивало третирование природы как косного начала. Имя Гегеля в лекции не было названо, но были произнесены слова о «метафизике, лишенной знаний и опыта», ведущей «к схематизму, более узкому, чем в средние века». Гегелю сообщили об этом, и он почувствовал себя задетым. Через Варнхагена фон Энзе, друга Гумбольдта, пришло требование объясниться. Гумбольдт, как и его брат, не хотел скандала и ловко вышел из положения. Он послал Варнхагену подготовительные записи к лекции, имя Гегеля опять при этом названо не было, но подразумевалось, что записи предназначены для него. Варнхаген переслал манускрипт Гегелю, который внимательно его прочитал, не обнаружил ничего предосудительного, и с удовлетворением вернул назад, объявив случившееся недоразумением. Впоследствии выяснилось, что Гумбольдт послал текст не шестой, а пятой лекции. Философ об этом так и не узнал.

Дипломатическое искусство Варнхагена, его твердость и такт спасли и Общество научной критики, которому грозил распад из-за диктаторских замашек Гегеля. «Когда начали выходить «Ежегодники», — вспоминает Варнхаген, — Гегель становился все деспотичнее и вел себя на заседаниях столь странным образом, что всем стало ясно: так дальше работать невозможно, дело заходит в тупик. Мне выпала роль выступить от имени всех и указать достопочтенному мужу на то, что и он должен знать свои границы. Это была напряженная схватка, сопровождавшаяся личными упреками и обвинениями. Но ничего недостойного сказано не было, ничего такого, что бы могло подорвать взаимное уважение. За состоявшимся после заседания ужином еще сохранялась атмосфера ссоры, большинство присутствующих были больше дружны с Гегелем, чем со мной, но в душе были на моей стороне. Когда вставали из-за стола, я подошел к Гегелю и сказал: «Давайте расстанемся по-хорошему. Вы мне, а я вам наговорил кучу неприятных вещей, но ничего такого, что нельзя было бы взять назад. Поверьте, я глубоко вас уважаю. Вот моя рука. Помиримся!» Он не только протянул мне свою руку, но сердечно обнял меня; в глазах у него стояли слезы. Он не ожидал подобного оборота дела. С тех пор у нас не было столкновений». Не обходилось без трений и в университете. В январе 1827 года один из любимых учеников Гегеля, Гото, подал прошение о габилитации. В диссертации «О принципах истории искусств» он излагал идеи учителя. Гегель был доволен и поспешил дать положительный отзыв. Но работа не прошла. Эстетик Хирт

заявил, что он потратил три часа на чтение, но не понял ни одной фразы. Многих возмутили критические выпады Гото против Зольгера, профессора Берлинского университета, который способствовал приглашению Гегеля в прусскую столицу и умер через год после его приезда. Иронические и недоброжелательные замечания членов факультета суммировал декан Раумер. Гото, писал он, ведет себя так, как будто ключи от вселенной у него в кармане. Но легче на поворотах! Вместо того чтобы учиться, этот новичок осмеливается учить других. Факультет не потерпит, чтобы двадцатилетние тепличные растения воспитывали восемнадцатилетних. Гото не стал дожидаться окончательного решения, которое не могло не быть отрицательным, и поспешил взять свою работу назад. Через три месяца он представил новую— о Гераклите. На этот раз он получил разрешение читать лекции, которые надо сказать, сразу стали пользоваться упехом.

После неудачи Гото критическим разбором литературного наследства Зольгера занялся сам Гегель. Вторая его рецензия в «Ежегодниках» была посвящена посмертному изданию сочинений и писем безвременно скончавшегося ученого. Гегель с пиететом писал о Зольгере, всячески выискивая различия между его взглядами и позицией романтиков, в частности Ф. Шлегеля, с которым покойный был дружен.

Ф. Шлегель пытался сделать центральным понятием философии иронию и лишал тем самым «науку наук» конструктивного и общедоступного содержания. По словам Шлегеля, в иронии «содержится, и она вызывает в нас чувство неразрешимого противоречия между безусловным и обусловленным, чувство невозможности и необходимости всей полноты высказывания... Нужно считать "хорошим тоном, что гармонические пошляки не знают, как отнестись к этому постоянному самопародированию, когда попеременно нужно то верить, то не Верить, покамест у них не начнется головокружение, Шутку принимают всерьез, а серьезное за шутку».

У Гегеля подобный подход к делу мог вызвать только крайнее раздражение. «Он всегда, — писал Гегель о Ф. Шлегеле, — рассуждал о философии без того, чтобы высказать хотя бы одно содержательное положение». Ф. Шлегель, разумеется, не оставался в долгу. Его брат Август сочинил по этому поводу эпиграмму, в которой он призывал немцев полюбоваться повсеместно развернувшейся борьбой двух титанов:

Где Саар и там, где Прегель,
С Гегелем воюет Шлегель,
С Шлегелем воюет Гегель.

В статье о Зольгере Гегель подчеркивал, что шлегелевская ирония не имеет ничего общего с сократовской: первая негативна, нигилистична, в то время как последняя направлена на поиски истины. Точно так же ирония Зольгера сродни диалектическому разуму. К сожалению, Зольгер не успел последовательно развить свои мысли, но и образом своего философствования, и отношением к искусству он заслужил того, чтобы его отличали от романтиков.

В 1828 году в «Ежегодниках» появилась гегелевская рецензия на Собрание сочинений Иоганна Георга Гамана. Фактически это небольшая монография, посвященная одной из наиболее интересных фигур немецкого Просвещения. Чуждый точным наукам и систематическому знанию, талантливый литератор, религиозный мыслитель, Гаман и привлекает я отталкивает Гегеля. Гегель ценит в Гамане диалектика, критикующего рассудочный рационализм и всюду усматривающего «совпадение противоположностей». Но Гаман — иррационалист, и это отпугивает Гегеля. У Гамана совершенно отсутствуют какие-либо позитивные построения, его язык умышленно загадочен, субъективное видение мира заслоняет объективную структуру. Это диалектика, которая становится софистикой. Таков окончательный приговор.

Реакцией на статью Гегеля было возмущенное письмо дочери Гамана: «Как описать Вам мое удивление, болезненную реакцию моего сердца, когда я увидела, что Вы исказили светлые образы моих родителей, выпятили одни лишь их теневые стороны и показали их обществу в резких тонах. Вы представляетесь мне. :бандитом, который вломился в царство моих юношеских грез с целью коварным образом их разрушить, что Вам на миг удалось. Но я чувствую, как во мне подымается возмущение, я буду. действовать в духе моего отца, если смогу осудить Ваше преступление». Гегель на это письмо не ответил, сейчас, впрочем, трудно сказать, получил ли он его. было ли оно вообще отослано. Оно не пошло в опубликованную после смерти переписку философа и увидело свет лишь в начале нашего века.

Переписка Гегеля состояла в основном из писем иного рода. Ему писали единомышленники; студенты обращались за советом и помощью; молодые ученые присылали свои книги, рукописи, диссертации. Один почитатель сообщил Гегелю, что учит наизусть его книги, философ ответил, что это не лучший способ усвоить диалектику. В конце ноября 1828 года из Ансбаха поступило латинское сочинение «О едином, универсальном,

всеобщем разуме», защищенное в качестве докторской диссертации. Его автор Людвиг Фейербах два года слушал в Берлине лекции Гегеля, слушал внимательно и восторженно. «Благодаря Гегелю, — признавался Фейербах, — я осознал самого себя, осознал мир. Он стал моим вторым отцом». Посылая на строгий суд учителю свою диссертацию, ученик, однако, в почтительной форме ставил вопрос о дальнейшем развитии принципов, заложенных в гегелевской философии религии. Сейчас важно, писал Фейербах, подвергнуть отрицанию прежние способы воззрения на смерть и жизнь, потусторонний и посюсторонний мир. Христианство не является совершенной и абсолютной религией, разум не исчерпан в христианстве. Так у будущего автора «Сущности христианства» зарождались первые критические идеи, которые, разумеется, не могли найти сочувствия у автора «Лекций по философии религии». Письмо Фейербаха осталось без ответа.

Гегель, однако, с большим вниманием отнесся к другому присланному ему сочинению. Анонимно изданная книга называлась «Афоризмы о незнании и абсолютном знании в отношении к познанию христианской веры». Книгу написал Карл Фридрих Гешель, член суда в Наумбурге, человек, Гегелю совершенно не знакомый, но удивительно точно применивший идеи гегелевской философии к сфере религии. Гегель опубликовал в «Ежегодниках» рецензию, в которой с большим одобрением отозвался об этом сочинении. Опасность показаться человеком, пристрастно относящимся к своим интересам, не могла удержать его «от выражений радости по поводу содержания этой книги и содействия истине, оказываемого ею, а также от благодарного пожатия руки незнакомому лично автору специально за отношение его к работам рецензента по умозрительной философии». Впоследствии, когда Гегеля спрашивали, в каком опубликованном сочинении изложены его взгляды на религию, он называл «Афоризмы» Гешеля.

Почти одновременно с книгой Гешеля на книжном рынке появилось анонимное произведение «Об учении Гегеля, или абсолютном знании и современном пантеизме», которое обвиняло Гегеля одновременно и в самообожествлении и в самоуничижении. Гегелевская критика католической церкви унижает небо, а кто унижает небо, тот унижает самого себя. Мысль Гегеля, высказанную в «Основах философии права», что способность человека уродовать и умерщвлять себя является одним из его преимуществ перед животными, автор подавал как теорию самоизуродования и самоумерщвления, несовместимую с христианским вероучением.

Надо сказать, что это был не первый донос на философа, исходивший из католической среды. Еще три года назад, в министерство вероисповеданий поступила жалоба по поводу того, что Гегель «публично бесчестит католическую религию». На одной из лекций профессор позволил себе остроту: если мышь, сказал он, съест освященную просфору, то для католика она приобщается «телу господню» и должна стать объектом поклонения. Расследование было поручено тайному советнику Шульце, близкому другу Гегеля, который удовольствовался объяснительной запиской философа, где тот заявил, что он лютеранин, преподает в протестантском университете и видит свой долг в том, чтобы научно разоблачать «папистское идолопоклонство и суеверие». В аналогичных тонах было выдержано и его устное объяснение перед студентами. Находившийся в аудитории доносчик — католический священник — тупо и угрожающе уставился на профессора. «Мне не импонирует ваше присутствие здесь», — заявил Гегель, и под шум зала доносчик вынужден был уйти.

Теперь Гегелю пришлось отвечать в печати. Он использовал свои «Ежегодники», где поместил рецензию на анонимный памфлет, назвал своего критика злобным клеветником, который паразитирует на его работах и еще к тому же бранится. Впрочем, еще никому не довелось видеть паразита, благодарного своему хозяину. «Вот с каким сбродом принужден я бороться», — заканчивал Гегель разбор этой книги.

В этой же рецензии Гегель отбивался и от другого публичного доноса, содержащегося в книге «О философии вообще к «Энциклопедии философских наук» Гегеля в частности. К оценке последней». Ее автор, некто Шубарт, в судьбе которого Гегель по просьбе Гёте принял живое участие, отблагодарил своего благодетеля обвинением в неблагонадежности. Гегель, уверял он, отвергает бессмертие души: в психологическом разделе «Энциклопедии», где идет речь о возрастах, нет ни слова о смерти и бессмертии. Не верит ли Гегель, что он будет живым взят на небо или, как вечный жид, блуждать по свету? Ответ Гегеля бы резок: полемика, состоящая из злобных инсинуаций и безвкусных выходок, претендующих на остроумие, слишком жалка, чтобы назвать ее даже паршивой.

В полемических схватках проходил 1829 год. Но впереди была приятная перспектива: осенью Гегель решил предпринять новое каникулярное путешествие. Как обычно, заблаговременно он подал прошение о вспомоществовании, не преминув опять напомнить Альтенштейну о невыполненных обещаниях относительно повышения оклада. Речь шла об Академии наук,

которая упорно не желала открывать свои двери перед Гегелем. Академия, хотя и существовала на государственные деньги, все же сохраняла относительную независимость. Здесь не было, как в университете, государственного надзирателя, не было даже президента, ответственного перед правительством. Она управлялась по очереди секретарями отделений. Шлейермахер и Александр Гумбольдт играли решающую роль. Альтенштейн в течение одиннадцати лет настойчиво добивался избрания Гегеля. Академики его выслушивали, но решали по-своему. Последний раз вопрос рассматривался летом 1830 году. К этому времени Гегель уже помирился с Шлейермахером, и богослов настаивал на принятии философа в число членов академии. Но теперь на пленарном заседании воспротивились физики и математики. Их слово оказалось решающим, Гегелю было не суждено занять место в Прусской академии наук.

Альтенштейну ничего не оставалось, как в утешение компенсировать Гегелю путевые расходы, когда философ напоминал министру о несбывшихся надеждах. Так было и на этот раз. В конце августа 1829 года Гегель отправился в Прагу, провел там несколько дней, затем поехал в Карлсбад. Чешский курорт уже тогда пользовался мировой славой. Гегель не страдал каким-либо недугом, требующим в Карлсбаде специального лечения. Любопытства ради он пил, правда, целебную воду, но ванн .не принимал. Приятным сюрпризом была встреча с Шеллингом. Узнав, что друг его юности находится в Карлсбаде, Гегель отправился его разыскивать и застал во время процедуры в ванна. Они сердечно обнялись и не расставались в течение пятидней, пока Гегель но уехал. Вместе обедали, вместе лазали по горам, окружающим город, говорили о политике, о чем угодно, но только не о философии. На обратном пути Гегель заехал в Веймар. Это была последняя встреча с Гёте.

В октябре Гегеля выбрали ректором университета. Ректор избирался из числа профессоров сроком на один год. Одновременно правительство в соответствии с карлсбадскими постановлениями назначало для контроля своего уполномоченного. Гегель впервые совмещал в одном лице обе должности. Это свидетельствовало о высоком доверии, которым он пользовался не только у Альтеншьейна, но также и у органов безопасности Прусского государства.

18 октября Гегель произносит традиционную латинскую речь ректора, вступающего в должность. Тема выступления — академическая свобода. Университет, говорил он, обращаясь к профессорам и студентам, —. живое зеркало вселенной. Это сообщество, своего рода государство, где свобода и закон слились

воедино. Наши законы мы выработали сами, они являются законами дела, которому мы служим. Академическая свобода учения è обучения, развертывания всех ценностей жизни представляет собой образец и источник всех других свобод. Она далека как от слепого подчинения авторитету, так и от необоснованного релятивизма мнений и поступков. Университет покоится на прочной основе истины, которая и яляется его конечной целью, он соединяет в себе теорию и практику, религиозное и светское, всеобщее и индивидуальное начало в человеке.

В качестве ректора Гегелю пришлось произвести речь на латинском языке и 25 июня 1830 года, в день трехсотлетия кульминационного пункта Реформации, передаче лютеранами императору в Аугсбурге принципов новой веры. На этот раз Гегель говорил о религиозной свободе, которую завоевал протестантизм, преодолевший в отношениях между человеком и богом пропасть, вырытую католической церковью. На пороге своего шестидесятилетия Гегель еще раз воздал хвалу лютеранству как высшей ступени развития религиозного сознания.

К юбилею ученики Гегеля заказали памятную медаль. На лицевой стороне был выбит профиль философа, на оборотной — символическое изображение: в центре гений; справа от него женская фигура с крестом, олицетворяющая веру; слева — ученый, склонившийся над книгой, а над ними сова — олицетворение мудрости.

Союз веры и мудрости — так толковали смысл этого изображения.

Медаль пользовалась успехом у друзей юбиляра. Недоволен был только Гёте; почему — нетрудно догадаться. «Как ужасно мне не нравится оборотная сторона гегелевской медали, — писал он Цельтеру, — совершенно непонятно, что хотели этим сказать. Я доказал в своих стансах, что как поэт и как человек я умею почитать и украшать крест, но мне не нравится, что философ кружными путями через первоосновы и необоснованность бытия и небытия приводит учеников к этому изображению виселицы». Попытки соединить философскую мысль с богословием всегда возмущали поэта. Он неодобрительно относился к гегелевскому курсу о доказательствах бытия бога и вообще считал, что философия и религия вещи несовместимые.

В январе 1831 года Гегель удостоился правительственной награды — ордена Красного орла 3-й степени. К этому времени он уже сложил с себя обязанности ректора, но награда как бы отмечала его успехи и на этом поприще. В заслугу философу, в

частности, ставилось то, что в Берлинском университете за весь период его ректорства не было никаких антиправительственных выступлений. И это несмотря на то, что во Франции развернулись революционные события. Лишь один студент был задержан полицией за ношение французской кокарды, но это оказалось недоразумением: провинившийся искренне полагал, что на нем патриотический немецкий значок. Остальные дисциплинарные нарушения, связанные с вмешательством полиции не внушали серьезных опасений: двенадцать человек курили там, где не дозволено, трое дрались на дуэли, пятнадцать намеревались драться, тридцать нарушали порядок, но отнюдь не по политическим мотивам. Из университета никто не был исключен, только четырнадцать студентов посажены в карцер. Гегель оправдал оказанное ему доверие.

В конце июля 1830 года в Париже были объявлены королевские указы, отменявшие те куцые демократические свободы, которые еще существовали в стране. В литературной среде возникло брожение, затем перекинувшееся на улицы. Войска, брошенные против народа, перешли на его сторону. Гегель с живым интересом следил за событиями. Ганс, оказавшийся в это время в Париже, сообщал ему о положении во французской столице на 5 августа: «1. Порядок в Париже восстановлен. 2. Создана национальная гвардия во главе с Лафайетом. 3. Королевской гвардии предложили выразить свое отношение к указам. Если она за указы, то должна покинуть Париж. Она так и поступила. 4. Где находится король и Полиньяк, неизвестно. 5. Палаты пэров и депутатов заседают. 6. Создано временное правительство».

Революция не была доведена до конца. Франция осталась монархией, корону получил Луи-Филипп. Наступило царство банкиров и промышленников. Виктор Кузен занял крупный пост в министерстве просвещения. В мае 1831 года он приехал в Берлин для ознакомления с народным образованием и снова посетил Гегеля. Это была их последняя встреча.

Внимание Гегеля снова приковано к актуальным политическим проблемам его времени. Политика абсорбирует все интересы, признается он в одном из последних писем. Последнее значительное его произведение, увидевшее свет незадолго до смерти, — «Английский билль о реформе». Если в своей критике вюртембергских сословных представителей Гегель обрушивался на тех, кто отстаивал устаревшие права и привилегии, то здесь он выступает на стороне противников избирательной реформы. Гегель высказывает прямое опасение, что реформа повлечет за собой активизацию политической борьбы, которая опасна для

Англии потому, что монархическая власть там слишком слаба, чтобы играть роль оно-средующей силы между борющимися партиями. «Другой силой может быть народ; и оппозиция, базирующаяся на принципах, до сих пор чуждых парламенту, увидев неравенство сил по сравнению с противоположной парламентской партией, может поддаться соблазну искать поддержки в народе, и тогда вместо реформы произойдет революция».

Так заканчивалось это своего рода политическое завещание Гегеля. Прошло почти сорок лет с того времени когда юный тюбингенский студент набрасывал утопические планы возврата к античной свободе. За эти годы взгляды философа претерпели существенные изменения. Увлечение революцией сменилось разочарованием в насильственной ломке социальных устоев. Эмоционально-художественное отношение к действительности уступило место культу логического мышления, раскрывшегося перед философом во всей сложности и полноте. Все личное, волнующее только индивида, отступило на задний план перед интересами государства как социального целого. Многие перемены произошли в убеждениях Гегеля, но никогда не оставляла мыслителя вера в разум человека, в правопорядок и справедливость.

Летом 1831 года в Берлине началась эпидемия холеры. Семья Гегеля перебралась за город, в Крейцберг. В Берлин старались не ездить, и даже свою шестьдесят первую годовщину философ отпраздновал за городом, в ресторане «Тиволи». Собралось всего несколько человек (многие друзья и почитатели мыслителя, напуганные холерой, бежали подальше от столицы). Едва выпили шампанское и принялись за кофе, как внезапно налетела сильная гроза, разогнавшая гостей. В этом увидели дурное предзнаменование.

Летом и осенью Гегель готовил второе издание «Науки логики». Многое было уточнено и дополнено, но коренной переработке труд не подвергся. Заканчивая новое предисловие, философ вспоминал о том, что Платон семь раз переделывал свои книги о государстве. Современному автору, имеющему перед собой и более сложные проблемы и более обширный материал, следовало бы перерабатывать написанное семьдесят семь раз. Но увы, такой возможности нет, более того, в душу философа закрадывается сомнение, оставляет ли повседневная суета современного мира вообще достаточно простора для мыслительной работы. Поэтому он выпускает свою книгу, довольствуясь тем, чем его труд мог стать в таких условиях. Под предисловием стоит дата 7 ноября 1831 года.

К этому времени Гегель снова в Берлине. Холера начала стихать, и в университете возобновились занятия. На зимний семестр Гегель объявил два курса: философию права и историю философии. Придя на факультет, Гегель обнаружил объявление профессора Ганса о чтении им истории общего права; в объявлении Ганс советовал студентам посещать лекции Гегеля. Дело заключалось в том, что уже несколько лет Гегель не читал философии права, передав этот курс целиком Гансу. Но в высших сферах были недовольны: «Ганс делает студентов республиканцами». Тогда министерство предложило Гегелю снова приступить к чтению этого ответственного курса. В 1830 году Гегель объявил его параллельно с лекциями Ганса. Но записалось к нему всего лишь двадцать пять человек. И Гегель «по нездоровью» от курса отказался (вместо него читал Михелет). На зимний семестр 1831 года Гегель снова объявил философию права. Боясь повторения прошлогодней истории, Ганс обращался к споим студентам с рекомендацией ходить на лекции к его учителю. Гегель обиделся и отправил Гансу записку следующего содержания, состоящую из одной фразы: «В ответ на эксцентричную, как я готов выразиться, мысль, пришедшую Вам в голову, дорогой профессор, сделать объявление, в котором Вы говорите студентам о конкуренции, подвергавшейся нашему обсуждению, и позволяете себе рекомендовать им посещение моих лекций, я мог считать своим долгом сделать со своей стороны также публичное объявление с целью предотвратить возможное среди моих товарищей и студентов предположение, выставляющее меня в глупом свете, будто я согласен с Вашим объявлением, будто бы такое Ваше объявление и рекомендация моих лекций вызваны мною самим, как Вы почти даете мне понять в своем заявлении, не употребляя, однако, моих выражений; надежда, что, по крайней мере, люди, знающие меня, не припишут мне такого поступка, и опасение дать Вам повод к новым неловкостям и промахам заставляют меня выразить Вам свой взгляд на Ваше объявление этими строками, а не объявлением». Письмо помечено: «Берлин. 12 ноября, 1831». Через день Гегеля не стало.

Утром в воскресенье 13 ноября философ почувствовал себя плохо: боли в желудке и рвота. Гостей, приглашенных к обеду, попросили вернуться домой.. Вызвали врача, который не нашел ничего опасного; у больного и ранее бывали подобные припадки. Ночью он не мог уснуть. «Я сидела возле него, — писала жена сестре Гегеля, — укутывала его, если он садился или сбрасывал с себя одеяло. Он непрестанно просил меня прилечь и оставить его в покое. Боль в желудке не была острой, но «как зубная боль,

которая не дает возможности спокойно лежать». Утром в понедельник он намеревался встать. Мы перевели его в гостиную, при этом он был так слаб, что чуть не упал, не дойдя до дивана. Я принесла подушки и пуховики. Он жаловался только на слабость. Тошнота и боль исчезли, и он сказал: «Боже, хотя бы один час покоя сегодня ночью». Он сказал, что ему нужен покой, и попросил не принимать гостей. Я хотела проверить его пульс, по он мягко отстранил мою руку, как бы говоря мне : беспокойся. Врач был с раннего утра, прописал, как и накануне, горчичники на нижнюю часть тела (вечером я ставила пьявки). При мочеиспускании были боли, и он расплакался. Но в целом вел себя спокойно, лежал потный, в полном сознании и, как мне казалось, не осознавая опасности. Пришел другой врач, доктор Хорн, прописал горчичники на все тело, а поверх фланель, смоченную в отваре ромашки. Ему это не причиняло помех и беспокойства. В три часа начались судороги в груди, потом он ненадолго уснул. Вдруг левая часть лица похолодела, руки закоченели и посинели. Мы стояли на коленях у его ложа и прислушивались к его дыханию». В четверть шестого Гегель скончался. В тот же самый день, 14 ноября, за 115 лет до этого умер Лейбниц. Кроме членов семьи, у смертного одра философа находился Иоганнес Шульце.

Врачебное заключение гласило: холера в ее интенсивнейшей форме. Этот диагноз поставила под сомнение уже жена покойного. Современные биографы с ней согласны: скорее всего причиной смерти было обострение желудочного заболевания, которое давало себя знать и раньше. Не будь эпидемии, никто из врачей не вспомнил бы о холере. Да и друзья умершего не думали о ней: известие о смерти философа немедленно привело их в его дом. И хоронили Гегеля совсем не так, как жертв эпидемии, которых немедленно закапывали на особом кладбище. (Правда, полицей-президент Берлина, разрешивший официальные похороны, имел по этому поводу потом неприятности.) Торжественное погребение состоялось 16 ноября. В актовом зале университета ректор Мархайнеке произнес речь. Длинная процессия студентов сопровождала гроб на кладбище, где Мархайнеке и Фёрстер снова выступили с речами. Могила Гегеля находится в центре современного Берлина на кладбище близ Ораниенбургских ворот. Рядом покоится Фихте. И Бертольд Брехт.

* * *

На следующий год после смерти Гегеля добровольно окончила счеты с жизнью его сестра Христиана. Она была на три года моложе философа, страдала душевным расстройством, одно время находилась в психиатрической больнице. Ей казалось, что врачи губят ее здоровье при помощи особых магнитов, и, чтобы предохранить себя, надевала множество экзотического вида одежд. Смерть брата окончательно лишила смысла ее и без того тусклое существование.

Жена Гегеля пережила мужа на двадцать четыре года. Младший сын, Иммануил, стал церковным чиновником, последний его пост — президент консистории в Бран-денбурге. Средний сын, Карл, доживший до начала нашего века, — известный в свое время историк-медиевист» Трагично сложилась жизнь первенца — Людвига. Его судьба — темное пятно на биографии великого человека. Рожденный вне брака, он с четырех лет воспитывался в пансионе Софии Бон, свояченицы книготорговца Фроммана, который вместе с братом философа Георгом (погибшим потом в России) был его крестным отцом. Мальчик получил воспитание, которое было принято в обществе. В Иене его называли «маленький Гегель», Гёте посвятил ему четверостишие:

Ты был ребенок и с доверьем шел
Навстречу бытию, исполненному зол.
Мужайся перед ним и, коль придется туго,
Возвысь свой дух благословеньем друга .
Перевод Б. Чичибабина

Когда Людвигу минуло десять лет, отец взял его к себе в Гейдельберг. В Берлине он, как потом и другие сыновья Гегеля, посещал французскую гимназию, учился хорошо, проявляя способности к языкам. Отец радовался его успехам и прилежанию. Но затем произошло что-то непонятное. Пятнадцати лет его взяли из школы и отдали в Штутгарт в обучение к торговцу. Там впечатлительный мальчик, и без того страдавший от одиночества, почувствовал себя совершенно несчастным. Дальнейшее ухудшение отношений между отцом и сыном, по одной версии, было вызвано пропажей у купца 8 грошей, в которой обвинили Людвига, после чего Гегель заявил, что сын недостоин носить его фамилию, и Людвиг отныне должен был называть себя Фишер — по девичьей фамилии своей покойной матери. Другую версию излагает Людвиг в одном из писем: «Когда я переехал из Иены в Гейдельберг, я сильно обманывал себя надеждой, что ко мне будут относиться с любовью. Но меня

поставили на последнее место как пасынка — и отец, которого я никогда более так не назову, и мачеха, сама имевшая еще двух детей. Таким образом, я жил всегда в страхе, а не в любви к родителям, отношения всегда были натянутыми и не могли привести к добру. В Берлине только недостаток средств мешал мне удрать из дома, я бы осуществил этот план, если бы у меня был хотя бы товарищ. В эти годы сложился мой характер, у меня объявились наклонности к языкам, и в течение целой четверти я был первым учеником по латыни и греческому. Как мне хотелось изучать медицину! Но мне было заявлено, чтобы я об этом и не думал, меня отдали к торговцу. Я сказал, что мне будет там тяжело, я не рожден для этого дела, тогда мне ответили, что лишат поддержки.

Теперь это произошло. Я уже давно собирался покинуть Штутгарт, и всякий раз менял решение. Но в конце концов я не мог больше терпеть произвола приказчиков, да и хозяин — человек ограниченный во всех отношениях; состоялся неприятный разговор с ним, я попросил увольнения, которое было мне после повторных требований предоставлено. Господин Гегель распрощался со мной через моего хозяина и ничего мне непосредственно не написал. Из Майнца я послал ему сердечное прощальное письмо, последнее, которое он от меня получит, и на этом мы порвали». Восемнадцатилетний юноша завербовался в солдаты, на шесть лет его отправили в Индонезию. Гегель ничего о нем не желал знать. Ван Герт, его ученик и крупный чиновник в Нидерландах, писал ему в 1828 году: «Вы забыли мне сказать самые необходимые сведения о Вашем сыне, который находится на голландской службе в Батавии. Мне было бы приятно быть ему полезным, и у меня есть для этого все возможности, Будьте так добры, сообщите мне, в какой он части и что нужно сделать, я сделаю гораздо больше, чем Вы полагаете». Гегель ему не ответил. Капрал Людвиг Фишер отслужил на Яве свои шесть лет, но по истечении срока заболел тропической лихорадкой и умер в 1831 году, опередив отца на два с половиной месяца.

Такова судьба близких Гегеля. Но у философа было и другое потомство, связанное с ним узами духовного родства. Вскоре после смерти мыслителя начало выходить восемнадцатитомное собрание сочинений, куда были включены и тексты лекций. Мархайнеке подготовил издание лекций по философии религии, Гото — по эстетике, Михелет — по истории философии, Ганс — по философии истории. Если к этим именам добавить Гегеля и Хинрихса, то мы получим представление о том, кто входил в группу так называемых «старых» гегельянцев — выпестованных самим Гегелем учеников и близких его друзей. Два названных в

последнюю очередь выделялись своими консервативными взглядами и стремлением истолковать гегелевское учение целиком в духе протестантской ортодоксии. Это было правое крыло школы. Здесь религию уравнивали в правах с философией, абсолютную идею рассматривали в качестве господа бога, вместо триады предпочитали рассуждать о святой троице.

Но в недрах гегелевской школы, занимавшей доминирующее положение в духовной жизни Германии, зрели новые веяния. Четыре года спустя после смерти философа вышла книга Давида Штрауса «Жизнь Иисуса», которая произвела сильное впечатление на современников и выдержала несколько изданий. Используя методы критики исторических источников, Штраус пришел к выводу о недостоверности евангелия. Все сообщения евангелистов о деяниях Иисуса неправдоподобны, никаких сотворенных им чудес не было и быть не могло. Вместе с тем евангельские истории не сознательный вымысел, это мифотворчество, а мифы представляют собой нечто большее, чем произвольные выдумки; мифы — продукт коллективного бессознательного творчества народа или крупной религиозной общины. В основе работы Штрауса лежало гегелевское учение о духовной субстаяции народа.

«Жизнь Иисуса» сломала официальную гегелевскую традицию. Она положила начало движению «левых» гегельянцев, или «младогегельянцев» — открытых атеистов и республиканцев. Наиболее яркая фигура среди них — Бруно Бауэр, который в критике христианства пошел значительно дальше Штрауса. По Бауэру, евангельские сказания — заведомые фикции, сознательный, преднамеренный обман. Ошибка Штрауса заключается в том, что он абсолютизирует «субстанцию», то есть дух, не достигший «самосознания». Народ как таковой, по Бауэру, не может ничего создать непосредственно из своей субстанциальности, только единичное сознание дает ей и форму и определенность содержания.

Спорили о религиозных проблемах (только в этой области допускался тогда обмен мнениями), но за богословием скрывалась философия. Вопрос о том, как возникли евангельские рассказы о чудесах: путем ли бессознательного мифологического творчества или их придумали евангелисты, разросся до вопроса о том, что является главной действующей силой во всемирной истории: «субстанция» или «самосознание», национальная культура или критически мыслящая личность.

Бауэр был атеистом, он писал остроумные антирелигиозные памфлеты, пародируя борьбу церковников против «антихриста» Гегеля, но он никогда не покидал почву идеалистической

философии. Гегелевская философия в его интерпретации окрашивалась в тона фихтеанства. Спор не выходил за пределы идеализма.

Картина изменилась коренным образом в 1841 году, когда появилась книга, которая восстановила в правах материализм как философское учение. «Природа существует независимо от какой бы то ни было философия. Она есть та основа, на которой выросли мы, люди, сами продукты природы. Вне природы и человека нет ничего, и высшие существа, созданные нашей религиозной фантазией, — это лишь фантастические отражения нашей собственной сущности. Заклятие было снято; «система» была взорвана и отброшена в сторону, противоречие разрешено простым обнаружением того обстоятельства, что оно существует только в воображении. — Надо было пережить освободительное действие этой книги, чтобы составить себе представление об этом»[32], — писал много дет спустя Ф. Энгельс. Книга называлась «Сущность христианства», ее автором был Людвиг Фейербах.

Проходит еще три года, и в Париже в сборнике. «Немецко-французские ежегодники» появляется статья Карла Маркса «К критике гегелевской философии права. Введение». Для Германии, констатировал автор, критика религии, по существу, закончена. Ближайшая задача философии состоит в том, чтобы критику неба превратить , в критику земли, критику религии и теологии — в критику права и политики. Маркс призывал к политической революции и указывал на материальную силу, которая в состоянии ее осуществить, — класс пролетариев. Отныне дальнейшая судьба гегелевского наследия была связана с историей диалектического материализма.

* * *

Наш рассказ о жизни и учении великого философа подходит к концу. Можно подвести итоги.

Идея историзма — главное завоевание учения Гегеля. Мир — это процесс, и истина тоже процесс. Для диалектики нет и быть не может никаких вечных и неизменных форм — ни в действительности, ни в знании о ней.

Источник движения — противоречие. Единое раздваивается, и противоборство составляющих его частей дает импульс к усложнению структуры. В ходе развития старое исчезает не полностью, положительное в нем сохраняется, обогащается, поднимается на более высокую ступень.

Все предшествующие состояния и достигнутый уровень

связаны воедино. Вообще мир не механический агрегат, а органическое целое. Вещи и процессы, явления природы и события истории представляют собой моменты единой системы мироздания. Системность — особо важная черта философии Гегеля. Те или иные отдельные диалектические идеи были известны с незапамятных времен. Гегель не только углубил их и придал им всеобщее значение, но (и это главное) попытался построить единую систему диалектических категорий, то есть особого рода гибких понятий, переходящих в свою противоположность и этим своим движением воспроизводящих богатство развивающейся действительности. Система строго субординирована, принцип ее построения — движение мысли от абстрактного к конкретному, от одностороннего, бедного содержания к единству многоразличных определений.

Но здесь коренится и источник ограниченности. Субординированная система имеет границы, попытка раздвинуть их ведет к упрощению. Система становится схемой. Система Гегеля находится в явном противоречии с его методом. Отсюда и двойственный характер его учения и двойственность оценок. А. Герцен называл учение Гегеля «алгеброй революции», Р. Гайм — «философией реставрации».

Гегель противоречив: прогрессивное, революционное в его учении причудливо переплелось с консервативным и даже реакционным. Живительные идеи гегелевской диалектики, критически трансформировав их на материалистической основе, впитала в себя и развила марксистская философия. Но на Гегеля претендуют и самые воинствующие, ретроградные теории нашего времени.

«В великой битве под Сталинградом сошлись две гегелевские школы», — писал во время Отечественной войны один западный публицист. Эта фраза нуждается в серьезных поправках. Ни марксизм, ни Советскую Армию нельзя назвать «гегелевской школой». Никак не подходит это название к гитлеровским варварам, растоптавшим культурные традиции своей страны. Но верно то, что наша военная победа была победой научного мировоззрения, усвоившего все самое ценное в идейном богатстве, накопленном людьми. В том числе и в философии Гегеля.

Битва идей давно вышла за пределы кабинетов ученых, за пределы профессиональной философии. И хотя это не столкновение армий, но в ней принимают активное участие миллионные массы. Идет борьба и за гегелевское наследие.

В августе 1970 года исполнилось двести лет со дня рождения философа. Время — самый взыскательный судья, его приговор

окончателен. Время подтвердило — в дни юбилея :это стало еще раз очевидно — справедливость оценок Гегеля, принадлежащих классикам марксизма-ленинизма. Вот еще одна, итоговая. «Гегелевская система, — писал Ф. Энгельс, — охватила несравненно более широкую область, чем какая бы то ни была прежняя система, и развила в этой области еще и поныне поражающее богатство мыслей. Феноменология духа (которую можно было бы назвать параллелью эмбриологии и палеонтологии духа, отображением индивидуального сознания на различных ступенях его развития, рассматриваемых как сокращенное воспроизведение ступеней, исторически пройденных человеческим сознанием), логика, философия природы, философия духа, разработанная в ее отдельных исторических подразделениях: философия истории, права, религии, история философии, эстетика и т.д.,—в каждой из этих различных исторических областей Гегель старается найти и указать проходящую через нее нить развития. А так как он обладал не только творческим гением, но и энциклопедической ученостью, то его выступление везде составило эпоху. Само собой понятно, что нужды «системы» довольно часто заставляли его здесь прибегать к тем насильственным конструкциям, по поводу которых до сих пор подымают такой ужасный крик его ничтожные противники. Но эти конструкции служат только рамками, лесами возводимого им здания. Кто не задерживается излишне на них, а глубже проникает в грандиозное здание, тот находит там бесчисленные сокровища, до настоящего времени сохранившие свою полную ценность. У всех философов преходящей оказывается как раз «система», и именно потому, что системы возникают из непреходящей потребности человеческого духа: потребности преодолеть все противоречия. Но если бы все противоречия были раз навсегда устранены, то мы пришли бы к так называемой абсолютной истине, — всемирная история была бы закончена и в то же время должна была бы продолжаться, хотя ей уже ничего не оставалось бы делать. Таким образом, тут получается новое неразрешимое противоречие. Требовать от философии разрешения всех противоречий, значит требовать, чтобы один философ сделал такое дело, какое в состоянии выполнить только все человечество в своем поступательном развитии» [33].

К этому уже нечего добавить. Нам остается только поблагодарить читателя за внимание и попрощаться с ним.

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

1770, 27 августа — В Штутгарте (Эберхардтштрассе, 53) родился Георг Вильгельм Фридрих Гегель.

1788, 27 октября — Гегель зачислен на теологический факультет университета в Тюбингене.

1790, 27 сентября — Гегель защищает магистерскую диссертацию по философии.

1792 — Начало работы над рукописью «Народная религия и христианство».

1793, июнь — Защита богословской диссертации.

20 сентября — Окончание университета.

Октябрь—Гегель—учитель в доме Штейгера (Берн).

1794 — Гегель прекратил работу над рукописью «Народная рели гия и христианство».

1795, май — июнь — Работа над рукописью «Жизнь Иисуса».

2 ноября — Начало работы над рукописью «Позитивность христианской религии» (окончена 29 апреля 1796 года).

1796, 25 июля — начало августа — Гегель путешествует в Аль пах, ведет путевой дневник.

1797, январь — Гегель — учитель в доме Гогеля (Франкфурт).

1798, весна — Выходит первая печатная работа (анонимно): «До верительные письма о прежних государственно-правовых отношениях Вадтланда к городу Берн».

Лето — осень — зима — Работа над рукописью «Дух христианства и его судьба». **1799, март** — Пребывание в Штутгарте.

Весна — лето — Работа над рукописью «Дух христианства и его судьба».

1800, 14 сентября — Написан «Фрагмент системы».

29 сентября — Написано новое введение к работе «Позитивность христианской религии».

1801, январь — Гегель в Иене.

Июль — Вышла в свет работа «Различие между системой Фихте и Шеллинга».

27 августа — Габилитационный диспут.

18 октября — Диссертация представлена факультету.

21 октября — Первая встреча Гегеля с Гёте.

Зимний семестр — Гегель читает курсы: «Логика и

мета физика» и «Введение в идею истинной философии».

1802, январь — Начал выходить «Критический журнал философии». В первом номере опубликованы две работы Гегеля: «О сущности философской критики» и «Как здравый че ловеческий рассудок относится к философии».

Март — Вышел «Критический журнал философии» (т. 1, [1] 2) со статьей Гегеля «Отношение скептицизма к фило софии».

Летний семестр — Гегель читает курсы: «Логика и мета физика», «Естественное и международное право»,

Июль — Вышел «Критический журнал философии» (т. 2, [1]1) со статьей Гегеля «Вера и знание.».

Зимний семестр — Гегель читает курсы: «Логика и мета физика», «Естественное право».

Декабрь — Вышел «Критический журнал философии» (т. 2, [1] 2), содержащий начало статьи Гегеля «О научных способах исследования естественного права».

1803, летний семестр — Гегель читает курсы: «Энциклопедия фи лософии» и «Естественное право».

Май — Вышел «Критический журнал философии» (т. 2, [1] 3) с окончанием статьи о естественном праве.

Лето — осень — Работа над рукописью по философии природы.

Зимний семестр — Гегель читает курсы: «Система спекулятивной философии» и «Естественное право».

Зима — Работа над рукописью по философии духа.

Ноябрь — декабрь — Встречи Гегеля о Гёте.

1804, 30 января — Иенское минералогическое общество избирает Гегеля асессором.

Летний семестр — Гегель читает курс «Всеобщая система философии».

1 августа — Гегель избран действительным членом Обще ства естествоиспытателей Вестфалии.

Лето — осень — Работа над рукописью «Логика. Мета физика. Натурфилософия».

Зимний семестр — Гегель читает курсы: «Логика и мета физика», «Философская наука в целом». **1805, март** — Гегель — экстраординарный профессор.

Летний семестр — Гегель читает курсы: «Философская наука в целом», «Естественное право».

Осень — Работа над рукописью «Реальная философия».

Зимний семестр — Гегель читает курсы: «История философии», «Реальная философия», «Чистая математика,

арифметика и геометрия».

1806, летний семестр — Гегель читает курсы: «Философия при роды и человеческого рассудка», «Спекулятивная философия или логика», «Чистая математика, арифметика и геометрия».

Июнь — Гегелю назначен первый академический оклад — 100 талеров в год.

В ночь на 14 октября — закончена «Феноменология духа».

Зимний семестр — Гегель читает курсы: «Философия природы и духа», «Спекулятивная философия, или логика и метафизика, которым предпослана феноменология духа», «Чистая математика, арифметика и геометрия».

1807, 1 января — Гегель избран почетным членом физического общества в Гейдельберге.

5 февраля — Родился внебрачный сын Людвиг.

Март — Переезд в Бамберг. Гегель — редактор ежедневной газеты. «Феноменология духа» вышла в свет.

1808, начало декабря — Переезд в Нюрнберг.

==267

1809, 29 сентября — Речь по поводу окончания учебного года.

1810, 14 сентября — Речь по поводу окончания учебного года.

1811, апрель — Мария Тухер согласна стать женой Гегеля.

2 сентября — Речь по поводу окончания учебного года.

16 сентября — Бракосочетание.

1812, весна — Вышла первая часть «Науки логики».

Август — Рождение и смерть дочери.

Декабрь — Вышла вторая часть первого тома «Науки ло гики».

1813, 9 июня — Родился сын Карл.

2 сентября — Речь по поводу окончания учебного года.

15 декабря — Гегель назначен по совместительству рефе рентом по школьным делам городского комиссариата Нюрнберга.

1814, 25 сентября — Родился сын Иммануил.

1815, 30 августа — Речь по поводу окончания учебного года.

1816, начало осени — Выход в свет второго тома «Науки логики».

Октябрь — Переезд в Гейдельберг.

Зимний семестр — Гегель читает курсы: «Энциклопедия философских наук» и «История философии».

1817, январь — Опубликована статья Гегеля о третьем томе сочи нений Ф. Якоби («Гейдельбергкиие ежегодники литера туры» № 1 — 2).

Летний семестр — Гегель читает курсы: «Логика и мета физика», «Эстетика», «Антропология и психология».

Июнь — Вышла в свет «Энциклопедия философских наук».

18 июля — Гегель и Крейцер вручают докторский диплом Жану-Полю Рихтеру.

Зимний семестр — Гегель читает курсы: «Естественное право», «История философии», «Антропология и психология».

Ноябрь—декабрь — Выходит в свет работа Гегеля «Оценка по явившихся в печати дебатов сословного собрания королевства Вюртемберг» («Гейдельбергские ежегодники литературы»» № 67—68, 73—77).

1818, 24 января — Гегель принял приглашение в Берлин.

Летний семестр — Гегель читает в Гейдельберге курсы: «Энциклопедия философских наук», «Эстетика».

18 сентября — Гегель покинул Гейдельберг.

23 сентября — Гегель в гостях у Гёте в Веймаре.

22 октября — Вступительная лекция в Берлинском университете.

Зимний семестр — Гегель читает курсы: «Естественное право и государствоведение», «Энциклопедия философских наук».

1819, март — Работа над книгой по философии права.

Летний семестр — Гегель читает курсы: «Логика и мета физика», «История философии».

Зимний семестр — Гегель читает курсы: «Натурфилософия». «Естественное право и государствоведение, или философия права».

1820, летний семестр — Гегель читает курсы: «Логика и метафи зика», «Антропология и психология».

14 июля — Гегель назначен по совместительству чле ном научной экзаменационной комиссии провинции Бранденбург (оставался на этом посту до декабря 1822 года).

Октябрь — Вышла в свет книга «Основы философии права».

Зимний семестр — Гегель читает курсы «История философии», «Эстетика, или философия искусства». **1821, летний семестр** — Гегель читает курсы «Философия религии», «Логика и метафизика».

Зимний семестр — Гегель читает курсы: «Рациональная физика, или философия природы», «Естественное право и государствоведение, или философия права».

1822, летний семестр — Гегель читает курсы: «Антропология и психология», «Логика и метафизика».

Сентябрь — октябрь — Поездка в Брюссель.

Зимний семестр — Гегель — член сената университета.

Читает курсы: «Философия всемирной истории», «Естественное и государственное право, или философия права».

1823, апрель — Поездка в Лейпциг.

Летний семестр — Гегель читает курсы: «Эстетика, или философия искусства», «Логика и метафизика».

Сентябрь — Гегель получил диплом голландского ученого общества «Конкордия».

Зимний семестр — Гегель читает курс «Философия природы».

1824, летний семестр — Гегель читает курсы: «Философия религии», «Логика и метафизика».

Сентябрь—октябрь — Поездка в Вену.

Зимний семестр — Гегель читает курсы: «Естественное и государственное право», «Философия всемирной истории».

1825, летний семестр — Гегель читает курсы: «Логика и метафизика», «Антропология и психология, или философия духа».

Зимний семестр — Гегель читает курсы: «История философии», «Философия природы, или рациональная физика».

1826, январь — В «Берлинской экстренной почте» ([1] 8—9) напечатана рецензия Гегеля на пьесу Раупаха «Обращенные»..

Летний семестр — Гегель читает курсы: «Логика и мета физика», «Эстетика, или философия искусства».

Зимний семестр — Гегель читает курсы: «Энциклопедия философских наук», «Философия всемирной истории».

1827, январь — Под руководством Гегеля начал выходить журнал «Ежегодники научной критики». В январских ([1] 7—8) и октябрьских ([1] 181—188) выпусках опубликована рецензия Гегеля на книгу В. Гумбольдта «Об эпизоде из Махабхараты, известном под названием Бхавад-Гита».

Летний семестр — Гегель читает курсы: «Логика и мета физика», «Философия религии».

Июль — Вышло второе издание «Энциклопедии философ ских наук».

Август — октябрь — Поездка в Париж.

Зимний семестр — Гегель читает курсы: «История философии», «Психология и антропология».

1828, март и июнь — В «Ежегодниках» ([1] 51—54, 105—110) опубликована статья Гегеля о работах Зольгера.

Летний семестр — Гегель читает курсы: «Логика и мета физика», «Философия природы».

Апрель и июнь — В «Ежегодниках» ([1] 77—80, 105—110) опубликована статья Гегеля «О сочинениях Гамана», **Зимний семестр** — Гегель читает курсы: «Эстетика, или философия искусства», «Философия всемирной истории».

Ноябрь — Л. Фейербах посылает Гегелю свою диссертацию.

1829, январь, февраль, июнь — В «Ежегодниках ([1] 10—11, 13— 14, 37—40, 117—120) опубликована рецензия Гегеля на книги «О гегелевском учении, или об абсолютном знании», «0 философии вообще и гегелевской «Энциклопедии фи лософских наук» в частности. К оценке последней».

Летний семестр — Гегель читает курсы: «О доказательствах бытия божия», «Логика и метафизика».

Май и июнь — В «Ежегодниках» ([1] 99—102, 105—106) напечатана рецензия Гегеля на книгу «Афоризмы о не знании и абсолютном знании».

Конец августа, сентябрь — Поездка в Прагу и Карлсбад.

11 сентября — Гегель в Веймаре. Последняя встреча с Гёте.

Октябрь — Гегель избран ректором Берлинского университета.

18 октября — Речь на латинском языке по поводу вступления в должность.

Зимний семестр — Гегель читает курсы: «История философии», «Психология и антропология»,

1830, летний семестр — Гегель читает курсы: «Логика и метафизика», «Философия природы».

25 июня — Речь по поводу 300-летия аугсбургскоговеро исповедания.

Октябрь — Вышло третье издание «Энциклопедия философских наук». Речь по поводу ухода с поста ректора.

Зимний семестр — Гегель читает курс «Философия все мирной истории».

1831, январь — Гегель награжден орденом Красного орла.

Апрель — В «Прусской государственной газете» ([1] 115, 116, 118) не полностью опубликована статья Гегеля

«Английский билль о реформе».

Летний семестр — Гегель читает курсы: «Логика», «Философия религии».

Июнь — В «Ежегодниках» (^{1} 106—108) опубликована рецензия Гегеля на книгу А. Оперта «Идеалреализм».

Сентябрь — В «Ежегодниках» (II ^{1} 55—58) напечатана рецензия Гегеля на книгу И. Герреса «Об основах периодизации и последовательности всемирной истории».

14 ноября — Гегель скоропостижно скончался

КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

Полного собрания сочинений Гегеля нет ни по-русски, ни на языке оригинала. В распоряжении советского читателя имеется четырнадцатитомное собрание сочинений (1929—1959) в следующем составе: тт. 1—3 — «Энциклопедия философских наук» («Логика», «Философия природы», «Философия духа»); т. 4 — «Феноменология духа»; тт. 5—6 — «Наука логики»; т. 7 — «Философия права»; т. 8 — «Философия истории»; тт. 9—II — «История философии»; тт. 12—14—«Эстетика».

В настоящее время издательство «Искусство» выпускает четырехтомное издание работ Гегеля по эстетике, издательство «Мысль» — двухтомник «Работы разных лет» (статьи, фрагменты, письма); во втором томе читатель найдет подробную библиографию, в том числе данные о немецких собраниях сочинений Гегеля и их составе.

К. Маркс, К критике гегелевской философии права. Введение. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., 2-е изд., т. 1.

Ф. Энгельс, Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., 2-е изд., т. 21.

В. И. Ленин, Философские тетради. Полн. собр. соч., т. 29.

М. Ф. Овсянников, Философия Гегеля. М., 1959.

М. Лифшиц, Литературное наследство Гегеля (в его книге «Вопросы искусства и философии») М., 1935.

Б. С. Чернышев, О логике Гегеля. М., 1941.

К. И. Гулиан. Метод и система Гегеля. Пер. с румынского. Т. 1—2. М., 1962—1963.

К. С. Бакрадзе, Система и метод Гегеля. Тбилиси, 1958.

К. Фишер, Гегель, его жизнь, сочинения и учение. Пер. с немецкого. Два полутома. М., 1903. Первый полутом переиздан в 1933 году.

notes

Примечания

1

«Philosophie nullam operam impendit». Позднее на полях документа было сделано исправление: вместо «никаких» («nullarn») — «много» («multam»). Когда появилась приписка — неизвестно. То ли экзаменаторы своевременно спохватились, то ли кто-то позднее решил спасти честь Тюбингенского университета, не разгадавшего в своем воспитаннике великого мыслителя.

2

К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., 2-е изд. т. 33, стр.45.

3

Бог из машины, то есть: совершенно неожиданно (латин.).

4

Категорический императив— термин, которым Кант обозначал главный принцип своей этики, сформулированный им следующим образом: «Поступай так, чтобы основное правило твоей воли всегда могло быть вместе с тем и принципом всеобщего законодательства».

5

Крайний предел (латин.).

6

Передают, что однажды Огюст Конт обратился к Гегелю с просьбой изложить свое учение коротко, популярно и по-французски. Гегель якобы обиженно ответия, что его философию нельзя изложить ни коротко, ни популярно, ни по-французски. То, на что не решился философ, попытался осуществить поэт

К. Маркс и Ф. Энгельс, Из ранних произведений. М., 1956, стр. 400.

8

Это написанное 29 сентября 1804 года письмо — первое из известных нам писем Гегеля к Гёте. В Собрании сочинений Гегеля опубликовано письмо к Гёте от 3 августа 1803 года, которое производит необычное для него впечатление и своим подобострастным тоном, и содержащимся в нем своего рода тайным доносом. Как недавно установлено, это письмо написано не Гегелем, а бургомистром Иены Фогелем. Гегелю ошибочно приписывается и другое письмо Фогеля к Гёте — от 6 декабря 1804 года.

9

К. Маркс и Ф. Энгельс, Из ранних произведении, стр. 624.

10

К. Маркси Ф. Энгельс, Из ранних произведений, стр. 627

11

Там же

12

К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., 2-е изд., т. 2, стр. 210

13

В. И. Ленин,Полн. собр. соч., 1. 29, стр. 162

14

В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 29, стр. 92—93.

15

В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 29, стр. 131

16

В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 29, стр. 136.

Разумеется, не эти раздраженные сентенции передают подлинное отношение Гегеля к России. Гораздо убедительнее звучат его слова из более позднего письма к своему ученику Борису Икскюлю: «Ваше счастье, что отечество ваше занимает такое выдающееся место во всемирной истории, имея, без сомнения, еще более великое предназначение. Остальные современные государства как будто бы уже более или менее достигли щели своего развития, быть может, кульминационный пункт многих уже позади, и положение их стало статическим. Россия же, уже теперь, может быть, сильнейшая держава среди прочих, в лоне своем заключает небывалые возможности развития своей интенсивной природы».

18

К. Маркс и Ф. Энгельс,Соч., 2-е изд., т. 21, стр. 274

19

К. Маркси Ф. Энгельс,Соч., 2-е изд., т. 1, стр. 271

20

В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 29, стр. 289

21

К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., 2-е изд., т. 21, стр. 277

К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., 2-е изд., т. 3, стр. 38.

23

К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., 2-е изд., т. 21, стр. 275

24

К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., 2-е изд., т. 46, ч. 1, стр. 24,

25

Там ж в т. 19, стр.121.

26

К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., 2-е изд., т. 1, стр. 365

27

К.Маркс и Ф Энгельс, Об искусстве, т. 1, стр. 140

28

К. Маркс и Ф.Энгельс, Соч., 2-е изд., т. 12, стр. 4

29

К. Маркс Ф. Энгельс, Из ранних произведений, стр. 98

30

В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 29, стр. 258.

31

Пьеса Скриба

32

К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., 2-е изд., т. 21, стр. 280—281

33

К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 21, стр. 277—278